

ФЭННИ ФЛЭГГ

РАЙ ГДЕ-ТО РЯДОМ

Annotation

«Рай где-то рядом» — новая книга Фэнни Флэгг, чей роман «Жареные зеленые помидоры в кафе „Полустанок“» для многих является одной из самых любимых книг. Фэнни Флэгг — редкая по нынешним временам писательница, она пишет нежные, добрые и мудрые книги, которые затрагивают лучшие струны в душе человека.

Жизнь — очень странная штука. Только что неугомонная Элмер взобралась на фиговое дерево, чтобы собрать сладких спелых плодов, а в следующий миг она уже энергично общается с Господом Богом и обитателями Рая. И пока Элмер наслаждается небесными беседами, на земле творится настоящее светопреставление. Ее нервическая племянница Норма упала в обморок, ее приятель Лютер ухнул вместе со своим грузовиком в канаву, а соседка Вербена бросилась штудировать Библию. Глядя на все эти безобразия, Господь пришел к выводу, что рано пока Элмер в Рай, пусть разберется с делами земными.

Рай, как выясняется, совсем рядом, у нас под боком — среди людей, которых мы любим и которым нужна наша помощь. Новый роман знаменитой писательницы — очередное доказательство того, что Фэнни Флэгг была отправлена на землю для того, что писать чудесные, добрые книги, в которых нет ни единой фальшивой ноты.

Перевод с английского Марины Извековой.

- [ФЭННИ ФЛЭГГ](#)
 -
 - [Элмвуд-Спрингс, Миссури, понедельник, 1 апреля](#)
 - [Беспокойная племянница](#)
 - [Очевидец](#)
 - [Норма пускается в путь](#)
 - [Вербена узнает новости](#)
 - [Верить или нет?](#)
 - [Журналистка](#)
 - [Нет, только не этот халат!](#)
 - [В приемном покое](#)
 - [Э-эй!](#)
 - [Что сказал доктор](#)

- [Дурные вести разлетаются быстро](#)
- [Звонок Линде](#)
- [В доме у Элнер](#)
- [Ирен Гуднайт](#)
- [Вверх на лифте](#)
- [Вербена Уилер разносит весть](#)
- [Нева берется за дело](#)
- [Сюрприз](#)
- [Причина смерти](#)
- [Печальные хлопоты](#)
- [Мэки прощается с Элнер](#)
- [Куда она ушла](#)
- [Вербена рассказывает Кэти](#)
- [Прогулка в небесах](#)
- [Звонок Дине, Пало-Альто, Калифорния](#)
- [Встреча с мужем-творцом](#)
- [Пасторша](#)
- [Ложь во спасение](#)
- [Беседа с Реймондом](#)
- [Миссис Фрэнкс, старая подруга](#)
- [Вот так сюрприз!](#)
- [Утешение](#)
- [Пирог](#)
- [Прощание с Элнер](#)
- [Бутс звонит Руби](#)
- [Счастливые времена](#)
- [Что?](#)
- [После томограммы](#)
- [Раздумья доктора](#)
- [Вопросы-ответы](#)
- [Где Элнер?](#)
- [Цветы](#)
- [Неприятный разговор](#)
- [О боже...](#)
- [Котенок](#)
- [Сестра Бутс](#)
- [Добро пожаловать домой!](#)
- [Новый день](#)
- [Гости](#)

- [Сомнения](#)
- [Гаденьш](#)
- [Беспокойная ночь](#)
- [Отчет](#)
- [Необъяснимое](#)
- [Рецепт](#)
- [Домой](#)
- [Возвращение Лютера](#)
- [Бедный нос!](#)
- [Много будешь знать — скоро состаришься](#)
- [Салон красоты](#)
- [Спасибо от Кэти](#)
- [Пасха у Элнер](#)
- [Снова влюблен](#)
- [Письмо](#)
- [Сюрприз для Линды](#)
- [В путь!](#)
- [Норма настаивает](#)
- [Снова в Канзас-Сити](#)
- [Норма сдается](#)
- [Клуб заходящего солнца](#)
- [Первые шаги](#)
- [В гостях у Элнер](#)
- [Начало карьеры](#)
- [Тотт выкладывает всю правду](#)
- [Славный котище](#)
- [Что-то не так](#)
- [Сборы](#)
- [Последнее «прости»](#)
- [Семейная Библия](#)
- [Что случилось](#)
- [Отголоски](#)
- [Снова Пасха](#)
- [Ухожу в туземцы!](#)
- [Эпилог](#)
- [Рецепты](#)

■

■

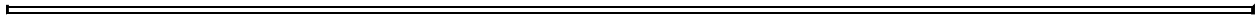
■

-
-
-
-
-

- [Об авторе](#)

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)

ФЭННИ ФЛЭГГ

РАЙ ГДЕ-ТО РЯДОМ

Посвящается дорогой моей подруге Пегги Хэдли

Есть два способа прожить жизнь: или так, будто чудес не бывает, или так, будто вся жизнь — чудо.

Альберт Эйнштейн

Элмвуд-Спрингс, Миссури, понедельник, 1 апреля

09:28, +23°, ясно

«Ох-ох-ох!» — только и успела подумать Элнер Шимфизл, когда собирала на дереве инжир и ненароком задела осиное гнездо. Очнулась она, лежа на спине в приемном покое больницы, зная не зная, как здесь очутилась. В поликлинике ее родного Элмвуд-Спрингс нет приемного покоя — не иначе как ее увезли в Канзас-Сити, а то и дальше. «Ну и утречко!» — подумала Элнер. Всего-то ведь и хотелось — набрать инжиру на баночку варенья для той милой женщины, что принесла ей корзинку помидоров. А теперь над Элнер склонился юнец в зеленом балахоне и в зеленой же купальной шапочке, таращит на нее глаза и что-то быстро-быстро говорит пятерым другим, что снуют взад-вперед по палате, тоже в зеленых балахонах, купальных шапочках и зеленых бахилах на ногах. Почему не в белом? С каких это пор врачи не носят белых халатов? В последний раз Элнер была в больнице тридцать четыре года назад, когда ее племянница Норма родила Линду; все врачи и сестры тогда были в белом. А ее соседка Руби Робинсон, дипломированная медсестра, и сейчас носит белоснежный халат, накрахмаленный белый колпак с «крылышками», белые туфли и чулки. Доктор в белом халате куда больше похож на доктора, чем эти ребята в мятых зеленых балахонах гадкого оттенка.

Элнер всегда была равнодушна к людям в форме, и, когда племянница с мужем в прошлый раз водили ее в кино, она расстроилась, что билетеры форму больше не носят. Точнее, нет теперь никаких билетеров — будь любезен, ищи сам свое место. «Ну и ладно, — вздохнула про себя Элнер. — Значит, есть на то причины».

Элнер вдруг забеспокоилась: выключила ли она духовку, перед тем как выйти во двор за инжиром, и покормила ли кота Сонни? А о чем это, интересно, толкует паренек в дурацкой купальной шапочке и остальные, что склонились над ней и тычут пальцами? Губы-то шевелятся, но слов не разобрать — слуховой аппарат остался дома, слышно лишь попискивание приборов. Стало быть, надо вздремнуть, а там подоспеет племянница Норма и заберет ее отсюда. Скорей бы домой, проведать Сонни и проверить плиту... хотя встреча с Нормой сулит неприятности. Норма — особа весьма

нервная. Когда Элнер в прошлый раз свалилась с лестницы, племянница строго-настрого запретила ей лазить за инжиром: дескать, на это есть Мэкки, муж Нормы. Элнер обещала всякий раз его дожидаться, а теперь нарушила слово, так что скандала не миновать. Мало того, поездка на «скорой» наверняка влетит ей в копеечку. Несколько лет назад ее соседка Тотт Вутен наступила на колючую морскую рыбу, попала в больницу, и с нее содрали бешеные деньги. Все-таки надо было позвонить Норме, подумала Элнер. Она и собиралась позвонить, но жалко было дергать беднягу Мэкки из-за такого пустяка. Да и откуда ей было знать про осиное гнездо? Если б не осы, она спокойно спустилась бы и сейчас варила инжирное варенье, а Норма осталась бы с носом. Это все осы виноваты; никто их, между прочим, не звал. Но для Нормы любые отговорки — пустой звук. «Плохо дело, — успела подумать Элнер, засыпая. — Не видать мне лестницы до конца моих дней».

Беспокойная племянница

08:11

В то утро Норма Уоррен, миловидная брюнетка лет шестидесяти с небольшим, листала у себя дома каталог постельного белья со скидками, раздумывая, что заказать — желтое синелевое покрывало в цветочек на тон темнее или то хорошенькое, из стопроцентного хлопка, в рюшечках, с полосками цвета морской волны на белоснежном фоне, — когда позвонила Тотт Вутен, соседка тети Элнер и личный парикмахер Нормы, и сообщила, что тетя Элнер опять упала с дерева. Уронив трубку на рычаг, Норма бросилась на кухню и подставила лицо под ледяную воду, чтобы не лишиться чувств — от волнения она легко теряла сознание, — а потом схватила трубку телефона на стене и набрала номер мобильного Мэкки.

Мэкки, заведующий отделом скобяных товаров в магазине «Все для дома», глянул на экран и ответил на звонок:

— Что стряслось?

— Тетя Элнер опять упала с лестницы! — в отчаянии выпалила Норма. — Лети к ней, срочно! Вдруг она кости переломала? Вдруг насмерть расшиблась? Просила же я забрать у нее лестницу!

Мэкки за сорок три года семейной жизни привык к истерикам жены, особенно по поводу тети Элнер.

— Ну-ну, Норма, угомонись. Наверняка все в порядке. До сих пор-то не разбивалась насмерть, верно?

— Я ей вообще запретила лазить на лестницу, да разве она меня слушает?

Мэкки зашагал к выходу, мимо отдела сантехники, и у самых дверей окликнул товарища:

— Эй, Джек! Побудь тут за меня. Я скоро.

А Норма все тараторила в трубку:

— Как доберешься, сразу позвони, только не говори, что она умерла, мне не вынести такого горя... Ох, убила бы ее! Чужало мое сердце, что этим кончится.

— Норма, повесь трубку и успокойся, посиди в гостиной, а я перезвоню через пару минут.

— Все! Сегодня же отберу лестницу. В возрасте тети Элнер не пристало...

— Норма, положи трубку.

— А вдруг она все кости переломала?

— Я перезвоню, — прервал ее Мэкки и повесил трубку.

Мэкки вышел на стоянку позади торгового центра, сел в свой «форд» и помчался к дому Элнер. Он был научен горьким опытом: если с тетей Элнер что-то стряслось, то от Нормы одно беспокойство. Уж лучше пусть сидит дома, а он сам разберется.

Едва муж отключил телефон, Норма поплелась в гостиную, как он велел, но спокойно ждать звонка было выше ее сил.

«Богом клянусь, — думала Норма, — если она осталась жива, я не только лестницу у нее отберу, но собственными руками срублю это треклятое дерево — и дело с концом». Пока Норма шагала взад-вперед по гостиной, ломая руки, ей вспомнились новые упражнения из курса аутотренинга для страдающих от приступов паники и страха. Линда увидела рекламу курса по телевизору и прислала матери на день рождения. Норма уже прошла Шаг Девятый (*избавьтесь от бесконечных «а вдруг»*) и приступила к Десятому (*как отогнать навязчивые мысли*). Сейчас она призвала на помощь и технику глубокого дыхания, которой учила ее знакомая, любительница йоги. Сосредоточившись на дыхании, Норма вышагивала по комнате и повторяла про себя хорошие установки: «Все обойдется. Тетя Элнер уже два раза падала с дерева — и ни царапинки. Пустые страхи. Через день-другой я уже буду над этим смеяться. Ничего страшного. Девяносто девять процентов наших опасений не сбывается. И у меня никакого сердечного приступа не будет. Подумаешь, испугалась немножко — что такого?»

Но, как ни старалась Норма, успокоиться не получалось. Ближе тети Элнер у нее никого на свете не было — не считая, разумеется, мужа и дочери. После смерти матери Норма неустанно пеклась о здоровье тетушки, и давалось ей это нелегко. Норма со вздохом глянула в сторону каминной полки, где с фотографии улыбалась тетя Элнер. Кто бы знал, сколько хлопот может доставить эта кроткая румяная старушка с белоснежным пучком на затылке!

Упрямства тете Элнер не занимать. Когда умер дядя Уилл, Норма еле уговорила ее перебраться в город, чтобы за ней приглядывать, и лишь после многолетних упорных просьб Нормы тетушка согласилась продать ферму и купить домик в городе, но сладить с ней по-прежнему нелегко. Норма нежно любит тетю Элнер и терпеть не может ее бранить, но без ворчанья не обойтись. Старушка туга на ухо и ни за что не обзавелась бы слуховым аппаратом, если б не настояния племянницы. И дверей тетя Элнер не

запирает, и питается неправильно, и к врачу не ходит, а главное, запрещает наводить порядок, хотя у Нормы просто руки чешутся. В доме у старушки все вверх дном, картины висят как попало, а крыльцо завалено хламом: тут и камешки, и сосновые шишки, ракушки, птичьи гнезда, деревянные цыплята, сухоцветы, и четыре-пять ржавых дверных ручек с бульдожьими головами — подарок соседки Руби Робинсон. Для Нормы, у которой и в доме и на крыльце образцовый порядок, этот кавардак просто невыносим. А вчера, заглянув проведать тетю Элнер, она обнаружила очередную пакость — целую вазу искусственных подсолнухов, на редкость уродливых. Норму передернуло при одном взгляде, но она лишь спросила нежно: «Откуда, тетушка?»

Ясно, откуда! Мерл Уилер, что живет в доме напротив, вечно таскает ей всякую дрянь. Приволок, к примеру, безобразное древнее кресло на колесиках, с обивкой из искусственной кожи, и тетя Элнер выставила его на крыльце, всем на обозрение. Норма, возглавлявшая тогда комитет по благоустройству города, умоляла тетушку избавиться от кресла, а та упрямылась: ей, видите ли, удобно разъезжать в кресле по дому, цветы поливать! Норма даже подбивала Мэкки ночью выкрасть развалину с крыльца старушки, но муж ни в какую. Как обычно, встал горой за тетю Элнер, а Норме заявил, что она делает из мухи слона, точь-в-точь как ее мамаша, но ведь это неправда! Избавиться от кресла — вовсе не прихоть и не чванство, а дело чести. По крайней мере, Норме хотелось в это верить.

Быть похожей на свою матушку Норма не согласилась бы ни за что на свете. Ида, младшая и самая хорошенькая из сестер Шимфизл, вышла замуж за богатого и всегда задирала нос перед Элнер. Даже в гости к ней ездить отказывалась, когда Элнер перебралась в город, а все из-за цыплят на заднем дворе у сестры. «Одно слово, деревня!» — возмущалась Ида. Но вчера, когда тетя Элнер, указав на букет, восхитилась: «Ну не прелесть ли? Мерл принес. Даже поливать не надо!» — Норма готова была ухватить подсолнухи и с воплями кинуться на ближайшую помойку. К счастью, удержалась — кивнула вежливо, и только. Норма отлично знала, где Мерл достал цветы — видела точно такие же в дешевой сувенирной лавке. Очень прискормно, но на местном кладбище таких букетов море. У Нормы в голове не укладывалось, как можно украшать могилы искусственными цветами. Невообразимая безвкусица, сродни изображениям Тайной вечери на черном бархате, раздвижным окнам с алюминиевыми рамами или телевизору в столовой.

Норма убеждена, что дурному вкусу в наше время нет оправданий (лично ей ни одно не приходит в голову). Ведь просто знай себе листай

журналы и следуй советам знающих людей или смотри передачи на канале «Дом и сад». Спасибо Марте Стюарт,^[1] что научила Америку азам хорошего вкуса. Правда, сейчас она за решеткой, ну и пусть, — зато на свободе много хорошего сделала. Не только дом и досуг волнуют Норму, ее бросает в дрожь от того, как одеты люди в общественных местах. «Мы должны одеваться красиво из уважения к окружающим, из обычной вежливости», — учила ее мать. А сейчас, куда ни глянь, все разгуливают в спортивных костюмах, кедах и кепках; даже на самолетах в таком виде летают. Норма, конечно, уже не наряжается везде и всюду, как в былые времена. Она может выбежать в магазин в оранжевом велюровом спортивном костюме, зато ее не увидишь без косметики и сережек. Этому правилу она никогда не изменяет.

Норма глянула на часы: почти полдевятого! Что ж Мэкки не звонит? Неужели до сих пор не доехал? «Боже! — ужаснулась Норма. — Не хватало еще, чтобы Мэкки попал в аварию и разбился! Мало мне одного несчастья? Тетя Элнер упала с дерева и сломала бедро, и в этот же день я стану вдовой?!» В восемь часов тридцать одну минуту Норма уже места себе не находила и готова была вновь схватиться за телефон, но тут раздался звонок, и она подпрыгнула.

— Послушай, Норма... — начал Мэкки. — Главное, не волнуйся.

По его голосу сразу можно было догадаться, что случилось несчастье. Не то что раньше, когда он начинал со слов: «Она жива-здорова, говорил же я тебе, не волнуйся». Норма затаила дыхание. Так и есть, подумала она, вот оно, самое страшное. Во рту у нее пересохло, сердце заколотилось пуще прежнего. Собравшись с силами, Норма стала готовиться к худшему.

— Не хочу тебя пугать, — продолжал Мэкки, — но пришлось вызвать «скорую».

— «СКОРУЮ»?! — взвизгнула Норма. — Боже мой! Перелом? Я так и знала! Сильно она расшиблась?

— Не знаю. Приезжай поскорей. Возможно, придется подписать кое-какие бумаги.

— Господи! Ей больно?

Мэкки отвечал с запинкой:

— Нет, не больно... — И повторил: — Приезжай поскорей.

— У нее перелом бедра? Молчи, сама знаю. Так я и думала. Говорила ей тысячу раз, чтоб не лазила на дерево!

Мэкки перебил ее:

— Норма, я тебя жду. Поторопись.

Ему не хотелось грубить жене и опять бросать трубку, но еще больше

не хотелось говорить, что тетя Элнер потеряла сознание и до сих пор не пришла в себя. Он пока не знал, есть ли у нее переломы и насколько серьезно она пострадала. Приехав к тете Элнер несколько минут назад, он нашел ее под фиговым деревом, без чувств; подле нее сидела Руби Робинсон и щупала ей пульс, а еще одна соседка, Тотт Вутен, стояла рядом и рассказывала, что случилось.

Очевидец

08:02

Чуть раньше, а именно в восемь часов две минуты, Тотт Вутен, худая, жилистая, рыжеволосая, с неизменными голубыми тенями, вышедшими из моды еще в семидесятых, торопилась на работу в салон красоты — нужно было поспеть пораньше и приготовить краску для волос к приходу клиентки, Беверли Кортрайт. Возле дома Элнер Шимфизл она, на свою беду, оглянулась и увидела, что соседка летит вверх тормашками с трехметровой лестницы, а вокруг вьется осиный рой. Как только бедняга Элнер хлопнулась оземь, Тотт крикнула: «Элнер, не шевелись!» — и взлетела на соседнее крыльцо с визгом: «Руби! Руби, сюда! Элнер опять упала с дерева!» Руби Робинсон, миниатюрная женщина в толстых очках, за которыми глаза ее казались огромными, завтракала на кухне. Услышав призыв о помощи, она вскочила, схватила со столика в коридоре черную кожаную медицинскую сумку и со всех ног кинулась исполнять свой долг. Когда они с Тотт добежали до злополучного дерева, Элнер Шимфизл лежала на земле без чувств, а вокруг вились десятки рассвирепевших ос. Руби достала из сумки нюхательную соль и сунула Элнер под нос. Тотт тем временем без умолку трещала, рассказывая о происшествии соседям, что сбежались на шум и сгрудились под фиговым деревом.

— Иду я на работу... вдруг слышу: жжж... жжж... жжжжж... поднимаю глаза... боже! Элнер летит с лестницы и ба-бах!.. падает на землю. Хорошо, что она такая толстуха — даже не кувырнулась, а просто плюхнулась, как мешок кирпичей.

Нюхательная соль, старое испытанное средство, не помогла. Элнер все не приходила в себя. Не спуская с бедняжки глаз ни на секунду, Руби принялась во весь голос распоряжаться:

— Кто-нибудь, вызовите «скорую»! Мерл, тащи пару одеял! Тотт, звони Норме, скажи, что случилось.

Бывшая старшая медсестра в крупной больнице, Руби командовать умела — все послушно разбежались выполнять приказы.

Норма пускается в путь

08:33

После разговора с мужем Норма вновь бросилась на кухню, плеснула в лицо ледяной водой из-под крана и заметалась по дому, хватая сумочку, страховой полис тети Элнер, зубную пасту, щетку и прочие мелочи, что могут понадобиться в больнице. Долгие годы она жила в ожидании неминуемой беды, и, когда беда пришла, Норма рада была, что встречает ее во всеоружии. Десять лет назад она приготовила папку под названием «Скорая помощь, тетя Элнер».

В гараже у нее был припрятан запас на случай землетрясения: вода в бутылках, спички, шесть бутылок соуса чили, гормональные таблетки, лекарство от щитовидки, аспирин, баночка крема «Мерл Норман», жидкость для снятия лака и пара сережек. Конечно, вряд ли на Элм-вуд-Спрингс, штат Миссури, обрушится землетрясение, но лучше все предусмотреть.

Собрав все необходимое, Норма выскочила из дома, на бегу крикнула вышедшей во двор соседке: «Я в больницу! Тетя опять упала с дерева!» — плюхнулась за руль машины и сорвалась с места. Соседка, плохо знавшая Норму, проводила ее взглядом, гадая, что понадобилось ее тетке на дереве. Круто завернув за угол и вырулив из квартала, Норма помчала по улицам на самой большой дозволенной скорости, чтобы не нарушать правила. В прошлый раз, когда тетя Элнер упала с дерева и Норма поспешила на помощь, ее впервые в жизни оштрафовали за превышение скорости, и вдобавок, отъезжая, она чуть не раздавила полицейского. Не будь тот приятелем Мэкки, упрятали бы Норму в тюрьму до конца дней. Второго штрафа она старалась не допустить, потому скорость не превышала, но мысли ее неслись во весь опор. Оглядываясь на прошедшие полгода, Норма злилась еще пуще и винила Мэкки во всем, что случилось с тетей Элнер. Останься они тогда во Флориде, вместо того чтобы возвращаться домой, все было бы хорошо. Выехав на автомагистраль, Норма целую вечность ждала зеленого света на перекрестке и вспоминала тот злосчастный день, ровно полгода назад...

Случилось это во вторник после обеда, когда тетя Элнер ушла в местный клуб играть в лото. Норма вернулась из клуба «Худеем вместе» в

самом радужном настроении: она сбросила почти килограмм, получив в награду от руководителя наклейку-улыбочку. И тут Мэкки преподнес сюрприз. Он поджидал Норму в гостиной с решительным лицом и встретил словами: «Садись, поговорим». «Господи, о чем?» — вскинулась Норма, а услышав просьбу мужа, ушам не поверила. Едва Мэкки пережил «кризис среднего возраста» с опозданием на десять лет и они, продав магазин скобяных товаров, дом и почти всю мебель, переехали вместе с тетей Элнер и котом Сонни на край света, в Веро-Бич, штат Флорида, — а Мэкки уже просится домой! Всего два года прожили они в нежно-зеленом блочном домике с тремя спальнями, внутренним двориком и видом на лимонную рощу — а Мэкки заявляет, что сыт по горло Флоридой с ее ураганами, дорогами и старушками за рулем, которые ползают со скоростью тридцать миль в час. Норма подняла на него изумленные глаза.

— Как это? Мы все распродали и целых два года приводили в порядок новый дом, а ты хочешь вернуться?

— Да.

— При том, что несколько лет подряд от тебя только и слышала: «Жду не дождусь, когда мы уедем во Флориду»?

— Так-то оно так, но... Норма опять перебила мужа:

— Перед отъездом я тебя спрашивала: «Ты твердо решил?» Ты ответил: «Само собой! Нечего тянуть, давай поторопимся и дадим фору нашим ровесникам».

— Да, но...

— А не ты ли меня надоумил отдать все зимние вещи бедным? «Зачем тащить во Флориду старые пальто и свитера — ведь больше не придется ни листья убирать, ни снег чистить». Твои слова! — Мэкки ерзал на стуле, а Норма продолжала: — Теперь у нас нет ни дома, ни теплой одежды. И вообще — даже речи быть не может ни о каком возвращении.

— Почему это?

— Нельзя нам возвращаться. Что люди подумают?

— Что?

— Решат, что мы безалаберная семейка — кочуем с места на место, как цыганский табор.

— Норма, мы переехали один раз за сорок лет. Куда нам до цыган и безалаберных семеек?

— А Линда что подумает?

— Она поймет, что в наши годы тянет поближе к родным местам, к старым друзьям.

— И для чего тогда, спрашивается, было уезжать?

Ответ на этот вопрос Мэкки прокрутил в голове множество раз.

— Думаю, жизненного опыта прибавилось.

— Жизненного опыта? Да уж... Ни дома, ни зимней одежды — зато жизненного опыта хоть отбавляй! Мэкки, если ты чувствовал, что тебе здесь не понравится, к чему затеял переезд?

— Откуда мне было знать, понравится или нет? И если уж начистоту, Норма, тебе здесь тоже несладко.

— Да, несладко, — согласилась Норма, — но я не то что ты, Мэкки. Я как могла старалась привыкнуть, и не хочется думать, что эти два года я потратила зря.

Мэкки вздохнул:

— Ладно, ладно, остаемся. Не хочу тебе портить жизнь.

Норма тоже вздохнула:

— Мэкки, ты же знаешь, я тебя люблю... я все сделаю по-твоему, но, ради бога, подумай хорошенько. Нам устроили такой прощальный вечер, а мы приползем обратно: «Здрасьте, а мы вернулись. Принимайте». Вот будет позорище!

Мэкки взял Норму за руку.

— Родная, кому какое дело? Столько людей уезжают, а потом возвращаются домой!

— Ну а я не из них! А что тетя Элнер? С ней-то вы уж точно все обсудили.

— Она вернется с радостью, но решать тебе — как скажешь, так она и сделает.

— Чудненько. Как всегда, двое против одного, и, если я откажусь, на меня все шишки посыплются.

Норма умолкла, глядя на Мэкки в упор и часто моргая. Наконец выговорила:

— Ладно уж, возвращаемся. Только обещай, что хотя бы пару лет ты нас больше никуда не потащишь и мы проживем спокойно. Третьего переезда подряд я не переживу.

— Обещаю, — сказал Мэкки.

— Что творится! Ужас, как ты меня расстроил, теперь разве что мороженое утешит.

Мэкки подпрыгнул от радости: значит, решено!

— Сиди, родная, — сказал он, — я принесу. Тебе два шарика или три?

Норма полезла в сумочку за носовым платком.

— Гм... пожалуй, три: в «Худеем вместе» я все равно не пойду, раз мы уезжаем.

К счастью, домик с террасой и видом на лимонную рощу удалось продать очень скоро. Через три дня нашелся покупатель, а через месяц они получили деньги. И все равно переезжать второй раз было очень хлопотно. Хорошо хоть Норма распродала не все свои безделушки; керамическая музыкальная шкатулка с танцующими аистами и любимая шляпка в тяжелые минуты служили ей утешением.

По дороге домой, под неумолчные вопли Сонни, Норма уговаривала себя не брюзжать, дабы не уподобляться матушке, но ее терпение лопнуло, когда тетя Элнер фыркнула с заднего сиденья: «Норма, думай о хорошем: радуйся, что вы не продали свои места на кладбище».

— Не успела я начать новую жизнь, а мы уже возвращаемся домой умирать, как старые слоны, — пожаловалась она.

К сожалению, за те два года, что они провели во Флориде, цены на недвижимость в Элмвуд-Спрингс подскочили почти вдвое: рождались компьютерные фирмы, хлынул новый народ. Некогда крохотный городишко разрастался вширь. Строился еще один гигантский торговый центр, жители перебирались в предместья, а их с Мэкки прежний дом — красивый, кирпичный, с четырьмя спальнями — снесли, освободив место для многоэтажки, хоть занимал он всего-навсего клочок земли.

Элнер оказалась самой дальновидной. Дом свой она решила не продавать, а сдала друзьям Руби; те съехали, и Элнер смогла вернуться. А Норме и Мэкки пришлось довольствоваться домиком с двумя спальнями в новом районе Арбор-Спрингс, да и то денег не хватило, и Мэкки был вынужден устроиться на работу в магазин «Все для дома». Норма упрашивала тетю Элнер перебраться к ним или, на худой конец, в Центр ухода за престарелыми, но тетя Элнер предпочла свой дом, а Мэкки, как всегда, поддержал ее. И вот по его милости Норма спешит к своей старенькой тете, у которой, наверное, сломана рука, нога или еще того хуже. Ведь может статься, что она сломала шею, лежит парализованная и до конца дней будет прикована к инвалидной коляске.

«Ужас! — думала Норма. — Вот несчастье, если бедная тетя Элнер не сможет ходить!» Хорошо бы купить ей новомодную коляску с моторчиком. И надо же было такому случиться сейчас, когда они переехали в дом без пандуса! Что ж, придется Мэкки соорудить пандус, ведь в крошечном домике тети Элнер на троих места не хватит, не говоря уж о Линде с дочкой, которые часто приезжают погостить.

— Поделом тебе, Мэкки! — вырвалось у Нормы. — Все из-за того, что меня не послушал!

Трое в машине у светофора уставились на Норму как на

сумасшедшую. Домчав до следующего перекрестка (мысли у нее тоже неслись с бешеной скоростью), Норма подумала: может, Мэкки не так уж виноват? Надо было настоять на своем и вообще не соглашаться на переезд во Флориду. Она ведь предупреждала Мэкки о своих дурных предчувствиях, но они так часто мучают Норму, что и не разберешь, где и вправду дурное предчувствие, а где просто нервы разгулялись. И не знаешь, когда настоять на своем, а когда промолчать. Вот и приходится молчать. За квартал от дома тетушки Норма уже и думать забыла о Мэкки и винила во всем одну себя. «Это все из-за меня! — всхлипывала она. — Не надо было бросать ее одну в старом доме!»

Оглянувшись, Норма опять увидела машину, чьи пассажиры глазели на нее у предыдущего светофора. Опустив стекло, она сообщила: «Моя тетя упала с фигового дерева». В тот же миг зажегся зеленый и авто с зеваками умчалось прочь на полной скорости.

Вербена узнает новости

08:41

Вербена Уилер была уже на работе, в химчистке «Голубая лента» с прачечной самообслуживания, когда позвонил ее муж Мерл и рассказал, что Элнер опять упала с лестницы и на этот раз потеряла сознание.

— С минуты на минуту ждут «скорую», — добавил он.

— Ох, Норма с ума сойдет! Она так волнуется за Элнер! Перезвони, когда будут новости.

Вербена, строгая седая женщина с завивкой «барашком», была примерной христианкой, рьяной пятидесятницей (*Да, я святоша и этим горжусь!*) и сыпала цитатами из Священного Писания по всякому поводу. Она тоже беспокоилась за соседку: та не только с лестницы все время падала, но и без конца меняла убеждения. В последнее время Элнер потянуло на вольнодумие — должно быть, с тех самых пор, как ей провели кабельное телевидение и она пристрастилась к каналу «Дискавери». Вербена, смотревшая только Ти-би-эс и религиозные передачи, не на шутку встревожилась.

«Сплошная наука и ни слова о Всевышнем» — так она отзывалась о передачах «Дискавери». И опасения ее вскоре сбылись: уже через неделю ей позвонила Элнер.

— Вербена, — начала она, — что-то мне теперь не очень верится в историю про Адама с Евой.

Вербену потрясло подобное богохульство из уст потомственной, убежденной методистки.

— Элнер! — Вербена схватилась за стойку, чтобы не упасть. — Что за страсти ты говоришь... А завтра в атеистки решишь податься?

— Что ты, милочка, в Бога я как верила, так и верю, только с Адамом и Евой хочу разобраться.

Вербена совсем всполошилась, когда до нее дошло, что стоит за словом «разобраться».

— Неужто ты в дарвинистки записалась на старости лет? Кошмар! Не ожидала от тебя! — выдохнула она.

Элнер подхватила:

— Я и сама от себя не ожидала, но если не веришь, что мы произошли от обезьян, посмотрила бы со мной вчера передачу про японских макак.

Они всю зиму греются в горячих источниках, и, клянусь тебе, одна обезьянка была вылитая Тотт Вутен, разве что не говорящая. Честное слово, милая моя, наряди ее в платье, дай в руки расческу — и выйдет копия Тотт. Даже глаза будто голубыми тенями подкрашены, и выражение мордочки — точь-в-точь!

Вербену этот разговор всерьез расстроил. Уж она-то знала: если хоть чуточку усомнишься в Адаме с Евой, все прочие истории — про Каина с Авелем, про Ноев ковчег и так далее — рассыплются, как карточный домик. Ей захотелось тут же позвонить Норме и предупредить, что на тетю Элнер дурно влияют так называемые образовательные программы и за ней нужен глаз да глаз, а то она, чего доброго, подпишется на «Нью-Йорк тайме» или вступит в Союз гражданских свобод! С такого вольнодумства начиналась в свое время и школа без Закона Божьего, и Рождество без Христа. Вербена позвонила бы обязательно, если бы знала наверняка, что сама Норма думает о сотворении мира.

Мать Нормы, Ида, была строгая пресвитерианка, но после ее смерти Норма вступила в какую-то всеобщую новомодную церковь-самоделку, где от Библии отошли так далеко, что вряд ли ее читали. А если и читали, то толковали слишком уж вольно. Вербена предупреждала Норму, что вступать в подобного рода церковь — значит не дорожить своей бессмертной душой. Норма вежливо выслушала, поблагодарила за звонок, однако в серьезную церковь, где чтят Библию, возвращаться не спешила. Многие приезжие, которых Вербена пыталась наставить на путь истинный, в ответ грубили — мол, не лезь не в свое дело. Кое-кто даже перестал ходить к ней в химчистку. Вербена зарубила на носу: хочешь жить в мире с соседями — не касайся вопросов веры. Норме Вербена звонить не стала еще и потому, что вскоре после разговора с Элнер вышла в Интернет, и... увы, никаких сомнений: Тотт Вутен — вылитая японская макака. Вербена была удивлена, но вера ее несколько не пошатнулась. Сказано же в Книге Бытия: «И сотворил Бог человека по образу своему», но никто и никогда не убедил бы Вербену, что Всевышний ликом схож с Тотт Вутен и ее родней.

Вербена не подозревала, что вопросы об Адаме и Еве давно мучают Элнер. Много лет назад, когда Элнер еще жила на ферме и знать не знала про канал «Дискавери», однажды утром она слушала по радио «Вестник фермера», который вели Бад и Джей. Бад задал «вопрос дня». «Что было раньше, — спросил он, — курица или яйцо?» После передачи Элнер принялась за дела, а когда кормила цыплят, вдруг застыла на месте, отложила миску, вернулась в дом и позвонила Норме.

— Алло! — сказала та в трубку.

— Норма, я, кажется, нашла в Библии ошибку. Кому лучше рассказать — Баду и Джею или преподобному Дженкинсу?

Норма глянула на часы: без четверти шесть, еще не рассвело.

— Минуточку, тетя Элнер. Я возьму трубку на кухне, а то Мэкки проснется.

— Ой, я тебя разбудила?

— Ничего, я сейчас. — Норма вылезла из постели, побрела на кухню, зажгла свет и включила кофеварку. Раз уж встала, можно и кофе сварить. — Слушаю, тетя Элнер. В чем дело?

— Похоже, в Библии серьезная ошибка. Как я раньше не заметила?

— И в чем ошибка?

— Что было раньше — курица или яйцо?

— В Библии ничего такого нет.

— Знаю, но все равно скажи, что появилось раньше — курица или яйцо?

— Представления не имею, — вздохнула Норма.

— Не переживай, над этим вопросом люди бьются уже много лет. А я вот раз — и догадалась... Готова слушать?

— Да. — Норма зевнула.

— Курица была раньше, иначе никак.

— Мм... из чего же такой вывод?

— Все проще некуда! Откуда взялось яйцо? От курицы. Значит, курица была раньше, не само же яйцо себя снесло! И тут я задумалась: если сначала появилась курица... почему первым человеком был Адам — ведь рожать могла только Ева?

Норма полезла в шкаф за чашкой.

— Тетя Элнер, в Библии никто никого не рожал, вы забыли? Бог создал Адама, а из его ребра сделал Еву.

— Я знаю, что там сказано, Норма, но порядок неверный... Яйцо, из которого вылупляется петух, откладывает курица... а сам петух даже яйца нести не умеет.

Норма отозвалась:

— Да, тетя, милая, но яйцо сначала нужно оплодотворить, вот для чего нужен петух.

После долгого молчания Элнер сказала:

— Вот тут-то я и попалась. Пораскину-ка еще мозгами. Досада какая! А я обрадовалась, что раскрыла великую тайну бытия. И все-таки может статься, что первый человек на самом деле не Адам, а Ева, а Библию писали мужчины и в последнюю минуту все переиначили, чтобы быть

первыми. Придется тогда Библию заново перетолковывать.

В половине восьмого Мэкки застал Норму на кухне за столом.

— Что ты вскочила в такую рань? Не спалось?

Норма взглянула на него:

— Спалось прекрасно... телефон разбудил ни свет ни заря.

— А-а... — Мэкки со вздохом потянулся за чашкой. — И что на этот раз хотела узнать тетя Элнер?

— Что было раньше — курица или яйцо?

Мэкки рассмеялся, а Норма пошла к холодильнику за сливками.

— Смейся на здоровье, Мэкки, но она собралась звонить на радио, сообщить об ошибке в Библии. Слава богу, что я не дала.

— Что за ошибка?

— Ей взбрело в голову, что Господь создал Еву раньше Адама. Представь, вот было бы шуму!

Мэкки усмехнулся:

— Свободомыслия у нее не отнять.

— Никто и не спорит. Но лучше бы ей днем свободно мыслить, а по ночам спать. На прошлой неделе она меня разбудила с вопросом, сколько весит Луна.

— А зачем ей вес Луны?

— Кто ее знает... Но вопросы задавать она мастер — за день столько всего спросит, о чем обычный человек не спросит и за год.

— Что правда, то правда.

— Вот погоди, раз уж она вбила в голову про Адама с Евой, будет весь день мне названивать.

Норма не ошиблась: в десять утра, едва она успела наложить на лицо свою любимую маску «Мерл Норман» для сухой чувствительной кожи, телефон зазвонил в четвертый раз за день.

— Норма, если на Земле, кроме Адама и Евы, не было больше людей, где Каин и Авель нашли себе жен?

— Ах, откуда мне знать, тетя Элнер... на курорте? Лучше не спрашивайте. Я даже не знаю, отчего утка плавает.

— Не знаешь? А я знаю! — воскликнула тетя Элнер. — Сказать?

Делать нечего — Норма села и приготовилась слушать.

— Конечно! Очень любопытно!

— От берега!

— Тетя Элнер, где вы набрались таких глупостей?

— У Бада и Джея. А ты знала, что саранча по-другому называется «кобылка»?

— Нет.

— А знаешь, что в человеческом теле сорок семь триллионов клеток?

— Нет.

— Это ответ на вчерашний вопрос. Кто-то выиграл электрический нож.

Едва Норма положила трубку и отправилась в ванную, как вновь зазвонил телефон.

— Интересно, Норма, кто не поленился сосчитать все клетки?

Верить или нет?

08:49

Норма, мчась на всех парах, резко затормозила у светофора, и страховые документы тети Элнер разлетелись по полу. От волнения не находя себе места, Норма собралась было молиться, чтобы Господь успокоил ей нервы, но молиться за рулем у нее не очень-то получалось, важнее было следить за дорогой.

И дело тут было не в одном страхе перед аварией. Норма не знала точно, будет ли толк от молитвы. Всю жизнь она терзалась сомнениями и не понимала, отчего вера дается ей так нелегко, в отличие, к примеру, от родного языка или риторики. По обоим предметам Норма училась в школе на круглые пятерки, все хвалили ее за приятный голос, и она до сих пор помнила, как разобрать предложение. Но в вере она нуждалась как никто другой. Мэкки ничем ей помочь не мог: он был твердо уверен, что Бога нет, в противоположность тете Элнер (Вербена была к ней несправедлива). Еще на прошлой неделе тетя Элнер позвонила и сказала: «Норма, чем больше я смотрю передачи о природе, тем больше восхищаюсь Творцом. Я знала, что он велик, но не представляла насколько. Уму непостижимо, как можно столько всего напридумывать, — одни тропические рыбы чего стоят!»

Тетушка тверда в вере, а Норма застряла где-то между Элнер и Мэкки, — и ни туда ни сюда. Сегодня она верит, завтра ее одолевают сомнения. Хочется с кем-нибудь поговорить, но с пасторшей поделиться нельзя: та совсем еще новичок и сама нуждается в поддержке. Как бы то ни было, пусть Норма и сомневается в Боге, но все равно просит у него помощи в работе над собой: чтобы не обращать внимания, когда знакомые водружают на обеденный стол бутылку с кетчупом, хранят в гараже всякий хлам, оставляя двери открытыми настежь, не ужасаться при виде массивного дубового сиденья в туалете у Вербены — и раз за разом терпит неудачу и ругает себя.

Норма убеждена, что ее нетерпимость к людям безвкусным, невоспитанным и безграмотным — тем, кто говорит «ложить» вместо «класть», — идет от недостатка веры. Она ждет знака свыше, откровения, доказательства, что Бог есть. Вербена говорит, что всегда ищет «знаков свыше, откровений и чудес», и Норма охотно поверила бы в чудо, но никаких чудес с Вербеной пока не случилось. Если бы Норма разбилась на

машине, не доехав до тети Элнер, на ее надгробном камне следовало бы высечь: «Здесь лежит Норма Уоррен и даже после смерти сомневается».

Журналистка

08:50

Услыхав вой сирены под окнами редакции, Кэти Колверт подумала: вот и сюжет для статьи. Кэти, высокая худенькая темноволосая женщина чуть за сорок, издавала еженедельник. Почти все репортажи она писала сама и знала по опыту, что сирена в Элмвуд-Спрингс — всегда знак беды. Кэти вышла на улицу посмотреть, что это — пожарная машина или «скорая», но опоздала, сирена умолкла. Обычно и пожарных, и «скорую» вызывали или к остановке на новой автомагистрали, где вечно кого-то сбивали, или к торговому центру. С тех пор как клуб «Худеем вместе» переехал к магазину керамики, многие пытались сбросить лишние килограммы прямо по дороге туда, но не в меру усердствовали, и дело кончалось инфарктом.

Кэти вернулась к себе в кабинет, схватила фотоаппарат и блокнот и устремилась в ту сторону, где умолкла сирена. На Первой Северной авеню Кэти увидела «скорую помощь» напротив дома Элнер Шимфизл. «Еще не хватало! — испугалась Кэти. — Неужели опять с лестницы свалилась?» Возле дома Элнер ей навстречу бросилась перепуганная Тотт:

— Плохо дело. Она свалилась с лестницы и потеряла сознание, а тут еще осы... Норма с ума сойдет. Мэкки только что вызвал ее сюда.

Начисто позабыв о статье, Кэти из журналистки превратилась просто в подругу Элнер и думала лишь о том, что делать, чем помочь? Позже, когда собралась толпа соседей и стало ясно, что помощь ее тут не понадобится, Кэти сделалось неловко за фотоаппарат. Чтобы никто не заподозрил, что она пришла из профессионального интереса, Кэти попросила Тотт позвонить, как только будут новости, и вернулась в редакцию. Она, ясное дело, волновалась, но не слишком: Элнер Шимфизл — старушка крепкая, с высоты падала уже не раз и оставалась жива и невредима. Кэти знала не понаслышке, что Элнер ладно скроена и крепко сшита.

Много лет назад, сразу после университета, Кэти преподавала в вечерней школе изустную историю, а Элнер Шимфизл посещала ее занятия с подругой, Ирен Гуднайт. Обе были блестящими студентками с интересными судьбами. Работа преподавателя научила Кэти, что нельзя о человеке судить по внешности. Скажем, с первого взгляда ни за что не догадаешься, что Ирен Гуднайт, тихая, скромная на вид бабушка шестерых

внучат, звалась когда-то Ирен Туши Свет и вместе с подругой по команде, Тотт Ужасной, Левшой из Ада, три раза подряд выигрывала чемпионат штата Миссури по боулингу среди женщин. А про Элнер Шимфизл с виду не скажешь, что эта старушка на самом деле вынослива как вол.

На занятиях Кэти узнала от Элнер, что во времена Великой депрессии, когда ее муж Уилл заболел туберкулезом и больше двух лет был прикован к постели, она каждое утро вставала в четыре и в одиночку, с мулом и плугом, управлялась на ферме. Она пережила три урагана и одно из самых страшных наводнений в истории штата Миссури, ухаживала за мужем и выращивала урожай, которого хватало и им самим, и половине соседей. И что самое удивительное, Элнер вовсе не считала это подвигом. «Кто-то же должен был работать», — повторяла она.

Кэти, сколько себя помнила, всегда хотела стать писательницей, даже великий роман об американской жизни создать мечтала, но, проработав пару семестров преподавателем, оставила эту затею и ушла в журналистику. Девизом ее стало «Что толку писать романы? И что толку их читать?». Возьмите любого старика или старушку за шестьдесят — и вот вам история поинтересней всякого романа, ни один писатель такого не выдумает! Значит, не стоит и пытаться.

Нет, только не этот халат!

08:51

Когда Норма добралась на другой конец города, где жила тетя Элнер, «скорая» стояла во дворе. Подроспела Норма в последнюю минуту: тетю Элнер — как назло, в старом коричневом халате в клетку, который ей давным-давно велено было отправить на помойку, — уже ввозили на каталке в машину. Норма, схватив в охапку документы и сумку с необходимыми вещами, кинулась к тете Элнер, но двери захлопнулись у нее перед носом, и «скорая» сорвалась с места. Норма села в машину к Мэкки, и они пустились вдогонку. Больница Канзас-Сити была в сорока пяти минутах езды. Не на шутку обеспокоенный Мэкки почти всю дорогу молчал, лишь изредка вздыхая:

— Все будет хорошо, Норма, пусть ее осмотрят как следует и убедятся, что нет переломов.

Норма его совсем не слушала и говорила без умолку:

— Отчего мне не разрешили с ней поехать, я ведь ее ближайшая родственница, я должна быть рядом, она, наверное, ни жива ни мертва от страха, и почему на ней это старье? Этому халату лет двадцать, трещит по швам. Я ведь ей на прошлой неделе купила новый. Если ее увидят в больнице в этом тряпье, решат, что мы голь перекатная, — почему она всегда одета как нищенка? Говорила я ей: «Тетя Элнер, дядя Уилл вам оставил кучу денег, что ж вы ходите по двору в обносках?» — да разве она меня слушает? Нет... а теперь этого еще не хватало. — Норма вздохнула. — Надо было сжечь его, и дело с концом. Не дай бог, у нее сломана нога. Просила же я ее к нам переехать, а она ни в какую. Живет одна-одинешенька, да еще и дверей не запирает. Пришла я к ней как-то вечером, думала оставить лекарственные свечи на крыльце, а у нее дверь нараспашку. Я и говорю: «Тетя Элнер, если вас задушит во сне маньяк, не вздумайте бежать ко мне жаловаться».

Мэкки повернул налево.

— Норма, припомни хоть одного маньяка из Элмвуд-Спрингс!

Норма обратила глаза на мужа:

— Сейчас нет — потом появятся... Ты вот тоже считал, что ей можно жить одной. А теперь? Всего не предугадаешь, Мэкки.

— Норма, не изводи себя, мы ведь пока ничего толком не знаем.

— Ладно, — кивнула Норма, но не сердиться на Мэкки было выше ее сил, и чем больше она думала, тем сильнее злилась.

Это из-за него тетя Элнер упала с лестницы. Он потакал ей во всем, а над ее чудачествами только посмеивался. Даже когда тетя Элнер целых полгода разрешала своему другу Лютеру Григзу держать у нее во дворе это чудовище, громадный грузовик, Мэкки был на ее стороне. А если бы он отобрал у нее лестницу, как велела Норма, не лежала бы тетя Элнер сейчас в больнице. Норма вдруг повернулась к мужу.

— Вот что я тебе скажу, Мэкки Уоррен: больше вам с тетей Элнер меня ни в чем не переубедить. Я же вас предупреждала, она уже старенькая, нельзя ей жить одной!

Мэкки не ответил. На этот раз Норма, пожалуй, права. Зря тетя Элнер полезла на лестницу. Мэкки забежал к ней утром выпить кофе перед работой. Об инжире она ни словом не обмолвилась. Только спрашивала, приносят ли блохи пользу и какое место занимают в цепи питания. А теперь и Норма с ума сходит от ужаса, и сам он боится за Элнер. Только бы переломов не оказалось, иначе конца не будет упрекам.

Норма, вскинув руку, пощупала макушку:

— Боже! Я чувствую, как у меня волосы седеют все разом! Ну что, Мэкки, добился своего? Придется теперь Тотт вместо пары седых прядок красить мне всю голову.

И в довершение всех бед, когда до больницы оставалось минут десять езды, Мэкки решил свернуть на более короткую дорогу, и, разумеется, они застряли на железнодорожном переезде и ждали, пока пройдет товарный поезд. Норме так и хотелось закричать: «Говорила же я, езжай следом за „скорой“! Вот видишь, что получилось!» — но она прикусила язык. Криком делу не поможешь. У Мэкки на все один ответ: «Норма, нечего искать виноватого», и этот ответ всегда злит ее до крайности. Норма принялась за дыхательные упражнения, пытаясь совладать с кипевшим внутри гневом, и смотрела, как с грохотом проносятся мимо вагоны.

«Почему меня никто не слушает?» — удивлялась она безмолвно.

Линда тоже зря ее не послушалась. Говорила ей Норма не выходить замуж за парня, с которым та встречалась. Даже, как современная женщина, советовала просто пожить вместе, но Линда мечтала о шумной свадьбе, о медовом месяце... и чем дело кончилось? Таким же шумным разводом. «Почему меня никто не слушает? — вновь и вновь твердила про себя Норма. — Я ведь вовсе не помешана на своей непогрешимости, небольшое это удовольствие — быть правой. Правда, особенно о

собственном муже, бывает ой какой горькой. Порой кажется, все бы на свете отдала, только бы ошибаться». Провожая глазами проносившийся мимо хвост поезда, Норма перебирала в памяти недавние события. В эти дни у нее сердце было не на месте, и теперь она старалась припомнить, не посещало ли ее предчувствие ужасного несчастья.

* * *

Наконец Норма сообразила: все началось в среду, когда она пришла в салон красоты к десяти тридцати, как обычно, — и с тех пор тревога не покидала ее. Что же послужило толчком? — гадала она. И стала припоминать то утро... Она сидела в кресле, а Тотт Вутен, вылитая японская макака, укладывала ей волосы и, протянув руку к пластмассовому подносу, уронила на пол бигуди.

— Вот чертовщина! — выругалась Тотт. — С самого утра все роняю. Знаешь, Норма, я вся как на иголках. После одиннадцатого сентября мир будто вверх тормашками перевернулся. Едва у меня жизнь наладилась, подлечила я нервы, вышла на работу, и тут — бац! — просыпаешься утром и узнаешь, что арабы нас ненавидят, а за что? Я за всю жизнь ни одного араба пальцем не тронула, а ты?

— И я... У меня и арабов-то знакомых нет, — подтвердила Норма.

— А потом выясняется, что весь мир против нас.

— Да уж. — Норма со вздохом протянула Тотт шпильку. — В голове не укладывается. Я-то думала, все нас любят.

— И я не пойму, хоть убей. За что нас ненавидеть — мы ведь хорошие? Если где-то в мире что-то случится, мы всегда присылаем деньги и помощь, ведь так?

— По-моему, да.

— Мы самая щедрая нация, разве нет? — сказала Тотт, закрепляя бигуди.

— Так нам всегда говорили, — согласилась Норма.

— А недавно я прочла, что даже канадцы и те нас терпеть не могут... Канадцы! А мы-то в них души не чаем, рвемся в гости! Вот уж не думала, что канадцы нас ненавидят. А ты?

— И я, — повторила Норма. — Всегда считала Канаду нашим добрым северным соседом.

Тотт затагнулась, пристроила сигарету в черную пластмассовую

пепельницу.

— Одно дело, когда знакомые тебя не жалуют. Но если ты кого-то знать не знаешь, а они тебя терпеть не могут, хочется сунуть голову в петлю или выпрыгнуть из окна, а тебе?

Норма, подумав, ответила:

— Это, конечно, не повод себя убивать, но приятного мало.

Тотт взяла сетку для волос.

— Незачем всем на свете помогать — все равно благодарности не дождешься.

— Пожалуй, — согласилась Норма.

— Да черт подери... взять тех же французов! Мы их освободили от фашистов, а они про нас гадости говорят! Поверь, Норма, у меня душа болит!

Норма кивнула:

— Вот и помогай после этого людям, верно?

— О чем и я! — сказала Тотт, засовывая Норме за уши вату. — Работаю как вол, плачу налоги, деньги мои расходятся по всему свету, а где спасибо? Раньше я верила в людей, а оказалось, они точь-в-точь как мои дети: дайте то, подайте это... и все мало.

Дочь Тотт, Дарлин, — необъятная толстуха, совсем не то что щуплая Тотт — работала в соседней кабинке.

— Ну, мамуля, огромное тебе спасибо! — отозвалась она из-за перегородки. — Больше никогда в жизни у тебя ничего не попрошу!

— Хорошо бы, — буркнула Тотт себе под нос.

Пусть Норма и гнала от себя подобные мысли, но Тотт, разумеется, права. После терактов 11 сентября жизнь перевернулась. Даже в крошечном городке Элмвуд-Спрингс жители будто с ума посходили от ужаса. Вербена вбила в голову, что семья Хинь-До, хозяева небольшого рынка на углу, — на самом деле террористы из подпольной шайки. «Они не арабы, Вербена, а вьетнамцы», — объясняла Норма. А Вербене хоть кол на голове теши. «Неважно, — твердила она, — от них всего можно ожидать».

Большинство горожан лишь сокрушались, что их детям и внукам выпало жить в таком беспокойном мире, а для Нормы, Мэкки и их сверстников — тех, кто родился и вырос в сороковых-пятидесятых, — перемены были просто ошеломляющими. Теперь совсем не то что в прежние времена, когда никто ничего не боялся, а о Ближнем Востоке знали по рождественским открыткам с яркой звездой над мирными яслями, а не по страшным сводкам новостей. Норма решила: с нее хватит. Вот уже три года она не включает новостей и не читает газет. Теперь она смотрит

только канал «Дом и сад» и «Лавку древностей» на Пи-би-эс, прячет голову в песок и ждет, что все само наладится.

Минут через сорок, когда Норма высушила волосы под феном, Тотт продолжила начатый разговор:

— Ты меня знаешь, Норма, я всегда стараюсь не унывать, но чем дальше, это тем труднее. Говорят, цивилизация наша обречена, ей конец.

— Кто говорит? — вскинулась Норма.

— Да все! — Тотт сняла с волос Нормы сетку. — Нострадамус, Си-эн-эн, газеты. Если им верить, нас не сегодня-завтра сотрут с лица земли.

— Боже мой, Тотт, к чему слушать всякую чепуху? Нас просто пугают.

— Знаешь, Норма, Вербена говорит, в Библии сказано про конец света, и он, похоже, не за горами.

— Ах, Тотт, сколько лет на свете живу — все трубят про конец света, а он до сих пор не настал.

— Пока, — уточнила Тотт, снимая с Нормы бигуди. — Но однажды настанет. Вербена говорит, все приметы налицо. Землетрясения, ураганы, наводнения, пожары, а теперь еще и птичий грипп — вот тебе и мор, и казни.

Норме стало трудно дышать; вспомнив упражнение «Заменяйте дурные мысли хорошими», она возразила:

— Людям свойственно ошибаться. Ведь когда появился рок-н-ролл, все твердили, что хуже уже не бывает, — а оказалось, бывает!

— Куда уж хуже! Но если я не успею до конца света выйти на пенсию, то страх как разозлюсь: столько лет мечтала дожить до пенсии — и вот те на!.. Нет в жизни справедливости, верно? А ты не боишься конца света? — Тотт взялась за расческу.

— Боюсь, конечно, — ответила Норма. — Жаль, если он настанет именно сейчас, когда у людей появилась наконец хоть капля хорошего вкуса. Загляни в нашу скобяную лавку или в магазин керамики, там такие милые вещицы продаются, и совсем недорого. Я просто гоню дурные мысли.

— И правильно, — отозвалась Тотт. — Что в них толку? Вот Вербена ничуть не боится. Надеется перед самым концом света исчезнуть. А мы, дескать, все здесь сгорим дотла. Сказала, что если вдруг не придет ко мне на стрижку — значит, вознеслась на небо. А я в ответ: «Ну спасибо, Вербена, будь ты и вправду доброй христианкой, взяла бы и меня с собой в рай, а не оставила бы здесь жариться».

— А она?

— Молчок.

— Что ж, Тотт, нравится ей так думать — пускай думает. Я больше не пытаюсь понять, зачем люди верят во всякую чепуху. Взять хотя бы террористов-смертников: взрывают сами себя и не сомневаются, что на том свете их ждут семьдесят райских дев и все такое прочее.

— То-то удивятся, когда очнутся и поймут, что просто-напросто померли, ни за грош пропали! Как там поется в песне у Пегги Ли, «Вот и все»?

— Да, но вот беда, никто же не знает, есть жизнь после смерти или нет, — сказала Норма.

Тотт замерла с расческой в руке.

— Господи, да лучше б ничего не было, я и земной жизнью сыта по горло. Хочу уснуть — и больше ничего.

— Ну что ты говоришь, Тотт! А вдруг ты на том свете снова встретишься с родными?

— Нет уж, дудки, мне и на этом свете их видеть не хотелось. — Тотт взяла флакон лака для волос и начала яростно поливать волосы Нормы. — Я хочу знать, для чего мы на свете живем, и не намерена ждать, пока помру. Разве я слишком многого хочу?

Закончив работу, Тотт глянула на Норму в большое зеркало, поправила локон-другой, протянула ей ручное зеркальце и развернула кресло, чтобы та посмотрела на себя сзади.

— Ну вот, готово, — просто картинка!

После похода в салон красоты Норму неотступно мучила тревога, и она облегченно вздохнула, когда застала тетю Элнер на крылечке, с улыбкой на лице. Поднимаясь по ступенькам, Норма сказала:

— Вы сегодня вся светитесь!

— Есть отчего, милая! Я бабочку спасла! Вышла я на крыльцо, а там красавица-бабочка попала в паутину, я и освободила ее. Паука тоже жаль — без обеда остался, но ведь бабочки живут всего день, так пусть она хотя бы до вечера порезвится.

Норма очистила себе стул от баракла и села.

— Да, пусть поживет, порадуетя.

Элнер продолжала:

— Знаешь, что черепахи живут полторы сотни лет, а бедные бабочки — всего день? Нет в жизни справедливости, верно?

— Верно, — кивнула Норма. — Тотт Вутен мне только что говорила те же слова.

— Про бабочек?

— Нет, про то, что нет в жизни справедливости.
— А-а... И к чему она это сказала?
— Боится, что не успеет до конца света выйти на пенсию.
— Бедняга Тотт, нашла о чем горевать. У нее и так забот хватает, с ее-то детишками непутевыми! О чем она еще болтала?
— Как всегда, о том о сем, а еще злилась, что не знает, зачем мы живем.
Тетя Элнер рассмеялась.
— Что ж, она не одна такая! Это вопрос на засыпку, не хуже чем про курицу с яйцом, верно?
— Да.
— Передай Тотт, если она узнает, зачем мы живем, — пусть и с нами поделится!

* * *

Резкий звонок вырвал Норму из воспоминаний, вернув в настоящее. В страшное настоящее — ведь еще недавно тетя Элнер радовалась жизни, смеялась, а теперь лежит в приемном покое больницы, и что с ней стряслось, одному Богу известно.

Норма ждала, когда умолкнут звонки и поднимется полосатый шлагбаум, и вслед за Тотт Вутен и тетей Элнер задавалась вопросом: «И все же — для чего мы живем?»

В приемном покое

09:58

Застряв у шлагбаума, Норма и Мэкки добрались до больницы на восемь минут позже «скорой». В регистратуре им сказали, что Элнер в приемном покое и о ее состоянии пока ничего не известно, но доктор обо всем расскажет, как только будут новости. Тем временем Норме предстояло заполнить целую кипу страховых анкет и как можно точнее ответить на все медицинские вопросы. У нее тряслись руки, и она едва могла писать.

Норма никогда не знала точного возраста тетушки. Как многие люди ее поколения, Элнер родилась дома, и день ее рождения был записан в семейной Библии, которая давным-давно куда-то подевалась. Мать Нормы всегда скрывала свой возраст — скорее всего, она-то и избавилась от Библии, — так что теперь неоткуда было узнать, сколько лет тете Элнер, и Норма написала наобум: восемьдесят девять. Потом повернулась к Мэкки:

— Аллергия на лекарства у нее есть, не помнишь?

Мэкки помотал головой:

— По-моему, нет.

Пробежав глазами список перенесенных болезней, Норма везде поставила прочерки. На ее памяти тетя Элнер ни дня не болела, а почему — неизвестно. В ее годы почти все старики чем только не больны, а тетя Элнер ест все без разбору, любит жареное — с такой диетой и до инфаркта недалеко, и до диабета, а ей хоть бы что. Да, здоровья ей не занимать. Таскает тяжеленные мешки с кормом для птиц, несмотря на запреты Нормы. Покончив с анкетами, Норма вновь обратилась к Мэкки:

— Надо, наверное, сказать Линде?

— Нет, милая, давай подождем, не стоит ее зря беспокоить. Тетя Элнер в надежных руках, все обойдется, вот увидишь.

Норма, шумно вздохнув, крепко стиснула руку Мэкки:

— Как хорошо, что ты у меня есть. Не знаю, что бы я без тебя делала. С ума сошла бы наверняка.

Э-эй!

10:09

Элнер очнулась в темной комнате. Который час, она понятия не имела, но догадалась, что все еще находится в больнице: приборы попискивают, за дверью беготня. Похоже, с ней все в порядке: ничего не болит, руки-ноги на месте, шевелятся. Кости целы, и на том спасибо. Элнер лежала и думала: где же Норма и Мэки? А, ну конечно! — сообразила она. Небось с Нормой опять случился обморок, вот и задержались. С минуты на минуту должны приехать. Но вдруг люди в зеленых балахонах бросили ее здесь и забыли? Толстуху вроде нее потерять не так-то просто, но если вдруг ее все-таки потеряли, Норма с ума сойдет.

Бедняжка Норма унаследовала от матери хорошенькое личико и никудышные нервы. Элнер всегда была миловидна, но не могла сравниться с младшей сестрой, красавицей Идой. И нервы у Элнер были крепкие, жизнь она принимала как есть, а Ида росла беспокойным ребенком, и Норма пошла в нее. Элнер любит Норму как родную дочь, но с ней порой бывает нелегко. К примеру, Норма — ужасная чистюля. Мэки шутит, что боится вставать ночью в туалет: вдруг вернется, а постель уже застелена? И прибавляет, что Норма родилась с банкой моющего средства в одной руке и с тряпкой в другой. Но сердце у Нормы золотое, при всех ее мелких слабостях. Чужую боль она принимает как свою, все мировые скорби берет на себя. Если кому-то нужна помощь — Норма тут как тут. Ни один старик в городе не остается без горячего обеда и без внимания — и все благодаря Норме. Словом, несмотря на все причуды и истерики, Норма — добрейшей души человек.

Минуло еще полчаса, за Элнер никто не приходил, и ей подумалось: а вдруг Норме не сообщили, что она здесь? Что, если люди в балахонах не знают, кто она и с кем связаться? Надо встать и найти кого-нибудь, чтобы позвонили Норме и вызвали ее сюда. А то, чего доброго, придется здесь ночевать.

Элнер спустила ноги с постели и не спеша, осторожно встала. С лестницы упала и не разбилась — обидно было бы поскользнуться на ровном месте и шее свернуть! Но, поднявшись на ноги, Элнер ощутила во всем теле небывалую легкость. Неужели похудела, пока спала и ждала приезда племянницы? Вот Норма-то обрадуется! Норму очень беспокоил

порядочный вес Элнер, и она каждый божий день приходила мерить тетушке давление. И даже бекон не разрешала есть, разве что пару ломтиков на завтрак, а на ночь — ни-ни. Элнер, разумеется, ни слова ей не сказала про ужин у Мерла и Вербены, где угощали печенкой с беконом. К чему расстраивать племянницу?

Элнер постояла у кровати. Кругом темно, хоть глаз выколи. Пришлось пробираться к выходу на свой страх и риск, мелкими шажками. Элнер пошла на звук голосов, нащупала дверь, открыла и очутилась в залитом светом коридоре. Огляделась: вокруг ни души.

Элнер двинулась вдоль ряда пустых комнат. «Э-эй! Есть кто-нибудь?» — позвала она негромко, чтобы не беспокоить больных. Прошла до одного конца коридора, затем до другого, к лифту. На этом этаже никого — значит, надо поискать на других. Элнер вызвала лифт, тот дернулся, открылись двери. Элнер шагнула внутрь, повернулась, но не успела нажать кнопку, как двери сами закрылись и лифт понес ее вверх.

Что сказал доктор

10:20

Норма и Мэкки ждали уже двадцать минут с лишним, а вестей об Элнер все не было. В приемной сидели еще две женщины и мужчина, их матери делали операцию на тазобедренном суставе. Норма в подробностях рассказала им о себе и Мэкки, откуда они, почему здесь оказались, даже о том, как она просила тетю Элнер быть поосторожней с лестницей. Мэкки точно знал, что их новым знакомым это нисколько не интересно. Должно быть, поэтому все трое дружно улизнули в кафетерий на чашечку кофе. Спустя еще десять томительных минут вошел молодой доктор с историей болезни и окинул взглядом приемную.

— Миссис Норма Уоррен здесь?

Норма вскочила:

— Да, это я.

— Вы ближайшая родственница миссис Шимфизл?

— Да... она моя тетя, мамина сестра, ей очень плохо, доктор? — Норма от волнения начала заговариваться. — Я ее сто раз предупреждала, чтобы не забиралась на лестницу, а она меня не слушала; я ей говорю: «Тетя Элнер, подождите, пока Мэкки придет с работы...»

Понимая, что Норму не остановить, Мэкки вмешался:

— Как она, доктор? Очнулась?

Норма, которой так и не сказали, что тетя Элнер потеряла сознание, встrepенулась и глянула на Мэкки:

— То есть как — очнулась?!

Молодой врач понял, в чем дело.

— Давайте присядем.

— То есть как — очнулась? — растерянно повторила Норма.

Все расселись, доктор перевел взгляд с Мэкки на Норму.

— Миссис Уоррен, мне очень жаль, но ваша тетя... — он заглянул в карточку, — э-э... миссис Шимфизл умерла в 9 часов 47 минут. Мы сделали все, что в наших силах, но она попала сюда в крайне тяжелом состоянии. Учитывая ее возраст и прочие обстоятельства, ей ничем нельзя было помочь. Мне очень жаль.

Норма медленно сползла со стула и чуть не ударилась головой об пол — Мэкки с доктором едва успели ее подхватить.

Дурные вести разлетаются быстро

09:59

А в Элмвуд-Спрингс соседки Элнер — Руби Робинсон и Тотт Вутен — узнали о ее смерти даже раньше Нормы и Мэкки. Как только Элнер увезла «скорая», Руби позвонила своей подруге Бутс Кэрролл, медсестре из больницы Каравэй, предупредила, что сейчас привезут ее соседку Элнер Шимфизл, и попросила за ней присмотреть. Бутс, по долгу службы, перезвонила и прочла вслух отчет, поступивший из приемного отделения в 09:47. Повесив трубку, Руби обернулась к сидевшей за кухонным столом Тотт и покачала головой.

— Умерла.

— Не может быть... От чего?

— Анафилактический шок. Слишком много осиных укусов, сердце не выдержало.

— Не верю! Они не ошиблись?

— Нет, Бутс сказала, что ее доставили в тяжелом состоянии и никакой надежды не было с самого начала. Я видела, что у нее слабый пульс, но все же хотелось думать, что она выдержит. Бедная Элнер... Ну, хотя бы смерть была легкая.

— Неужели и вправду умерла? — простонала Тотт.

— Да. — Руби села за стол. — Нет больше Элнер, горе-то какое!

— Но раз уж этому суждено было случиться, то хотя бы не во Флориде, среди чужих людей. — Да, слава богу, в родном дворе.

С минуту Руби и Тотт молча глядели вдаль, пытаясь свыкнуться с мыслью, что их подруги и соседки больше нет на свете.

Помолчав, Тотт глубоко вздохнула:

— Вот и кончилась целая эпоха.

Руби кивнула с видом мрачной торжественности:

— Точно. Сколько себя помню, столько помню и Элнер Шимфизл...

— И я, — подхватила Тотт. — Подумать страшно, что не увижу ее никогда, что больше не выйдет она на крыльцо, не помашет. Не старушка была, а золото, правда, Руби?

— Правда, — кивнула та.

Подруги силились представить, как будут жить дальше без Элнер. Ведь они не просто виделись каждый день. Вот уже много лет соседки по

вечерам стаскивали шезлонги к Элнер во двор и, устроившись поудобнее, болтали и любовались закатом.

— А как же наш Клуб Заходящего Солнца? — прервала молчание Тотт.

— Не представляю, — вздохнула Руби.

— И кто в этом году будет прятать пасхальные яйца?

— Ума не приложу. Кто-нибудь да найдется.

— Какая же Пасха без Элнер?

— Верно. И вот что еще: Лютер Григз будет горевать, когда узнает про Элнер... и бедняжка Норма, вот несчастье!

— Еще бы... — подтвердила Тотт. — Волосы будет рвать на себе, с ума сойдет от горя!

— Не иначе. Элнер была ей ближе родной матери.

— Да, не в обиду ей будь сказано, — поспешно добавила Тотт. — Ида была хорошая женщина, но гордячка, каких мало.

— Мне она тоже нравилась, но спеси ей было не занимать, — согласилась Руби. — Хорошо, что есть Линда. Норме будет на кого опереться.

— Да еще и внучка — тоже утешение, не то что мои, — вставила Тотт.

Обе сидели потупившись и про себя жалели бедную Норму, потерявшую тетушку. Чуть погодя Тотт спросила:

— Что теперь нам делать? Руби отвечала:

— Надо бы пойти к Элнер, навести порядок в доме, все двери запереть — наверняка Норма с Мэкки вернутся поздно.

— Пожалуй. — Тотт глянула на красные пластмассовые часы в форме чайника, подошла к телефону и позвонила дочери в парикмахерскую: — Дарлин, скажи всем моим клиентам, чтоб не приходили. Меня сегодня не будет. Бедняжку Элнер Шимфизл до смерти закусали осы, я места себе не нахожу, мне сейчас не до причесок.

Звонок Линде

10:33

Линда Уоррен, тридцатичетырехлетняя красавица-блондинка, вела заседание совета директоров в Сент-Луисе, когда секретарша срочно вызвала ее к телефону: звонил отец. Вбежав в свой кабинет, Линда сняла трубку:

— Папа? Что случилось?

— Доченька, с тетей Элнер стряслась беда. Она упала с лестницы.

— Опять?! — ахнула Линда, садясь за письменный стол.

— Опять.

— Она жива-здорова? Не ушиблась?

Ответа не последовало. Мэки не знал, как сказать дочери о смерти Элнер, и выдавил из себя:

— В общем... плохи дела.

— Как? Неужели перелом?

— Хуже..

— Что значит «хуже»?

После долгого молчания Линда спросила:

— Ты хочешь сказать... умерла?

— Да, — отозвался Мэки упавшим голосом. Кровь отхлынула от лица Линды; она услышала собственный голос будто со стороны:

— Как это случилось?

— Тотт и Руби нашли ее под деревом, без сознания. Скорее всего, она умерла в машине по дороге в больницу.

— О боже! Почему? От чего?

— Пока точно неизвестно, но, как бы то ни было, смерть была мгновенная, легкая. Доктор сказал, что тетя Элнер, видимо, так и не поняла, что с ней произошло.

— Где мама?

— Здесь, рядом. Мы в Канзас-Сити, в больнице Каравэй.

— Как она?

— Ничего, но очень хочет, чтобы ты приехала. Придется много чего решать, а мама ничего не станет делать без тебя. Понимаю, доченька, у тебя дела, но сейчас ты очень нужна маме.

— Конечно, папочка. Передай маме, чтоб держалась, я скоро приеду.

— Молодец, она будет рада.

— Папочка, я тебя люблю.

— И я тебя, родная.

Когда Мэкки повесил трубку, у него словно гора свалилась с плеч. На самом деле он ждал Линду так же, как Норма. Он был почему-то уверен, что приедет Линда — и все станет на свои места. Его дочурка, милая беззащитная кроха, о которой он заботился, стала взрослой и сама заботится о нем. Порой он узнавал в этой сильной, удачливой женщине прежнюю маленькую девочку, но сейчас понимал, что умом и способностями Линда превзошла и его самого, и Норму. Как им удалось произвести на свет это чудо — уму непостижимо. Мэкки так гордился Линдой, что просто не находил слов.

Повесив трубку, Линда тут же вспомнила, чему ее учили на тренингах для руководителей, и уже через семь минут договорилась с няней, чтобы та забрала ее дочь Эппл из школы и отвела ночевать к подружке. Тем временем секретарша заказала Линде машину до аэропорта, билет на частный рейс из Сент-Луиса и устроила ей встречу в аэропорту Канзас-Сити. Не прошло и четверти часа, а Линда была уже в пути, на заднем сиденье автомобиля.

Свою бабушку Иду она едва знала: когда Линда была совсем крошкой, та переехала в Поплар-Спрингс, поближе к пресвитерианской церкви и клубу садоводов; да и как поладить с бабушкой, если мама с ней не уживается? Бабушка жаловалась Линде, что Норма не оправдала ее надежд: «Не понимаю, почему она не пошла учиться в университет. Могла бы чего-то добиться в жизни, а стала клушей-домохозяйкой». А Норма лишь повторяла: «Скажи спасибо, что она тебе не мать, а бабушка». Так что Линда росла рядом с тетей Элнер. Пока автомобиль торчал в пробках, Линда вспоминала детские годы и ночи, проведенные в доме у тети Элнер.

Тетя Элнер всегда приносила ей в постель бутылочку шоколадного молока, даже когда Линда уже выросла из соски. Летом они ночевали на просторной застекленной веранде, а зимой тетя Элнер укладывала Линду в кровать напротив своей большой кровати, и, глядя на оранжевое зарево электрокамина, они вели беседы до глубокой ночи. Когда Линда занималась в школе танцев Дикси Кахилл, тетя Элнер не пропускала ни одного ее

выступления; она ходила к Линде на все школьные праздники и, конечно, была на ее злополучной свадьбе. Сколько Линда себя помнила, рядом с ней всегда были три родных человека: мама, папа и тетя Элнер. Услышав, что Линда решила вместо колледжа пойти на курсы при телефонной компании, Норма возмутилась, и даже папа не смог ее переубедить, а тетя Элнер смогла. Ей вообще любую ссору удавалось уладить.

С годами Линда научилась ценить ее умение примирить спорщиков, встать на место каждого, подобрать нужные слова. И никто ее этому не учил, искусство принятия решений тетя Элнер постигла задолго до того, как его стали преподавать в бизнес-школах. Светлая голова, что ни говори. Тетя Элнер всегда чувствовала безвыходность положения. Когда у Линды рушилась семья, после долгих месяцев слез, споров, ссор, беготни по психологам, невыполненных обещаний, расставаний и примирений, именно тетя Элнер дала ей единственно верный совет, всего в четыре слова: «Гони его в шею». Линда, уже готовая к этому шагу, так и поступила. Если учесть, что ее бывший муж сменил уже трех жен, лучшего совета и придумать было нельзя.

А когда Линда рассказала матери, что решила усыновить сироту из Китая, Норма пыталась ее отговорить. «У тебя нет мужа, Линда. Увидев тебя с китайчонком, все решат, что ты родила от китайца». К счастью, тетя Элнер поддержала Линду. «Никогда не видела живого китайца — вот бы посмотреть на китайчонка!» — воскликнула она.

Сердце Линды переполнилось болью утраты, раскаянием, чувством вины. Надо было чаще ездить домой, к тете Элнер, привозить к ней малышку Эппл. Теперь уже поздно.

Линде вспомнился их последний разговор. Тетя Элнер пришла в восторг от статьи в журнале «Нэшнл джиографик» о мышах, которые скачут при луне. Фотограф, видно, спрятался в кустах и заснял на пленку их прыжки, а тетя Элнер до того растрогалась, что позвонила Линде в Сент-Луис и вызвала ее с совещания лишь затем, чтобы поделиться радостью.

— Линда, ты знала, что пустынные мыши прыгают при луне? Представь, эти крошки скачут лунными ночами, резвятся, когда поблизости никого нет, — будто танцуют. Просто прелесть. Видела бы ты снимок!

Линда слушала вполуха, да еще и соврала в придачу: мол, сию же минуту бегу покупать журнал. А через пару часов тетя Элнер перезвонила, и Линде опять пришлось лгать:

— Мышки чудные, тетя Элнер, просто загляденье!

Тетя Элнер была счастлива.

— Я знала, что тебе будет интересно; теперь у тебя на весь день хорошее настроение, да?

— Конечно, тетя Элнер, — в очередной раз солгала Линда. Жаль, что ложь не веротишь назад.

Сейчас Линда на своем опыте узнала горькую истину: когда теряешь родного человека, остается раскаяние. «Если бы я...», «Почему я не...» Так и будешь казнить себя до конца дней, а ничего не исправишь. Может быть, после похорон, когда жизнь вернется в обычное русло, они с Эппл будут чаще ездить к родителям. Так устроен мир. Мы не задумываемся, что каждый наш разговор с близким человеком может оказаться последним. Линда дала себе слово больше ценить жизнь — ведь не знаешь, когда она может оборваться.

В доме у Элнер

10:39

Руби и Тотт прямо по газону прошли к дому Элнер. Во дворе напротив полел сорняки Мерл Уилер, муж Вербены, — грузный, с брюшком, в неизменной белой рубашке и подтяжках.

— Про Элнер что-нибудь известно? — крикнул он.

Руби, кивнув, отозвалась:

— Нам только что передали. Все кончено.

Мерл, большой знаток игрушечных железных дорог и такой же большой тугодум, переспросил:

— Уже? Она вернулась?

— Нет, — поправила Руби. — Кончено, и точка. Умерла от осиных укусов. Нам сказали, что, когда ее привезли, никакой надежды уже не было.

Мерл бросил работу и, потрясенный, опустился в белое с зеленым дачное кресло. Они с Вербеной жили напротив Элнер вот уже тридцать лет. Каждый день переговаривались: Мерл — из своего двора, Элнер — с качелей на крыльце. Выйдя после сердечного приступа на пенсию, Мерл вступил в местный клуб садоводов, в секцию «Лучшая луковица месяца». С тех пор они с Элнер много времени проводили вместе: возились на клумбах, любовались цветущими луковичными растениями. На днях у обоих распустились нарциссы, но у Элнер половину цветов уже сожрали улитки — в ее саду их целые полчища. Элнер любила все живое, а в улитках прямо-таки души не чаяла, показывала всем подряд: «Правда, прелесть? Вы только посмотрите на их рожицы!» Поэтому цветы у нее долго не жили.

Мерл как-то прокрался к ней во двор и давай опрыскивать цветы ядом от слизняков, но Элнер застала его на месте преступления. «Не трожь моих улиток!» — грозно предупредила она. Каждый год почти весь ее урожай доставался птицам, а муравьи доедали остатки, но Элнер и горя было мало. С чистой совестью она могла убивать лишь комаров, клещей и блох, да еще пауков, но только кусачих. Мерлу вдруг пришло на ум: всю жизнь Элнер любила насекомых, спасала их как могла, а теперь от них же и погибла. «Вот награда за доброту! — подумал он. — Завтра же перебыю у нее во дворе всех до единого — и улиток, и прочую гадость». Мерл тяжело поднялся с кресла и пошел в дом — позвонить Вербене на работу и

передать печальную весть.

Поднявшись на веранду, Тотт и Руби были встречены жалобным мяуканьем. Голодный, ожидавший завтрака Сонни скребся в кухонную дверь с проволочной сеткой. Тотт открыла дверь и сказала: «Бедняга Сонни не ведает, что он теперь сирота». На кухне все еще витал аромат кофе. И кофейник, и духовка были включены. Тотт и Руби все выключили, достали из духовки печенье — одни угольки, пришлось выкинуть. На плите стояла сковорода с ломтиками горелой ветчины. В раковине со вчерашнего вечера скопилась грязная посуда, и Тотт взялась за мытье, а Руби нашла в чулане кошачьи консервы для Сонни, кружившего у миски.

Накормив попрошайку, Руби заглянула в спальню. Постель не убрана, повсюду орет радио — любимая станция Элнер. Руби застелила постель, навела порядок в ванной. Собрала с пола одежду и сунула в шкаф. Расставила поаккуратней мелочи на ночном столике у Элнер: слуховой аппарат, старая фотография ее покойного мужа Уилла Шимфизла возле фермы, стеклянное пресс-папье с Эмпайр-стейт-билдинг, фотокарточка ее друга Лютера Григза в шестом классе и крошечная стеклянная улитка, его подарок. К приходу Нормы ей хотелось навести чистоту. Руби смахнула со стола пыль, вылила воду из стакана, закрыла карманную Библию. Когда она вернулась на кухню, Тотт все еще мыла посуду. Обернувшись, она спросила:

— Что же будет с Сонни?

Руби бросила взгляд на рыжего полосатого кота — тот умывался после завтрака.

— Не знаю. Если никто его не возьмет, заберу себе — Элнер обожала своего уродца.

— Это точно, — согласилась Тотт. — Я сама бы его забрала, да только мою кошку удар хватит. Между прочим, первого котенка мне Элнер подарила. У меня нервы расшатались, и врач прописал успокоительное, а Элнер сказала: «Тотт, тебе не лекарства нужны, а котенок». И была права.

— Она любого психолога заткнула бы за пояс, — подтвердила Руби. — Вспомни, как она Лютера Григза перевоспитала!

— Пришлось ей повозиться с парнишкой.

Руби посмотрела из окна на кормушки — у Элнер их было видимо-

невидимо.

— Кто-то должен кормить ее птиц.

— Я возьмусь, пожалуй.

— Дело нелегкое. Элнер их кормила по три раза в день.

— Знаю, но разве жалко для нее такой малости? Птичек она любила.

— Еще как любила.

Тотт обвела взглядом стены, пестревшие картинками — цветы, букашки-козявки.

— Интересно, оставит Норма дом себе или продаст?

— Наверное, продаст.

Тотт вдруг залилась слезами.

— Представить не могу, что Элнер не вернется. Вот ведь странная штука жизнь: только что собирал инжир, а через минуту лежишь мертвый. Как подумаю — не хочется и просыпаться утром. — Тотт промокнула глаза кухонным полотенцем.

Выросла она в небольшом городке, где все друг друга знают, и многих соседей похоронила на своем веку, да разве к смерти привыкнешь? Особенно тяжело, когда уходят старики. Пустеет почтовый ящик, темнеют окна, отключают газ, запирают двери, зарастает двор — а там выставят дом на продажу, въедут в него новые люди и все переделают на свой лад.

Зазвонил телефон. Руби и Тотт переглянулись.

— Может быть, Норма? — предположила Руби. — Алло!

В ответ раздался голос:

— Элнер?

— Нет, это Руби, кто говорит?

— Это Ирен. Какие у вас планы на сегодня, девочки?

— Ах, Ирен, подожди минутку, ладно? — Руби, прикрыв трубку рукой, шепнула Тотт: — Ирен Гуднайт. Скажешь ей или я сама?

Тотт, бывшая подруга Ирен по спортивной команде, ответила: «Лучше я» — и забрала у Руби трубку.

— Ирен, это Тотт.

— Эй, девочки, что за сборище — праздник, что ли?

— Нет, не праздник.

— Что ж, не буду вас отвлекать, пусть Элнер мне перезвонит попозже, ладно? Я нашла старые номера «Нэшнл джиографик», ей могут пригодиться.

— Ирен, прости, что приношу дурные вести, но Элнер умерла.

— Что?

— Элнер умерла.

— Это шутка?

— Нет, милая моя, не шутка, а самая что ни на есть правда. Ее искусили осы, она упала с дерева и... насмерть.

— Боже... Когда?

— Часа полтора назад, не больше.

Ирен все утро делала уборку в нижнем этаже и не слыхала воя сирены, не знала о падении Элнер, и весть о ее смерти оказалась для нее громом среди ясного неба.

— Ничего себе, — пробормотала она. — Не ве... не ве... не верится.

— Как и всем нам, — отозвалась Тотт. — Вот закончим уборку — пойду домой и заберусь в постель. По мне будто грузовик проехал.

Ирен опустилась на кровать, посмотрела в окно, в сторону дома Элнер, и повторила:

— Не верится... Где она?

— В больнице в Канзас-Сити. Норма и Мэки тоже там.

— Ах, бедняжка Норма, такое горе!

— Да... Надеюсь, что ей там дают успокоительное.

Ирен согласилась:

— Хорошо бы... Ну... и что теперь?

— Не знаю пока, но позвоню, когда будут новости.

Повесив трубку, Тотт вновь села за стол.

— Ирен так расстроилась, даже говорить не могла.

Руби предложила:

— Надо бы нам составить список всех, кого обзвонить. Норме сейчас не до того.

— Правильно, дел у нее будет невпроворот, так хоть одной заботой меньше. Наверное, Дина с Джерри приедут из Калифорнии?

— Хотелось бы с ними повидаться, но... жаль, что повод такой грустный, — ответила Руби.

— А когда похороны, как думаешь?

— Завтра-послезавтра, наверное.

— До чего я устала от похорон, сил нет!

Руби, которая была постарше Тотт, вздохнула:

— Вот доживешь до моих лет, и станет все равно — что свадьба, что крестины, что похороны. С годами ко всему привыкаешь.

— Как бы не так, — возразила Тотт. — Не дай бог к такому привыкнуть. — Потом глянула из окна кухни на голубое небо с пушистыми облачками и сказала: — А погодка-то славная!

Ирен Гуднайт

11:20

Ирен положила трубку, и ей стало дурно. Она взглянула на букетик желтых нарциссов в банке из-под варенья, что принесла ей на днях Элнер. Жгучая боль пронзила ее при мысли, что скоро Пасха, а Элнер до нее не дожила. Ирен каждый год на Пасху водила своих детей, а потом и внуков, к Элнер — искать во дворе пасхальные яйца. Каждый год Элнер исправно красила сотни две яиц, прятала по всему двору и созывала на их поиски всех соседских ребятишек. А Бесси и Ада Гуднайт, пятилетние внучки-двойняшки Ирен, как-то нашли даже золотое яичко. Что ж делать-то в этом году без Элнер — и родителям, и детям? Что станет с Клубом Заходящего Солнца? Как же она, Ирен, без Элнер? Ирен помнила Элнер с самого детства, когда та еще держала на заднем дворе цыплят. Мать посылала ее к миссис Шимфизл за яйцами, и та всегда давала девочке в придачу кулек инжира. Както раз Элнер сказала: «Передай маме, что мои куры несут яйца с двойными желтками, так что глядите в оба», и впрямь, пять яиц из дюжины оказались с двойными желтками.

Для маленькой Ирен Элнер была всего лишь «яичной тетушкой», но с годами они все больше времени проводили вместе, и Элнер стала для нее просто «мисс Элнер». В запасе у мисс Элнер всегда находились забавные истории, по большей части о ней самой. Ирен вспомнила рассказ о том, как Элнер, переехав с фермы, в лютую метель встречала свое первое Рождество в городе. Пока она ждала мужа Нормы — тот должен был отвезти ее на праздничный ужин, — рядом с ее домом остановился зеленый автомобиль. Элнер, в уверенности, что это Мэкки, выбежала из дома и забралась на переднее сиденье. А в машине ехал совершенно чужой человек, искал Третью улицу, — и вдруг к нему вломилась толстая старушенция и плюхнулась рядом! Бедняга так перепугался, что чуть не разбил машину. Ирен и Элнер хохотали до слез. Сколько их было в запасе у Элнер, глупых и смешных историй... вроде той, например, как она оставила на ночном столике перламутровую пуговицу, а муж Уилл принял ее за таблетку аспирина и проглотил. Элнер так и не сказала ему правду.

Какая бы тоска ни мучила Ирен, Элнер всегда умела ее развеселить. Грустно будет теперь ходить мимо ее старого дома на Первой Северной авеню, ведь больше не выйдет она на крыльцо, не помашет рукой. Но так

уж невесело устроена жизнь: был человек или вещь, и вдруг раз — и нет. Еще вчера сидела Элнер на крылечке, а теперь остались лишь пустые качели, пустое кресло, еще один пустой дом, ждущий новых жильцов, которые все начнут сначала. Интересно, грустят ли дома по прежним хозяевам, скучает ли по ним мебель? Знает ли стул, что на нем сидит кто-то другой? А кровать? Ирен вздохнула. «Смерть... что такое смерть?» Если б знать...

Вверх на лифте

Элнер думала: ну когда лифт остановится и меня выпустят? В жизни не ездила на таком дурацком лифте! Он не просто поднимался, а раскачивался туда-сюда, кружился, ходил ходуном. А когда наконец остановился и открылись двери, Элнер не узнала ничего вокруг. Все было новое, чужое. «Неужто я улетела из больницы?» — ужаснулась Элнер. В самом деле, здание не сравнить с больницей: такое красивое, незнакомое. Уж не занесло ли ее на другой конец города, напрямик в здание суда? «Ну вот, заблудилась все-таки», — пробормотала себе под нос Элнер, шагая по коридору в надежде увидеть хоть кого-нибудь и узнать дорогу в больницу.

— Э-эй! — крикнула она. — Есть тут кто-нибудь?

Шла она, шла, и вдруг навстречу ей выбежала хорошенькая голубоглазая блондинка в черных туфлях для чечетки и белом страусовом боа.

— Эй! — окликнула блондинку Элнер.

Незнакомка с улыбкой отозвалась:

— Здравствуйте, как дела? — И упорхнула прочь, не успела Элнер спросить дорогу.

Когда блондинка скрылась из виду, Элнер пришло в голову: да она же вылитая Джинджер Роджерс! Любимую актрису Элнер узнала бы из тысячи, а у Дикси Кахилл, хозяйки местной школы танцев, где училась Линда, в студии висел ее большой портрет. Но если подумать хорошенько, никакая это не Джинджер Роджерс, при всем сходстве. Что ей могло понадобиться в Канзас-Сити, штат Миссури? Чушь какая-то... Но постойте, ведь Джинджер Роджерс родом из Миссури! Даже если это не она, то наверняка ее родственница.

Элнер шла и шла, любясь беломраморными стенами и полами. Норму бы сюда, думала она, ей бы пришлось по вкусу. Такая чистота, что хоть с пола ешь, — совсем как нравится племяннице (правда, какой смысл в том, чтобы есть с пола, для Элнер всегда было загадкой). Немного спустя Элнер различила в глубине коридора крохотную точку, пошла навстречу, и — о чудо! — это оказался человек за письменным столом перед дверью.

— Здравствуйте! — приветливо произнесла Элнер.

— Здравствуй, здравствуй! — послышалось в ответ.

Дойдя до конца коридора и разглядев, кто перед ней, Элнер остолбенела от изумления. Да это же не кто иной, как ее младшая сестрица,

мать Нормы, Ида! Живая, настоящая, вся разодетая — в лисьих мехах, в сережках, а на шее жемчуг в несколько рядов.

— Ида? — ахнула Элнер. — Ты ли это?

— Я, кто же еще. — Ида брезгливо поморщилась при виде старого клетчатого халата.

Элнер обомлела.

— Силы небесные!.. Как тебя занесло в Канзас-Сити? Мы думали, ты умерла. Господи, милая моя, мы тебе и похороны устроили, и все такое прочее!

— Знаю, — кивнула Ида.

— Но... кого же мы похоронили, если ты здесь?

Ида состроила свою излюбленную недовольную гримаску.

— Меня, разумеется, — вздохнула она. — Кстати, если помнишь, перед смертью я просила Норму не приглашать Тотт Вутен делать мне прическу. Я и телефон своего парикмахера ей оставила, и деньги вперед заплатила, — и что же Норма? Стоило мне умереть, она первым делом вызвала Тотт Вутен меня причесать!

«Боже милостивый!» — изумилась Элнер. Они с Нормой тогда решили, что Ида все равно никогда не узнает, но просчитались.

— Да ладно тебе, Ида, — попыталась оправдаться Элнер. — По мне, так вышло очень даже неплохо.

— Как же! — фыркнула Ида. — Я в жизни не делала пробор слева. А она меня выставила всем на посмешище с пробором не на ту сторону, да еще и с толстым слоем румян. Ни дать ни взять клоун на арене цирка!

Если у Элнер и оставались сомнения, вправду ли перед ней ее сестра, то теперь они развеялись. Кто еще может так зудеть, кроме Иды?

— Полно себя изводить, Ида, — сказала она. — У Нормы не было выхода. Тотт — наша подруга, она пришла в похоронное бюро со своими инструментами. Для тебя ведь старалась. У Нормы не хватило духу обидеть ее отказом.

Иду никогда и никому не удавалось разжалобить.

— По-моему, последняя воля умершего важнее любых обид.

Элнер вздохнула:

— Так и есть, но согласись, похороны удались на славу. Народу пришло больше сотни, все твои друзья из клуба садоводов...

— Тем более нужно было хорошо выглядеть. Надо было мне самой зайти к Неве в похоронное бюро и объяснить, что к чему.

— Что ж, дорогая, я так рада, что мы снова свиделись! — попробовала сменить тему Элнер.

Ида улыбнулась натянуто, все еще в обиде за испорченную прическу.

— Я тоже рада, Элнер. — И добавила: — А тебя здорово разнесло, как я погляжу.

— Есть немножко... годы берут свое.

— Пожалуй. Герта к старости тоже расплылась.

Элнер окинула взглядом беломраморный коридор.

— Ида, не пойму, что творится. Раз ты жива, что тебе стоило вернуться домой?

— Да умерла я, умерла. Здесь теперь мой дом, — сказала Ида, теребя жемчужное ожерелье.

— Где же мы? — Элнер вновь огляделась по сторонам. — И что я здесь делаю? Мне нужно в больницу, ты меня совсем запутала.

Ида хитро взглянула на Элнер.

— Ну же! Если я умерла, а ты меня видишь, — как по-твоему, к чему бы это?

Пришел черед Элнер обижаться.

— Откуда мне знать? Я с лестницы свалилась и туго соображаю, мне сейчас привиделась Джинджер Роджерс... а теперь ты говоришь, что умерла, а я тебя вижу как живую. Мне, похоже, совсем отшибло мозги — ничего не могу понять.

— Думай, Элнер, — велела Ида. — Я... И Джинджер Роджерс...

Элнер собралась с мыслями. Джинджер Роджерс давным-давно умерла, и Ида тоже; мало того, каждое Идино слово слышно без слухового аппарата! Что-то не так... И тут Элнер осенило:

— Неужто и я умерла?

— В точку!

— Я мертвая?

— Мертвее не бывает, дорогуша.

— Кошмар!.. Меня похоронили?

— Нет еще, ты всего пару минут как умерла.

— Боже мой! Неужели правда?

— Да. Между прочим, ты чуть-чуть разминулась с Эрнестом Кунитцем, ^[2] он вчера сюда попал.

— Эрнест Кунитц? Тот, что играл на тубе в программе Соседки Дороти?

— Он самый.

Голова у Элнер пошла кругом.

— Мне бы присесть и подумать хорошенько. — Элнер опустилась в красное кожаное кресло у двери.

Ида внезапно всполошилась:

— Ты очень расстроена, дорогая?

Глянув на сестру, Элнер покачала головой:

— Скорее удивлена.

— Как и все мы. Знаешь, что смерти не миновать, да только не веришь, что и сам умрешь.

— Я-то не сомневалась, что умру, — сказала Элнер. — Просто не думала, что так неожиданно. Хорошо, если духовку и кофейник успела выключить.

— Всем нам есть о чем жалеть, так? — многозначительно заметила Ида.

Через минуту, придя в себя и смирившись с непоправимым, Элнер подняла глаза на сестру.

— Бедняжка Норма: сначала ты, теперь я.

Ида кивнула:

— «День у каждого бывает, когда дождь не затихает», ^[3] как говорится.

— Верно... Надеюсь, моя смерть ее не сломит. Я ведь уже старая — значит, не такая уж это неожиданность, да?

— Совсем не то что моя смерть, всего в пятьдесят девять. Как гром среди ясного неба. Я ведь была в отличной форме, не сочти за хвастовство.

Элнер снова вздохнула:

— Лишь бы с Сонни все было хорошо. Правда, Мэкки обещал о нем позаботиться, а коты вряд ли скучают по хозяевам, им главное кормежка. — Элнер опустила глаза и продолжала: — Знаешь, Ида, странное дело: я ни капельки не чувствую, что умерла, а ты?

— Тоже. Я совсем не того ожидала. Только что была жива — и умерла, а разницы никакой. Роды и те куда больнее, уж ты мне поверь.

— Да, мне было ничуть не больно. Честно говоря, я давно себя так хорошо не чувствовала. Правое колено раньше ныло, хотя я Норме ни слова не говорила, чтобы не потащила на операцию, а сейчас ни капельки не болит. — Элнер пошевелила ногой. — Ну и что теперь? Я со всеми увижусь?

— Точно не знаю, меня всего лишь попросили тебя встретить и проводить сюда.

— Спасибо тебе большое, Ида. Когда видишь родное лицо, уже не так страшно, правда?

— Да, — согласилась Ида. — Ни за что не угадаешь, кто меня здесь встретил, когда я умерла.

— Кто?

— Миссис Герберт Чокли.

— Кто это?

— Бывший президент Женского Клуба Америки. — А-а... наверное, тебя это порадовало.

Ида встала, открыла верхний ящик стола и принялась в нем рыться, не переставая говорить:

— Кстати, меня так срочно вызвали — что же с тобой случилось, сердечный приступ?

Элнер подумала.

— Не знаю точно, то ли осы до смерти закусали, то ли упала с дерева и разбилась. Я-то надеялась умереть в своей постели, да, видно, не судьба.

— Сердечный приступ, не иначе, — отозвалась Ида. — И папа умер от инфаркта, и Герта. У меня-то сердце было здоровое, но ведь ты старше меня и умерла скоростижно... а я — нет. Врач говорил, у меня редкое заболевание крови, им страдали потомки королевских династий Германии.

«Опять она за свое! — подумала Элнер. — Двадцать два года как в могиле, а спеси не убавилось». Ида умерла в семьдесят лет от лейкемии, но ей всегда хотелось чем-то выделяться из толпы. Всю жизнь. Отец их — простой фермер, но послушать Иду, так он был барон, потомок Габсбургов, с родовым поместьем. А выйдя замуж за Герберта Дженкинса, Ида еще пуще задрала нос. Элнер приходилось то и дело напоминать ей, кто она и откуда, но теперь уже поздно. Раз уж и могила Иду не исправила, то это навечно.

Ида долго рылась в ящике, чем-то звякая. Наконец достала ключ: «Вот!» Затем развернулась и пошла отпирать тяжелые двойные двери. А когда все было готово, позвала Элнер:

— Ну, пойдём.

Элнер двинулась было следом — и вдруг застыла как вкопанная.

— Постой! Это ведь рай? Я не уйду в ад?

— Не угодишь, — заверила Ида.

У Элнер отлегло от сердца. Поразмыслив, она решила, что если даже Иду взяли в рай, то надежда есть у всякого. Оставался еще один вопрос.

— И что теперь?

Ида изумленно воззрилась на сестру:

— Как — что, Элнер? Встретишься с Создателем. Я и веду тебя, глупая, на встречу с Создателем.

— Да ты что! — ахнула Элнер. — А я-то... в старом халате с дырявыми карманами, и губы не подкрашены.

— Теперь на своей шкуре испытаеть, каково было мне.

— Могу представить...

— Готова?

— Думаю, да. Иначе меня бы здесь не было, так ведь?

— Верно. А теперь скажи, ты о многом жалеешь?

— То есть?

— О том, что хотела сделать, но не успела.

Элнер, подумав, отвечала:

— Я так и не побывала в «Долливуде»^[4]... Жаль, не посчастливилось туда попасть, зато я была в парке «Мир Диснея», значит, жаловаться не на что. А ты?

Ида вздохнула.

— Я мечтала съездить в Лондон, побродить по дворцовым садам, выпить чаю с королевской семьей, но, увы, не довелось.

С этими словами Ида торжественно распахнула двери, отступила на шаг и сказала: «Опля!»

Вербена Уилер разносит весть

11:25

В химчистке «Голубая лента» Вербена Уилер, вконец расстроенная звонком мужа, кинулась обзванивать всех подряд, чтобы сообщить о смерти Элнер. Первым делом она набрала номер Кэти Колверт в редакции, но там было занято. Позвонила Лютеру Григзу, другу Элнер, — никто не отвечал. Вновь попыталась дозвониться до Кэти, опять занято. Вербена лихорадочно перебирала в памяти, кому бы еще позвонить, и набрала номер любимой радиопередачи Элнер. Нужно им сказать непременно.

За много лет утренний «Вестник фермера» на местном радио, который вели Бад и Джей, мало-помалу превратился в программу для жителей пригородов: утренние новости, прогноз погоды и вести с дорог. Ферм на пятьдесят миль вокруг осталось немного, но Элнер хранила верность любимой передаче и частенько туда звонила. Бад и Джей были от нее без ума. С тех пор как они придумали конкурс «Вопрос дня», Элнер всегда в нем участвовала, и ответы ее порой становились гвоздем программы. Если правильного ответа не давал никто, Элнер все равно отправляли приз. В числе спонсоров передачи была фирма «ПЕТКО», и Элнер не раз выигрывала корм для Сонни. Бад, который вел еще и программу «Обмен-Продажа» с одиннадцати до двенадцати, ответил на звонок Вербены во время рекламной паузы. Через пару минут он объявил в эфире: — Друзья, только что поступил очень печальный звонок из Элмвуд-Спрингс, и мы с глубокой скорбью сообщаем, что сегодня утром не стало нашего доброго друга, Элнер Шимфизл. Она была прекрасным человеком и одной из наших любимых участниц, и нам будет очень ее не хватать... Мы пока не знаем, когда похороны, но как только станет известно, сразу объявим. Так, что у нас дальше? Ровена Снайт из Сент-ралии меняет мужской портфель с инициалами «Б. С.» на старые номера журнала «Ремесла для всех» или на дамские часы. А сейчас — несколько слов от клиники мануальной терапии Валери Жирар.

* * *

Лютер Григз, в белой футболке и кепке, вел грузовик в Сиэтл, в шестидневный маршрут. Перекусывая соленым арахисом с колой, он услышал по радио печальную весть, тут же съехал на обочину, выпрыгнул из кабины и застыл как громом пораженный. Казалось бы, старушка за восемьдесят — не самый подходящий друг для Лютера, но ближе мисс Элнер у него никого на свете не было. Еще накануне вечером они обсуждали, не сойтись ли Лютеру вновь с прежней подружкой, — на его вкус, кожа да кости, но Элнер посоветовала к ней вернуться.

Понемногу до него дошел смысл услышанного. В горле пересохло, в животе заныло. Не ехать бы сейчас в Сиэтл, а свернуть на ближайшую автостоянку, накуриться травы, выхлестать ящик пива и забыться — но ведь он дал мисс Элнер слово не пить и не курить. И овощи в кузове испортятся. Да и ради мисс Элнер нужно продолжать путь. Когда Лютер брал ссуду на грузовик, мисс Элнер поручилась за него, чтобы у Лютера была приличная работа... Ради нее одной он вернулся за руль, тронулся с места и прибавил скорость.

И до самого поворота на Канзас-Сити лишь мысль об обещании, данном мисс Элнер, поддерживала его. Но как жить дальше? Ведь он потерял самого лучшего друга.

* * *

Лютер Григз, здоровяк-дальнобойщик под два метра ростом, и Элнер Шимфизл подружились при весьма любопытных обстоятельствах. Двадцать восемь лет назад восьмилетний Лютер скакал мимо дома Элнер, а та вышла на крыльцо и окликнула ласково:

— Эй... малыш... иди-ка сюда на минутку.

Лютер притормозил, покосился на нее и вспомнил: эта старуха на днях подсунула ему вместо конфеты какую-то гадость.

— Иди сюда, дружок, — вновь позвала она.

— Не пойду, — отрезал Лютер. — Кто вы мне — мама, что ли? С чего мне вас слушаться?

— А я для тебя кое-что припасла.

— Не надо мне ваших конфет, от них блевать тянет. — Лютер скривился.

— Это не конфета, а подарок. Не поднимешься — не получишь.

— Что за подарок?

— Не скажу, но тебе понравится. Гляди, пожалеешь, если не возьмешь.

Лютер прищурился: что у нее на уме? Доброта его всегда настораживала. Он швырялся камнями в ее мерзкого кота — вдруг она хочет подманить его и отколотить? В общем, надо быть начеку.

Лютер крикнул в ответ:

— Врете вы все, нет у вас никакого подарка!

— А вот и есть.

— Какой?

— Секрет. Подойдешь — узнаешь.

— Где взяли?

— В магазине.

— В каком?

— Не скажу, но купила специально для тебя. Отдать другому мальчику?

— Плевать. Хотите — отдавайте.

— Дело твое. Нужен тебе подарок — иди сюда, а не нужен — ну и ладно. — И с этими словами Элнер исчезла за дверью.

Лютер сел на бордюр возле дома Уилеров и стал ломать голову: что же все-таки на уме у старухи? В тот день он к Элнер не пошел, но спустя несколько дней она увидела из окна, как он слоняется взад-вперед, поднимая ботинками пыль. Интересно, скоро ли он решится? Еще дня через три, когда Элнер вышла за газетой, во дворе ее поджидал Лютер.

— Не отдали еще никому ваш чертов подарок?

— Может, и не отдала, а что?

— Да так, интересно.

— Не отдала, но будешь грубить — не получишь. А попросишь вежливо — отдам.

Вернувшись в дом, Элнер притаилась в ожидании. Минут через десять в дверь тихонько постучали, и Элнер едва удержалась от смеха. Она бессовестно подкупила восьмилетнего мальчугана и сделала это с умыслом, но плох тот взрослый, что не может обхитрить ребенка. Да и подарок она приготовила замечательный. Пару недель назад Элнер подсунула мальчику слабительную конфету, но тотчас же раскаялась и день за днем молила Бога о прощении.

Запустив бедняге Сонни камнем в голову, Лютер едва не убил его. Элнер страшно разозлилась и мечтала отомстить, но потом ей стало стыдно и захотелось загладить вину. Она преподнесла мальчику большого бумажного змея, купленного в спортивном магазине, и они вдвоем часами запускали его в полях у нее за домом. На вопрос Мэкки, почему она

выбрала змея, а не что-нибудь другое, Элнер ответила: «Видишь ли, Мэкки, парнишка вечно смотрел под ноги — пусть теперь глянет в небо!» С тех пор Лютер забегал к Элнер чуть не каждый день. До нее ни от кого не получал он подарков, ни от кого из близких не видел добра. Отец его пил не просыхая, ни на одной работе долго не задерживался и вечно попрекал мать Лютера, что если б не женился на ней беременной, то стал бы знаменитым гонщиком, как его кумир Джонсон-младший. Когда Лютеру было семь лет, мать его, устав от побоев, сбежала с первым встречным, а через полгода разбилась на машине. Стоит ли удивляться, что Лютер швырялся камнями в кого ни попадя.

И чем дальше, тем становилось хуже. Когда Лютеру было тринадцать, пьяный отец вышвырнул его из дома среди ночи. Лютер спрятался у Элнер; отец стал ломиться к ней в дверь, та погнала его прочь метлой. Наутро, сидя у Элнер за столом, Лютер в отчаянии жаловался:

— Никому я не нужен. Пойду домой, достану у отца ружье и отстрелю себе башку. К черту все, что с меня взять? Ничего у меня нет и никогда не будет.

Дав ему выговориться, Элнер сказала:

— Делай как знаешь, Лютер, только не ной, будто у тебя нет ничего, — это неправда.

— Что? Ни черта у меня нет.

— Вот ты и ошибся. У тебя есть то, чего нет ни у кого на свете.

— Папаша-ублюдок?

— Нет, дружок мой.

— А что же?

— Сейчас покажу. — Открыв ящик буфета, Элнер достала листок бумаги и штемпельную подушку. — Дай-ка руку, — велела она. И приложила большой палец Лютера к штемпельной подушке, а потом — к листку. — Взгляни: твой отпечаток пальца — один такой на свете. Другого такого никогда не было и не будет.

Лютер уставился на листок.

— И что?

— А вот что. Ты один на свете, и родился не зря. Я вот, к примеру, ни за что не стану себя убивать: мне интересно, что со мной будет дальше. И еще, — добавила Элнер, подливая Лютеру кофе, — не вздумай сегодня стреляться — сперва помоги мне достать с чердака елочные игрушки и украсить дом.

Лютер остался у Элнер на Рождество и частенько приходил к ней пожить, пока не закончил школу.

Он и школу вряд ли закончил бы, если б не Элнер, — отставал по всем предметам, кроме труда. Как-то раз Элнер спросила:

— Можно взглянуть на твои отметки?

Никому прежде не было дела до его отметок, и ради мисс Элнер ему захотелось подтянуться в учебе.

И пусть выше тройки с минусом Лютер оценок не получал, зато хотя бы перестал сбегать с занятий. На уроке труда он смастерил для мисс Элнер скворечник — не ахти, конечно, но мисс Элнер повесила его прямо перед домом, у всех на виду, и вся светилась, хвалясь подарком Лютера.

В школе Лютер был на два класса младше Линды Уоррен, внучатой племянницы Элнер. Линда — мало того что красавица с чистой кожей и белозубой улыбкой, так еще и круглая отличница, массовик-затейник, староста класса — встречалась только с парнями из футбольной команды. А Лютер — мало того что последний двоечник, так еще и с выбитым зубом, и самый прыщавый в школе (по крайней мере, так ему казалось). Согласно неписаной школьной табели о рангах, Линда и ее чистенькая, приличная компания вовсе не замечали бы Лютера, но он дружил с тетей Элнер, и Линда, встречая его в школьном коридоре, всегда улыбалась: «Привет, Лютер!» — на зависть всем его непутевым друзьям. Если с тобой здороваются в коридоре школьная знаменитость вроде Линды, в школу ходить не так противно. Лютеру даже стали назначать свидания девчонки из числа «серых мышек» — думали, что он родня Линде. Втайне он и сам стал считать себя ее родственником, а когда Дуэйн Вутен отпустил в ее адрес грязную шуточку, Лютер налетел на него с кулаками и разбил ему нос.

После школы Лютер ушел в армию, и Элнер первой увидела его в форме. Отслужив четыре года в танковых войсках и вернувшись в родной город, он сразу же отправился к Элнер, и та устроила для него праздничный завтрак. У Лютера не было настоящего дома, кроме дома мисс Элнер. Бог знает, что бы с ним случилось, если б не она. «Не увлекайся травой, дружок, — предостерегала его мисс Элнер. — Ты же не хочешь пойти по той же дорожке, что и твой отец? Вот и будь осторожней, обещаешь?» Лютера нужно было учить, направлять, подсказывать ему, как остаться человеком. Мисс Элнер помогала ему во всем. Она даже отвела его к доктору Уайзеру и заплатила за новый передний зуб.

На другом конце города, одновременно с Лютером Григзом, объявление по радио услышал мистер Бартон Сперри Сноу. Он ехал в Поплар-Спрингс, на встречу с одним из руководителей своей компании, чтобы обсудить, как перестроить весь округ. Услыхав имя Элнер Шимфизл, он задумался: не та ли это Элнер Шимфизл, с которой он познакомился много лет назад? Наверняка она: и город тот же, Элмвуд-Спрингс, да и много ли на свете женщин по имени Элнер Шимфизл? Такое имя сложно забыть, и сама она из тех, кого помнишь всю жизнь.

Во времена их знакомства Бартон Сноу, студент бизнес-школы, проводил опрос для электрической компании штата Миссури. Помнится, у Элнер Шимфизл, истинной деревенской жительницы, по всему двору бегали цыплята. Приняла она Бартонна как дорогого гостя и в дорогу сунула кусочек кекса и кулек инжира. Но особенно запомнилось ему, что миссис Шимфизл как никто другой уважала электричество, буквально преклонялась перед ним. По ее словам, больше всего в жизни она жалела о том, что не была знакома с Томасом Эдисоном. «Страшно подумать, что мы жили в одно время, а я так и не пожала ему руку, не сказала спасибо». На кухне у нее висел портрет Эдисона из журнала, и она сокрушалась, что день его рождения не празднует вся страна. «Как же так? Он ведь весь мир осветил! — говорила она. — Если б не старина Том, сидели бы мы в темноте, без ламп, без радио, без автоматических дверей в гаражах. Я его считаю волшебником номер два на всем белом свете — после Господа Бога, разумеется, — вот как я уважаю старину Тома». И пусть не было национального праздника в его честь, миссис Шимфизл каждый год отмечала день рождения Эдисона: включала все до единого электроприборы в доме и оставляла на целый день.

До чего интересная женщина! Они познакомились тридцать лет назад, общались меньше часа и с тех пор ни разу не виделись, но все же мистеру Сноу стало грустно, что она умерла. Ему недавно исполнилось пятьдесят, а значит, миссис Шимфизл дожила до глубокой старости — ведь уже тридцать лет назад она была далеко не молода. Мистера Сноу только что назначили вице-президентом Электрической компании штата Миссури, и сейчас, оглядываясь назад и вспоминая миссис Шимфизл, он задался вопросом: уж не ее ли пламенная любовь к электричеству побудила его связать с этой компанией жизнь? Кстати, именно ему пришлось в голову повесить в вестибюле портрет Эдисона. Быть может, миссис Шимфизл повлияла на него сильнее, чем он думал. Остается лишь верить, что если есть рай, то старушка повстречается наконец с Томасом Эдисоном. То-то обрадуется знакомству старина Том! Мистер Сноу достал телефон и

отправил факс секретарше: «Сегодня умерла миссис Элнер Шимфизл из Элмвуд-Спрингс. Уточните похоронное бюро. Отправьте цветы с запиской: „От старого друга“».

Нева берется за дело

11:38

Вернувшись домой, Тотт Вутен позвонила в похоронное бюро «Будьте покойны»; трубку взяла ее подруга Нева.

— Нева? Я хотела предупредить, что тебе скоро позвонит Норма Уоррен, — думаю, во второй половине дня. Мы только что узнали, Элнер Шимфизл умерла в больнице.

— Что ты говоришь! От чего?

— От осиных укусов.

— Какой ужас... бедная старушка!

— Полезла за инжиром, наткнулась на осиное гнездо и упала с лестницы. Когда подросли мы с Руби, она лежала без чувств. Медсестра в больнице сказала, что она так и не пришла в себя и даже не поняла, наверное, что случилось.

— Что ты говоришь! — повторила Нева. — Но раз уж суждено умереть, то лучше вот так... быстро.

— Да... раз уж суждено.

— Спасибо, что предупредила, Тотт. Пойду достану ее документы, хотя, если не ошибаюсь, они почти готовы — Норма обо всем позаботилась загодя.

— Еще бы, она молодчина, все старается предусмотреть. Надо бы и мне свои бумаги привести в порядок, а то все мрут как мухи, глядишь, и мой черед недалек. Представить страшно, что меня ждет, если похоронами займутся Дарлин и Дуэйн-младший.

Повесив трубку, Тотт задумалась о том, как ей будет не хватать соседки. Элнер всегда была веселая, довольная, — впрочем, немудрено, ведь у нее не было детей. Дети Тотт чуть ли не с пеленок приносили ей одни огорчения, а когда подросли, и подавно. Стоило в окрестности объявиться круглому дурачине, кто-нибудь из детей Тотт брал его в супруги и непременно заводил многочисленное потомство. Тотт умоляла своих детей больше не плодиться. «У Вутенов плохая наследственность, ни у кого ни на грош ума. Если я вышла замуж не за ровню, хоть вы-то не повторяйте моих глупостей», — твердила она без устали, да что толку. Дарлин в свои тридцать два успела родить пятерых, сменила больше мужей, чем Элизабет Тейлор, и ни один не раскошеливался на алименты. А сколько бегают вокруг

отпрысков Дуэйна-младшего, одному Богу ведомо. Тотт знает шестерых, причем мамыши у всех — врагу не пожелаешь. Непонятно, кем эти бедолаги вырастут. Если Дуэйн говорит об очередной подружке: «Мы с ней родственные души», жди беды. Тотт мечтала, что хоть кто-нибудь из ее детей выберет достойную пару и поднимется на ступеньку выше, но всякий раз надежды ее шли прахом. Вот и сейчас шестнадцатилетняя внучка Фэй-Доун беременна от сопляка, который на год ее моложе, с собачьей цепью на шее, с крашеными черными ногтями, с кольцом в носу и без подбородка. Почему дурак дурака видит издалека? — раздумывала Тотт. Каждый выбирает по себе? Слабое утешение. Тотт записалась в группу психологической поддержки и дважды в неделю ходила на встречи «Анонимных алкоголиков». И что дальше? — гадала она. Какие новые злоключения ждут впереди?

В прошлом году, когда Дуэйн-младший спросил, какой ей сделать подарок на Рождество, Тотт ответила: «Сделай себе вазектомию» — и даже денег на операцию дала, а Дуэйн потратил их на внедорожник. Тотт на него махнула рукой и взялась уговаривать Дарлин перевязать трубы, но та боится наркоза и не соглашается. Когда Линда Уоррен удочерила китаяночку, Норма пришла в салон красоты в футболке с портретом девочки и со словами: «Маленькое чудо зовет меня бабушкой». Видно, придется Тотт щеголять в майке с надписью: «Будущие бандиты и подонки общества зовут меня бабушкой». Она почти всех их и содержит. Тотт нырнула в постель, с головой под одеяло, и залилась слезами, оплакивая Элнер и себя заодно.

Сюрприз

11:59

Проводив Тотт, Руби осталась у Элнер отвечать на звонки. А чтобы чем-то занять руки, решила помочь Норме с грязным бельем. И на дне бельевой корзины ее ждал сюрприз.

Под грудой грязной одежды был спрятан здоровенный пистолет тридцать восьмого калибра — настоящее оружие для убийства. Руби застыла с охапкой белья в руках, гадая, зачем Элнер Шимфизл понадобилось огнестрельное оружие. Должна быть веская причина... с другой стороны, от людей всего можно ожидать, даже от самых близких, а уж от таких, как Элнер, особенно. В тихом омуте, как известно, черти водятся.

Неожиданное открытие поставило Руби перед сложным выбором. Как поступить? Поразмыслив с минуту и обдумав положение со всех сторон, Руби решилась. Эх, была не была! Соседи есть соседи, и окажись Руби на месте Элнер, она бы хотела, чтобы для нее сделали то же самое. Достав пистолет из корзины, Руби протерла его ночной сорочкой, чтобы не осталось отпечатков пальцев, завернула в наволочку, положила в бумажный пакет, найденный на кухне под раковиной, отнесла к себе домой и спрятала в кедровый сундук в прихожей. Норма и так хлебнула горя, не хватало ей наткнуться на заряженный пистолет в бельевой корзине у покойной тетушки.

Когда Руби вернулась к Элнер, чтобы все-таки взяться за белье, взгляд ее упал на ванночку для птиц. Надо будет не забывать менять воду. А кто теперь станет кормить по вечерам слепого енота мороженым и ванильными вафлями? — спохватилась она. И тут же вспомнила кое-что еще: каждый день Элнер угощала старого черного Лабрадора по кличке Бастер бутербродами с сыром. «Ладно уж, бутерброды-то я буду делать, — подумала Руби, — а енота тогда пусть Мерл кормит: вдруг он кусается?» Элнер все было нипочем, у нее белки разгуливали по кухне, скакали по столу с едой. Руби, как подруга и медик, предостерегала ее: «Элнер, белки — это большие хвостатые крысы, они разносят заразу!» Но Элнер никакие микробы не брали. Если подумать, рассуждала Руби, она ведь ни дня в жизни не болела, пока ее осы не погубили.

Причина смерти

10:55

Норма, за которой ухаживали медсестры, уже оторвала голову от подушки, села на кровати и могла говорить, но до конца не пришла в себя. Она повторяла снова и снова: «Я знала, что этого не миновать, но все равно не верится». Заглянул дежурный священник — плохо подстриженный баптист в буром синтетическом костюме — и оставил визитку вкупе с соболезнованиями. Немного спустя зашел Мэкки, он только что говорил с Линдой.

Норма встрепелась:

— Дозвонился?

Мэкки кивнул:

— Она приедет, обещала поторопиться.

— Сильно расстроилась?

— Конечно. Но еще сильнее тревожится за тебя и просила передать, что тебя любит.

Вернулся доктор с историей болезни, сел рядом с Нормой и Мэкки и продолжал рассказывать. По их подсчетам, миссис Шимфизл укусили около двадцати ос, и от анафилактического шока у нее сразу остановилось сердце; от падения с высоты она могла получить еще и травму мозга, но не смертельную, поэтому в графе «Причина смерти» написали: «Тяжелый анафилактический шок, остановка сердца».

— Она очень страдала? — спросила со слезами Норма.

— Нет, миссис Уоррен. Скорее всего, она даже не успела ничего осознать.

Норма запричитала:

— Бедная тетя Элнер, она всегда мечтала умереть дома, — но не во дворе же, не такой смертью и не в этом кошмарном старом халате...

Мэкки обнял жену за плечи, пока она сморкалась.

Доктор продолжал:

— Миссис Уоррен, официальное заключение о смерти имеется, но, если оно вас не устраивает, можем сделать вскрытие.

Норма взглянула на Мэкки:

— Вскрытие нужно, как по-твоему? Может, на всякий случай?..

Мэкки, хорошо представляя, что значит вскрытие, отозвался:

— Норма, дело твое, но, по-моему, не стоит. Ничего ведь не изменишь.

— Я просто хочу все сделать правильно. Давай хотя бы подождем Линду. — Норма перевела взгляд на доктора: — Можно нам дожидаться приезда дочери?

— Когда она приедет?

— Через пару часов или даже быстрее, верно, Мэки?

Доктор посмотрел на часы:

— Хорошо, миссис Уоррен, подождем. А пока, если вы и мистер Уоррен хотите на нее взглянуть, я вас отведу.

Норма тут же отозвалась:

— Нет, я лучше дождусь Линду.

Доктор кивнул:

— Как вам удобно. Если все-таки решите пойти, скажите медсестре.

Мэки, который до сих пор в основном помалкивал, попросил:

— Доктор, я хотел бы на нее посмотреть, вы разрешите?

— Конечно, мистер Уоррен, я вас провожу.

Мэки поймал взгляд Нормы.

— Не возражаешь, родная?

— Иди, Мэки. Я сейчас не могу.

Медсестра пообещала:

— Я побуду с ней, мистер Уоррен.

На самом деле Мэки боялся увидеть тетю Элнер мертвой. Он хотел навсегда запомнить ее живой, но при мысли, что она лежит где-то одна-одинешенька, он совсем расстроился. Когда они шли по коридору, доктор сказал:

— Ваша жена в таком горе — похоже, они были очень близки.

— Да, очень, — подтвердил Мэки.

Доктор окликнул проходившего мимо санитаря:

— Эй, Бернси! Ты мне должен десять баксов! Я ж говорил, что «Кардз» выиграют!

Он вел себя как ни в чем не бывало. Мэки захотелось схватить его за шиворот и встряхнуть из него всю душу, да что толку, тетю Элнер все равно не вернешь. Мэки молча шагнул дальше.

Печальные хлопоты

11:48

В похоронном бюро Нева, закончив разговор с Тотт, взяла из служебной комнаты папку «Элнер Шимфизл» и заглянула в соседний кабинет, где ее муж Арвис доделывал шиньон для Эрнеста Кунитца, которого недавно привезли.

— Милый, звонила Тотт. Сегодня вечером или завтра с утра привезут Элнер Шимфизл, ее до смерти закусали осы.

Арвис оторвался от работы.

— Хм. Два покойника за одни сутки. Для апреля недурно.

Арвис прав, в апреле обычно затишье, но Неву всегда злили подобные шуточки мужа. Пусть они работают в ритуальных услугах, но сердце-то у нее не камень, а Арвис в последнее время печется об одних лишь цифрах. Если бы на город обрушилась чума и унесла сто жизней, он, пожалуй, в пляс пустился бы. Не приходится отрицать, что для них каждая смерть — деньги, и все же так грустно, когда уходят старики... Но Уоррены — их постоянные клиенты, а работа есть работа. Нева и Арвис хоронили всех покойных Уорренов — родителей Нормы и Мэкки, бесчисленных дядюшек-тетушек и нескольких дальних родственников. Нехорошо, конечно, иметь любимчиков, однако Нева питает слабость к Уорренам. Эта семья хранит верность их фирме вот уже много лет, и об их покойниках Нева заботится, как о своих.

Нева предана не только семейству Уорренов, но и своему делу. Времена изменились. У «Будьте покойны» в городе появились конкуренты. К примеру, «Костко», что возле автомагистрали, сбывает уцененные гробы. Заказчиков поубавилось и после переезда в здание, где раньше был рыбный ресторан: люди не могут смотреть на тела близких там, где недавно ели сома с жареной картошкой, и обращаются в новое похоронное бюро. Вполне приличное, работают они быстро и без сантиментов. Нева не из тех, кто чернит конкурентов, но их с Арвисом фирма — семейный бизнес с давней историей, они предоставляют полный набор услуг, что крайне важно. Нева и Арвис заботятся о клиентах от начала до конца: обряжают покойника, организуют доступ к телу, заказывают цветы, предлагают бесплатные книги соболезнований, предоставляют священника, сопрано и органиста в любое время суток. У них широкий выбор гробов и урн по

доступным ценам, а для супружеских пар — пакет ритуальных услуг «два в одном». Приезжим родственникам и друзьям — номера в местной гостинице со скидкой десять процентов, бесплатный легкий завтрак в день погребения, а после похорон — вино и сыр в холле гостиницы. Нева и Арвис даже обеспечивают автобусы на кладбище и обратно и помогают выбрать, измерить и установить памятник. Чего еще желать? — думает Нева. Не считая, разумеется, того, чтобы близкие люди вовсе не умирали. Словом, они с мужем делают все, что только можно. И реклама их в телефонном справочнике, над которой Нева трудилась не одну неделю, в полной мере отражает ее чувства.

ПОХОРОННОЕ БЮРО «БУДЬТЕ ПОКОЙНЫ»

*Обращайтесь к нам в трудную минуту
И будьте покойны:
Мы обслужим по высшему разряду,
Потому что заботимся о вас.*

В ее кабинете вновь зазвонил телефон. Звонила Вербена Уилер, жена Мерла, из химчистки в соседнем квартале.

- Нева, ты слышала?
- Да, Тотт только что звонила. Я как раз достала документы.
- Правда, ужас?
- Кошмар!
- Такая милая женщина...
- Да.
- Просто не верится!
- В голове не укладывается.
- Руби говорит, что она, скорее всего, ничего не почувствовала.
- И Тотт так сказала. По крайней мере, она не мучилась.
- Верно.
- Все-таки утешение.
- Вот что, договорюсь-ка я насчет цветов, пока вам заказы не посыпались.
- Думаю, стоит. — Нева достала блокнот для заказа цветов. — Что хочешь послать?

— Как всегда.

Нева записала: «Азалия среднего размера в глиняном горшке».

Вербена каждый раз заказывала не букет, а цветок в горшке: пригодится и на выносе тела, и на погребении, а потом и на могиле можно посадить. Надо давать людям возможность выбора. (Она и на работе следовала этому правилу: «Вам крахмалить или нет? Завернуть или повесить на вешалку?»)

— Слова те же? — уточнила Нева. — «С глубокой скорбью, Мерл и Вербена»?

— Пожалуй. Ничего другого в голову не приходит, а тебе?

— По-моему, лучше и не скажешь.

— Норма будет очень горевать.

— Это точно.

— Всех тяжело терять — даже старых и больных. Помню, какое было горе, когда мы похоронили матушку Дитти, а следом, в том же году, бедного папашу Дитти.

— Да уж...

— А через год не стало и тетушки Дотти Дитти, помнишь?

— Помню, — отозвалась Нева.

— За год с небольшим мы потеряли всех троих Дитти, и ни дня не проходит, чтобы я о них не грустила.

— Понимаю.

— Когда можно с ней проститься?

— Норма пока не звонила, неизвестно, когда привезут тело. То ли уже сегодня вечером, то ли завтра.

Вербена вздохнула:

— Ладно, до встречи... Так не хочется снова доставать траурное платье, да уж такова жизнь.

Нева положила трубку. Как же ей не помнить тетку Вербены, Дотти Дитти? В свое время фирма «Будьте покойны» с ней изрядно помучилась, по сей день расхлебывают. Тетушка Дотти Дитти весила сто тридцать четыре килограмма. Мало того что пришлось заказывать большущий гроб, так, когда ее поднимали, Арвис заработал осложненную грыжу и смещение позвоночного диска — поясница болит до сих пор. Не все знают, что ритуальные услуги — тоже дело опасное, как и любая работа, где приходится поднимать тяжести.

Открыв папку Элнер Шимфизл, Нева прочла, что для нее когда-то был заказан гроб «Ландыш», но в 1987 году заказ был отменен, поскольку Элнер захотела, чтобы ее кремировали. Нева поморщилась. Не оттого, что

сорвалась продажа дорогущего гроба, а просто из-за кремации опять поднимут шум — особенно пожилые баптисты и методисты. Если нет тела, они всякий раз недовольны, а то и вовсе начинают буйствовать. Иногда даже требуют вернуть деньги за цветы. Нева вспомнила слова Элнер, что кремацию она выбирает не из-за дешевизны, а чтобы сгореть, как факел, — это куда веселей, чем бальзамирование.

Нева углубилась в папку, чтобы освежить в памяти подробности.

Служба: методистская

Священник: преподобный Уильям Дженкинс

Гимн: «Всей душой стремлюсь на небо»

Интерлюдия: «Выше звезд»

Закрыв папку, Нева, сопрано и органистка на круглосуточном дежурстве, собралась в часовню, немного порепетировать. Старые церковные гимны вышли из моды, людям подавай совсем другую траурную музыку. Месяц назад кто-то заказал «Долететь до луны».

Нева прошла через коридор и покойницкую в часовню и села за маленький орган. Нашла в стопке нот «Всей душой стремлюсь на небо» — гимн, который прославили Минни Оутмен и семья Оутмен, чьи лица смотрели с обложки нот. Нева сняла кольца, размяла пальцы и, взяв три вступительных аккорда, запела тоненьким, слабым голоском:

Всей душой стремлюсь на небо,
Там я счастье обрету
И по лестнице хрустальной
Я к Спасителю взойду.

Стоит мне Его увидеть,
Как Его узнаю я.
Нет ни тягот, ни лишений
В тех заоблачных краях.

Прокричу я: «Аллилуйя!»
Сброшу груз земных забот.
На своем небесном троне,
Знаю я, меня Он ждет.

Хорошие слова, подумала Нева. И очень к месту. Если уж кому суждено попасть в рай, так это Элнер Шимфизл. Всему городу дарила она радость, всегда улыбалась. Слезы навернулись на глаза Невы, она достала платочек. Годы работы в похоронном бюро не сделали ее черствой. О ком-то из ушедших она скорбела больше, о ком-то меньше, но, как было сказано в рекламе, она заботилась обо всех своих клиентах, живых и мертвых.

Мэкки прощается с Элнер

11:15

За двойными дверями доктор поручил молоденькой медсестре проводить Мэкки к тете Элнер. Шагая вдоль больничного коридора, Мэкки чувствовал себя так, будто получил хороший удар под дых. При Норме он старался держать себя в руках, но в душе скорбел не меньше жены. Вот уже сорок лет, и в зной и в стужу, каждый день по пути на работу он заворачивал к тете Элнер на чашечку кофе. Даже во Флориду она переехала с ними вместе. Что ни говори, тетя Элнер была его самым близким другом, не раз выручала в трудные времена, знала о нем такое, о чем Норма ведать не ведала (и, будем надеяться, не узнает никогда).

Был у Мэкки с тетей Элнер один секрет. Случилось это не по вине Мэкки. Хорошенькая брюнетка с хвостиком на затылке, Лу Татум, работала официанткой в кафе «Тип-Топ» в центре города, напротив магазина скобяных товаров. Линда тогда вышла замуж, Норме было одиноко в опустевшем гнезде, и она с головой окунулась в общественную работу («чтобы не свихнуться окончательно»). Бегала с одного собрания на другое, и Мэкки ее почти не видел. А Лу всегда светила от радости, когда он приходил на обед, смеялась его шуткам, и это льстило его самолюбию.

Лу была моложе его лет на пятнадцать, с мужем разошлась, жила с маленькой дочкой и нередко просила что-нибудь починить в ее съемной квартирке. Мэкки охотно соглашался: он помогал многим знакомым и считал, что они с Лу — просто друзья. А Лу однажды вся в слезах прибежала к нему в магазин со словами: «Мэкки, я от тебя без ума! Что мне делать?!» Признание застало Мэкки врасплох. С самого дня свадьбы он ни разу не взглянул на другую женщину и вовсе не помышлял об измене. Может быть, пришло время. Пусть он в этом и не признавался, ему тоже было одиноко без Линды, а Норма вся ушла в новые занятия. Мэкки никак не мог избавиться от мыслей о Лу и понял, что его тоже тянет к ней. Дальше раздумий дело не пошло, однако думал Мэкки о ней денно и ночью, и чем дальше, тем сильнее завладевала им мечта вернуть молодость, убежать с Лу на край света и начать жизнь сначала.

Мэкки не мог понять, любовь говорит в нем или самолюбие, стоит ему рисковать или нет. Элнер, почуяв недоброе, спросила, что его гнетет. Элнер умела слушать, и Мэкки частенько доверял ей тайны, но на сей раз случай

был особенный. Как-никак Норма — ее племянница, неловко обсуждать с Элнер такое, но Элнер читала мысли Мэкки как открытую книгу, таиться от нее не было смысла, и Мэкки все-таки рассказал, что у него на сердце, и признался, что всерьез подумывает о разводе. Выслушав его, тетя Элнер чуть поразмыслила и сказала: «Мэкки, мне очень тяжело. Я вас обоих люблю как родных детей, и мне больно будет, если вы расстанетесь, но главное — чтобы вы оба были счастливы. Не стану, дружок, тебе указывать, только прошу: подумай хорошенько, прежде чем решишь уходить. Если с этой девочкой почему-то не сложится, прежней жизни ты не вернешь. Норма, думаю, простит, но доверять тебе, как раньше, уже не сможет. Былое доверие назад не воротишь!»

Элнер его не удерживала, не умоляла остаться, однако, вернувшись в тот вечер домой, Мэкки как следует все обдумал. Благодаря Элнер он понял: хоть и велик соблазн начать все заново, он не готов перечеркнуть годы, прожитые с Нормой, причинить горе Линде и, может статься, разрушить им жизнь. И жизнь Лу тоже. Когда он рассказал Элнер о своем решении, та улыбнулась: «Я так рада, Мэкки! Что бы я делала без такого дружка, как ты?» Больше они к этому разговору не возвращались.

Норма ни о чем не догадывалась, однако Мэкки именно из-за Лу продал магазин скобяных товаров и потащил семью во Флориду — подальше от Лу, которую не мог забыть. Даже когда она вышла замуж и уехала из штата, жгучая боль пронзала Мэкки, стоило ему вспомнить ее лицо или уловить в толпе запах тех же духов. Но, как поется в песне, «время лечит все раны». Время и расстояние заглушили боль, изгладили память о Лу, и Мэкки почти перестал о ней думать.

Тетя Элнер не только сохранила его семью — если бы не она, Мэкки и Норма просто-напросто не поженились бы. Обоим было по восемнадцать, и они любили друг друга без памяти, но мать Нормы, Ида, и слышать ни о чем не хотела. «Замуж за Мэкки? Только через мой труп!» Сын жестянщика — не лучшая партия для ее единственной дочери. Уже было решено через неделю отправить Норму в колледж, а после телефонного разговора со старшей сестрой Ида вдруг смягчилась и дала согласие на их брак. Никто так и не узнал, что сказала Элнер, но в итоге Мэкки женился на Норме и не мыслил жизни без нее, дочери Линды и внучки Эппл. Он представлял, как тяжело ему будет без тети Элнер. Он тосковал по ней уже сейчас и знал, что вместе с нею уходит безвозвратно и вся его прежняя жизнь.

Молоденькая медсестра провела Мэкки в конец коридора, бесшумно открыла дверь палаты, зажгла свет, и Мэкки увидел тетю Элнер, все в том же старом коричневом халате, который Норма терпеть не могла. Мэкки

подошел ближе, опустился на стул возле кровати, взял тетю Элнер за руку. Кто-то пригладил ей волосы, убрал со лба седую прядь, и лежала она так безмятежно, будто просто уснула.

— Побудьте здесь сколько захочется, мистер Уоррен, — шепнула медсестра. — А если понадобится — я рядом, в коридоре.

Медсестра вышла, прикрыв дверь, а Мэкки, не выпуская руки тети Элнер, упал головой на кровать и зарыдал, как ребенок. «Куда она ушла? — думал он. — Где теперь эта чудесная женщина?»

Куда она ушла

Когда Ида распахнула двери в конце коридора, глазам Элнер предстало дивное, ослепительное зрелище, и от восторга у нее перехватило дыхание. Сверкающая хрустальная лестница вела прямо в небеса, к большой круглой луне.

Элнер повернулась к Иде со слезами на глазах:

— Я и вообразить не могла такой красоты!

— Так и думала, что тебе понравится, — отозвалась Ида.

Уже на лестнице Элнер заметила в руках у сестры сумочку. «Только Иде придет в голову взять с собой в рай сумочку», — подумала она и от души расхохоталась.

Ида спросила:

— Что смеешься?

— Да так, — увильнула от ответа Элнер. — Вспомнилось кое-что.

Сумочку в гроб матери положила Норма, поскольку Ида считала, что показаться на людях без сумочки — для женщины все равно что выйти из дому голышом. Элнер чуть было не рассказала сестре, что сумочкой она обязана Норме, но вовремя одумалась: стоит заговорить про похороны — Ида тут же опять припомнит Тотт Вутен.

Пока сестры шли по лестнице, небо вдруг стало темнеть, окрасилось полночной синевой; всюду: и над головой, и даже под ногами — замерцали крохотные звездочки. Элнер обомлела от восторга. Она всегда мечтала прогуляться по небу, среди звезд, — и вот мечта сбылась.

Элнер и Ида поднимались все выше, и луна у них над головами будто выросла, окрасилась теплой желтизной и золотом, засияла во тьме, как мириады светлячков. Долгий подъем оказался на удивление легким, и Элнер заметила:

— Я-то думала, что устану карабкаться, а на деле ничуть не запыхалась.

Луна тем временем вновь сменила цвет, из золотой сделалась ослепительно белой, а как только Элнер и Ида взошли на верхнюю ступеньку, на их глазах луна превратилась в гигантскую круглую перламутровую пуговицу.

— Ну и ну! — изумилась Элнер, и в эту самую минуту в центре пуговицы открылась арка. Элнер с Идой шагнули внутрь.

Вновь ярко засияло солнце, и стало светло как днем. Элнер застыла на

миг, глядя вокруг: так вот каков рай! Ни белых облаков, ни порхающих ангелов, но тоже красиво. Похоже на ботанический сад в Канзас-Сити, куда ее не раз водила Ида. Трава сочная, зеленая, повсюду цветы.

— Ну как? — поинтересовалась Ида.

— Чудесно! — улыбнулась Элнер. Подняв глаза, она отметила, что небо здесь не привычно голубое, а переливается всеми цветами радуги. Элнер протянула руку, и цветные блики — розовые, голубые, нежно-зеленые — заиграли на ее ладони. — Будто идешь по радуге, правда, Ида? Помнишь письмо той женщины на радио, в программу Соседки Дороти, о том, как она оказалась внутри радуги?.. Вот и мне выпало такое счастье.

Они продолжили путь, и вдруг Элнер вспомнила кое-что еще:

— Послушай-ка, Ида... А мне теперь откроются все тайны бытия? Ведь недаром говорят, что после смерти будешь знать все?

— Ничего не могу тебе сказать, Элнер, я всего лишь твоя провожатая. Что тебе положено, узнаешь сама.

— Мне не терпится узнать, как мир устроен! Умираю от любопытства! Может, хотя бы намекнешь?

— Извини, — вздохнула Ида. — Не могу.

— Ладно, раз уж тайны и откровения под запретом, расскажи хотя бы, как выглядит Бог.

Ида молча шагала дальше.

Элнер с трудом поспевала за ней.

— Скажи мне тогда вот что: он и в жизни такой, как на картинках? Я не испугаюсь, когда его увижу?

Ида не ответила, лишь отрицательно покачала головой: бояться, мол, нечего.

— Честно признаюсь, Ида, страшновато мне. Ему есть за что на меня злиться. Кое о чем я точно жалею: зачем я подсунула маленькому Лютеру Григзу слабительную конфету? Должно быть, вообще себя не помнила. Могу я сослаться на временное помрачение ума? Как по-твоему?

— По-моему, тебя ждет самый главный в жизни сюрприз.

— Хм... — призадумалась Элнер. — Что за сюрприз — большой или маленький? Приятный или не очень?

— Одно только скажу (а дальше — молчок): сюрприз тебя ждет очень приятный.

У Элнер чуть-чуть отлегло от сердца.

— Это хорошо, — произнесла она вслух, а про себя подумала: «Если он о конфете не вспомнит, я и не заикнусь». Не успели они сделать и нескольких шагов, как Элнер опять принялась выпытывать: — Можно ему

задавать вопросы или надо стоять по стойке «смирно» и слушать?

Молчание.

— Надо сделать реверанс? Или опуститься на колени? Или... что? — Элнер хотела все сделать правильно, но от Иды толку было мало. — Ну скажи хоть, будет он на меня сердиться, как по-твоему?

Ида, верная слову, упорно не желала больше ничего говорить, и Элнер это злило до крайности. «Знает ведь все, — думала Элнер. — Знает — и молчит. Как всегда».

Пока сестры не спеша шли по тропинке, Элнер вспомнила кое о чем еще.

— А куда запропастилась наша семейная Библия, Ида? В последний раз я ее видела у Герты, а после твоей смерти она подевалась куда-то.

— Я ее закопала.

— Где?

— Не помню.

— Зачем?

— Думала, так лучше.

— Почему?

— Потому, Элнер, что в ней записаны наши семейные тайны, и их не должен знать кто попало. Надеюсь, ты тоже не хочешь, чтоб чужие совали нос в наши дела? А почему ты спросила?

— Хотелось бы знать точно, сколько мне лет. Под девяносто?

— Фу, Элнер, — скорчила гримаску Ида. — Я о годах никогда не задумывалась. Велика важность — возраст! Человеку столько лет, на сколько он себя чувствует.

Элнер не сомневалась, что сестра что-то скрывает. «Ей-богу, — кипела про себя Элнер, — прекрасно она помнит, где зарыла Библию и сколько лет им обеим. И вообще — если она умерла в пятьдесят девять, то коровы летают, а после смерти продолжать молодиться — глупость несусветная».

Тропинка вилась дальше. По пути Ида вспомнила об их средней сестре Герте. В день ее похорон было очень морозно, хмуро. Ида укуталась в толстую меховую шубу, и ей ничего не стоило спрятать увесистую Библию за пазуху и вынести из дома. Сжечь Священное Писание, бросить в реку, вырвать злополучные страницы или совершить иное богохульство у нее не хватило духу, и Ида припрятала Библию до весны, а когда потеплело, обернула куском фланели, положила в большую пластмассовую коробку и зарыла в цветнике. Без малейшего зазрения совести. Ида всю жизнь врала о своем возрасте — почему бы и не продолжить? К тому же убавить себе годик-другой — и не ложь вовсе, без этого не прожить на свете.

Знай Дженкинсы, что их сын Герберт надумал жениться на женщине восемью годами старше, они бы воспротивились браку. Иде с трудом удалось отхватить приличного жениха. Отец Герберта владел несколькими банками в разных концах штата и был местной знаменитостью. Герберт звезд с неба не хватал, но для Иды он был последней надеждой выбиться в люди, она уцепилась за эту возможность и всю пользовалась своим положением, став женой главы банка. Пусть банк малюсенький, в захолустном городишке Элмвуд-Спрингс, но Иду так и распирало от гордости. Однако постоянное притворство давалось ей нелегко. Однажды Ида чуть не попалась: какая-то завистница подбросила Герберту ее школьный дневник. Не моргнув глазом, Ида насочиняла, что это чужой: была, мол, еще одна Ида Мэй Шимфизл, дальняя родственница, которая давным-давно уехала. И простодушный Герберт принял все за чистую монету.

А Норма, после стольких усилий матери, возьми да и выскочи замуж за сына Уорренов, которому ничего в жизни не светило, кроме работы в отцовском магазинчике скобяных товаров. Ида была безутешна. Даже когда Норма рассказала матери, как хорошо ей с Мэкки, та не смогла понять дочь. «Хорошо? Коровам тоже вроде хорошо, а что их ждет в конце?»

Вербена рассказывает Кэти

Вербена звонила в редакцию газеты раз сто, но телефон был наглухо занят. Она аж покраснела от досады, что не может дозвониться до Кэти. Не в силах больше ждать, Вербена повесила на дверь химчистки табличку «Перерыв 5 минут» и вышла на улицу. Когда она открыла дверь редакции «Курьера Элмвуд-Спрингс», Кэти, естественно, висела на телефоне. Завидев Вербену, прикрыла рукой трубку, сказала: «Минутку» — и знаком предложила садиться. Кэти заканчивала еженедельное интервью с председателем школьного совета и выводывала свежие новости о давнем споре — включать ли в школьную программу теорию божественного творения наряду с учением Дарвина. Увидев Вербену, она решила, что та пришла защищать учение о сотворении мира, и приготовилась выслушать часовой монолог. Но Вербена, против ожиданий, взяла со стола листок бумаги, написала на нем крупными черными буквами: «Элнер умерла!» — и, положив листок у Кэти перед носом, постучала по нему пальцем. Кэти ахнула:

— Как? Неужели?!

Вербена кивнула.

— Пит, — сказала Кэти, — я только что узнала о смерти Элнер Шимфизл. Перезвоню вам чуть позже. — Она повесила трубку. — От чего?

— Не знаю. Руби сообщили из больницы, я тут же кинулась звонить вам, но все время было занято. Надо бы вам поставить «ожидание вызова».

— Согласна, давно пора... Печальная новость!

— Горе-то какое, правда? У меня сердце разрывается, и Мерл сам не свой, как нам жить без Элнер?

— Ужасно, ужасно.

— Мне пора возвращаться. Я выскочила из химчистки, чтобы с вами поделиться.

— Спасибо, что сказали, Вербена.

Как только Вербена скрылась за дверью, Кэти сняла трубку и положила на стол. Сейчас не до разговоров. Элнер Шимфизл больше нет. Кто бы мог подумать, что она не переживет пары осиных укусов да падения с небольшой высоты! Кэти качала головой и сама себе удивлялась: журналистка, каждый день пишет о жизни и смерти — и все равно смерть остается для нее тайной за семью печатями. «Нынче жив, завтра нет, ваша шляпа, не спешите, осторожней закрывайте дверь». Жил-был человек

много лет, соприкасался со многими людьми, а осталась лишь фотокарточка да пара строк в газете, газету выбросят — и конец.

За свою жизнь Кэти написала не одну сотню некрологов — буквально вчера закончила объявление о смерти Эрнеста Кунитца, — однако некролог Элнер будет не из легких. Пусть газета у них провинциальная, но над некрологами Кэти всегда думала подолгу, стараясь чем-то разнообразить сухие факты. В конце концов, не так уж часто большинство законопослушных граждан видят в газетах свои имена. К тому же некролог должен запомниться близким покойного — пусть прочтут, сохраняют и гордятся. Словом, об Элнер Кэти решила написать с душой. Достав из ящичка листок бумаги, она пробежала глазами список готовых фраз.

Умер.
Скоропостижно скончался.
Уснул вечным сном.
Навеки покинул нас.
Ушел в мир иной.
Встретился с Создателем.
Отправился на небеса.
Спаситель принял в объятия.
Ушел из жизни.
Оставил сей мир.
Вкушает райское блаженство.

Поморщившись, Кэти сунула список обратно. Не к месту сейчас эти казенные шаблоны. Надо писать от души.

Вчера скончалась одна из старейших жительниц Элмвуд-Спрингс. Миссис Элнер Джейн Шимфизл умерла вчера в больнице Каравэй в Канзас-Сити.

Эта жизнерадостная женщина любила церковную музыку, посиделки с соседями, кормила птиц, варила инжирное варенье и прятала во дворе пасхальные яйца для соседской детворы.

Миссис Шимфизл пережила мужа, Уилла Шимфизла, и сестер, Иду Дженкинс и Гертю Нордстрем. После нее остались племянница Норма Уоррен из Элмвуд-Спрингс, внучатые племянницы Дина Нордстрем-О'Мэлли из Пало-Альто, штат Калифорния, и Линда Уоррен, живущая сейчас в Сент-Луисе с пятилетней дочкой Эннл, а также горячо любимый кот Сонни. Всем, кто знал миссис Шимфизл, будет очень ее не хватать.

По просьбе близких покойной все добровольные пожертвования будут переданы Обществу защиты животных.

Кэти убрала черновик в стопку бумаг на письменном столе: перед публикацией надо будет добавить подробности о похоронах. Затем поднялась из-за стола, нашла в папке с фотографиями два снимка Элнер. Один сделан шестнадцать лет назад: миссис Шимфизл держит на руках рыжего кота — того, шестипалого. Элнер на снимке так и сияет от гордости. Коту тогда исполнилось двадцать пять лет, и она праздновала его день рождения. С минуту Кэти не сводила глаз с радостного лица на фотографии, потом достала чековую книжку и выписала чек в пользу Общества защиты животных: это самое малое, что можно сделать в память об Элнер. Откинувшись на спинку кресла, Кэти задумалась о том, как сложилась бы ее жизнь, если б не Элнер. Дорога в университет была бы для нее закрыта. Кэти, как одной из лучших учениц школы, предложили стипендию, но ее родителям нечем было платить за комнату и стол. Она поделилась горем с миссис Шимфизл. На другой день, когда Кэти шла мимо дома Элнер, та окликнула ее:

— Эй, Кэти, поди сюда на минутку!

Кэти поднялась на крыльцо, и миссис Шимфизл протянула ей голубой конверт с ее именем. Кэти не поверила глазам, увидев внутри десять стодолларовых бумажек.

— Я не могу их взять, миссис Шимфизл.

— Не глупи, это всего лишь немного денег на будущее, да и мне приятно, что я помогаю кому-то получить хорошее образование. Чем больше на свете умных людей, тем лучше.

Долг Кэти, конечно, вернула, но ей всегда хотелось отплатить добром за добро, сделать для Элнер что-нибудь хорошее, а теперь уже поздно — Элнер больше нет.

Прогулка в небесах

Ида и Элнер шли и шли, кругом не было ни души, лишь чириканье птиц нарушало тишину.

Элнер поинтересовалась, куда они все-таки держат путь.

— Скоро увидишь, — ответила Ида.

Откуда ни возьмись возникли две зебры в красную полосу; похожие на карамельки, с блестящими серебряными гривами и хвостами, они процокали мимо, а следом просеменило стадо крошечных ярко-желтых бегемотиков с кошку ростом.

— Совсем другое дело! — оживилась Элнер. — Такое не каждый день увидишь.

— Здесь — каждый, — возразила Ида.

Чуть погодя Элнер спросила:

— Мы уже пришли?

Ида не ответила.

— Далеко еще?

— Терпение, Элнер. Когда придем — тогда и придем.

— Ладно. Я так, ради интереса спросила...

Через несколько минут они повернули, и Элнер, покрутив головой, вдруг сообразила: да это же Первая Северная авеню! Чуть поодаль она увидела дом Гуднайтов, и сомнений не осталось — это ее родная улица. Родная, да не совсем. Посреди асфальта тянулись трамвайные рельсы, а в Элмвуд-Спрингс давным-давно нет трамваев; мало того, два ряда вязов, срубленных еще в пятидесятых, вновь на месте. Дом Руби почти такой же, как сейчас, зато фиговое дерево во дворе у Элнер всего с метр высотой. Элнер удивилась:

— Не знаю, Ида, как нас сюда занесло, но мы попали в прошлое. Перенеслись на полвека назад.

— Не меньше, — подтвердила Ида, мельком глянув на деревья, и зашагала дальше.

Элнер, конечно, невдомек, почему она снова очутилась дома, но перенестись в прошлое она была совсем не прочь. Кругом тишь да благодать! Никаких новостроек, а за небольшими домиками простираются кукурузные поля. С ветки на ветку скачут толстые, сытые белки, ярко-рыжие и почему-то в белую крапинку.

— Глянь, Ида! Вот бы сюда Сонни — уж он бы с ними порезвился!

Постой-ка... — сообразила Элнер, — нас забросило на полвека назад — значит, Сонни еще и не родился, так ведь? А почему мы попали в прошлое? Я тоже помолодею?

— Терпение, — повторила Ида.

Ида проводила Элнер до конца улицы. Там, где сейчас вьетнамская семья держит базарчик, вновь стоял на прежнем месте старый дом Смитов, точь-в-точь такой же, как в былые времена, — с бело-зелеными полосатыми навесами и высокой, помаргивающей красным огоньком радиомачтой на заднем дворе. Ида остановилась напротив дома.

— Вот мы и пришли!

Элнер удивилась:

— Нам сюда?! В старый дом Соседки Дороти?

— Сюда, сюда. Пойдем.

— С удовольствием! — Элнер пустилась по дорожке следом за сестрой.

Такой поворот событий ее обрадовал. Как приятно вновь увидеть старый дом! Много лет подряд Дороти Смит передавала отсюда любимую радиопрограмму Элнер. Передачу «У Соседки Дороти» она вела из собственной гостиной. Элнер не пропустила ни одного выпуска за все тридцать восемь лет, что программа выходила в эфир. Дороти раздавала рецепты и советы хозяйкам, даже пристраивала бездомных кошек и собак. Услышав по радио, что рыжему котенку нужен дом, Элнер уговорила своего мужа Уилла отвезти ее в город за четвероногим дружкой. А потом назвала котенка Сонни, в честь позывного передачи: «Просыпайтесь, сони!» Элнер до сих пор помнила и песенку, и голос диктора, возвещавший начало программы по утрам: «А сейчас из белого домика за углом вас приветствует женщина с теплым голосом, моя и ваша соседка... Дороти!»

Ида провела Элнер по ступенькам на крыльцо, где все было по-прежнему: слева — качели, справа — еще одни, а на окошке возле двери — черные с золотом буквы: «Радио WDOT на волне 66». Ида открыла парадную дверь с проволочной сеткой, пропустила Элнер вперед, бросила коротко: «Удачи!» — и заспешила прочь.

— Постой! — крикнула Элнер. — Ты куда? Мы увидимся еще?

Но Ида, махнув сестре на прощанье, исчезла за углом.

Элнер немного струсилa, что ее оставили одну. Кто знает, какие сюрпризы ждут впереди? Открыв дверь и осторожно заглянув внутрь, она уловила прежний, давно знакомый аромат: в доме Соседки Дороти всегда пахло горячими сладкими пирогами. Шагнув в прихожую, Элнер глазам не поверила. Принцесса Мэри-Маргарет, старая кокер-спаниелиха Дороти,

выбежала ей навстречу, а в глубине комнаты сидела сама Соседка Дороти, давняя знакомая Элнер! Со дня ее смерти минуло без малого сорок восемь лет, но это, несомненно, была она — в своем любимом цветастом кресле, все с той же милой улыбкой, с той же искоркой во взгляде.

— День добрый, Элнер! — поздоровалась Дороти. — Я вас давно поджидаю.

Теперь у Элнер не осталось сомнений, что это Дороти, — голос ее она узнала бы из тысячи.

— Так это вы!

— Я! — Дороти радостно захлопала в ладоши. — Не ожидали?

— Еще бы, вот так сюрприз!

Они обнялись, и Элнер продолжала:

— Господи! Ида ничегошеньки мне не сказала, я и не мечтала вас увидеть. Дайте я присяду, посмотрю на вас. — Элнер опустилась в кресло напротив Дороти и уставилась на нее, изумленно качая головой. — Уж кого-кого, а вас я точно рада видеть! Ну? Как поживаете?

— Замечательно, Элнер, а вы?

Элнер рассмеялась:

— Милая моя, не знаю, что и ответить. Вроде бы я умерла, но никак не пойму, что творится. Ида мне сказала, что я предстану перед Творцом, — и больше ничего. Может быть, я не туда попала?

Дороти улыбнулась:

— Туда! Знали бы вы, как я вам рада!

— Я тоже, мы сто лет не видались, и выглядите вы чудесно!

— Спасибо, Элнер. Вы тоже.

— Шутите, — засмеялась Элнер. — Я растолстела с тех пор, как мы не виделись, но чувствую себя отлично... только вот с дерева свалилась. Потому-то я в старом халате — даже не успела переодеться по такому случаю.

— Понимаю, — сочувственно кивнула Дороти. — Сильно вы ушиблись.

— И не говорите. Но все кости, похоже, целы. Вроде ничего не болит.

— Вот и хорошо — переломы нам ни к чему.

Элнер устроилась поудобнее в кресле, скрестив ноги, окинула взглядом комнату. В клетке щебечут канарейки, Пышка и Мо, такие же кругленькие, сытые, как всегда, над обеденным столом все та же люстра матового стекла, и занавески в цветочек никуда не делись.

— Здесь все по-старому. Мне так у вас нравилось, Дороти!

— Знаю.

— И передача ваша нравилась — все так жалели, когда она перестала выходить! Самая лучшая передача! Теперь по утрам выступают Бад и Джей — хорошие ребята, только рецептов не дают, не то что вы.

— Доброе старое времечко...

Элнер огляделась:

— Вкусно у вас пахнет — уж не пирог ли печется?

— Пирог, — подтвердила Дороти. — Карамельный, для нас с вами.

— Карамельный?! Мой любимый!

— А как же, помню.

— Значит, — сказала Элнер, предвкушая угощение, — у меня сейчас передышка перед важной встречей — перекушу, наберусь сил?

Дороти улыбнулась:

— Нет, милая, вы уже на месте.

— Правда? — изумилась Элнер. — Я вконец запуталась... Выходит, это с вами я должна была встретиться? Вы... вы и есть Создатель?

Дороти засмеялась.

— Точнее — один из Создателей, нас на самом деле двое, но мне хотелось поприветствовать вас первой. Вы всегда были моей любимицей. Такие каверзные вопросы задавали, так веселили меня!

— Спасибо на добром слове, — от души поблагодарила Элнер. — Я вас тоже любила, но... мне казалось, вы обычный человек, моя добрая знакомая... Вы меня так огорошили, что хоть стой, хоть падай... У меня и в мыслях не было, что вы... та, кто вы есть. Меня за это накажут?

Дороти покачала головой:

— Нет, конечно. И нечему тут удивляться.

— Как?

— Нечему. Ваша знакомая Дороти Смит — простой человек, а я говорю с вами в ее обличье — двойник, так сказать. Мы всегда предстаем в знакомых, привычных образах, чтобы никого не пугать. Вы ведь не боитесь?

— Нет, просто слегка не в своей тарелке. Так вы не Дороти? Только похожи на нее?

— Именно. И все же в чем-то я и Дороти. В каждом из вас есть наша частичка.

Элнер задумалась.

— Ничего не понимаю. «Наша частичка»? Чья это — «наша»? Ида меня привела на встречу с Творцом, а раз вы — не Дороти, то что это за собака? Принцесса Мэри-Маргарет или самозванка в ее обличье?

Дороти рассмеялась:

— Все не так сложно, уверяю вас. Подождите немного, на самом деле все очень просто, вот увидите. Пойдемте со мной, милая, хочу вас кое с кем познакомить.

Звонок Дине, Пало-Альто, Калифорния

12:16 (10:16 по тихоокеанскому времени)

Побыв еще немного с тетей Элнер, Мэкки вернулся в приемную, к Норме. Медсестра, что присматривала за ней, спросила, чем еще помочь, не позвонить ли кому, и Норма вспомнила:

— Мэкки! Надо ведь Дине позвонить! Скажи ей, что мы сразу сообщим, когда похороны...

При слове «похороны» Норма вновь залилась слезами. Медсестра обняла ее за плечи, стала утешать.

— Простите, — всхлипнула Норма, — мне до сих пор не верится... Ступай, Мэкки, звони Дине. А я подожду.

— Придется звонить за ее счет.

— Не страшно. И скажи телефонистке, что звонок срочный.

Мэкки нехотя поднялся и зашагал по коридору. С тяжелым сердцем шел он звонить: разговор с Линдой и без того нелегко ему дался. Его бы воля, он подождал бы до дома, но в таких вопросах он доверял Норме. Женщины лучше разбираются в свадебных и траурных обычаях, и все-таки срочный вызов ни к чему. Бедная старушка умерла — куда теперь спешить? Тем более что звонок за счет абонента. Дину Нордстрем-О'Мэлли — двоюродную племянницу Нормы и внучатую племянницу тети Элнер — печальная весть, несмотря на очень преклонный возраст Элнер, застала врасплох, как и всех остальных. Положив трубку, Дина задумалась, звонить ли мужу, и в итоге решила дожждаться, когда он придет на обед. Спешить некуда, тетя Элнер только-только умерла, день похорон пока не назначен. Дина опустилась в кресло у высокого, с выступом, окна, выглянула во двор и дала волю слезам.

В последний раз они с тетей Элнер виделись у Линды на свадьбе. С тех пор как ее муж Джерри возглавил психиатрическое отделение Медицинского центра при Стэнфордском университете, а сама Дина стала преподавать журналистику, у них не было ни дня свободного, некогда было съездить к тете Элнер. Хотя по телефону они в последний раз говорили совсем недавно, всего лишь на прошлой неделе. Тетя Элнер, как всегда забыв про двухчасовую разницу между Миссури и Калифорнией, позвонила в пять утра, взволнованная, радостная. И сообщила Дине:

— А ты знаешь, что из арбузного семечка вырастает арбуз, весом

больше этого семечка в двести тысяч раз? Ну не чудо ли?

— М-м... Да, — сонно отозвалась Дина.

— Только вот что мне покоя не дает: откуда крохотному черному семечку знать, что арбуз должен быть зеленым, корка изнутри — белой, а мякоть — красной? Как у него получается?

— Не знаю, тетя Элнер.

— Вот вам и еще загадка, верно?

Дина повесила трубку и вернулась в постель.

Теперь, вспомнив их последний разговор, она поняла, как ей будет не хватать бесед с Элнер. Последние пятнадцать лет они созванивались хотя бы раз в неделю. И чем больше Дина думала, тем яснее сознавала, что именно тете Элнер она во многом обязана своим нынешним счастьем. Дина уехала с матерью из Элмвуд-Спрингс, когда была совсем крошкой, а возвратилась уже взрослой, да и то не по своей воле. В то время она была молодой журналисткой, одной из восходящих звезд нью-йоркского телевидения. В родной город ей пришлось вернуться после тяжелой болезни, чтобы окрепнуть, набраться сил. Тетя Элнер, деревенская старушка, казалась ей простоватой, недалекой — совсем не таких людей Дина привыкла считать умными.

До болезни Дина была убеждена, что главное в жизни — карьера, достижения, погоня за успехом и деньгами. Она не задумывалась, что есть на свете и другие, не менее важные вещи, и тетя Элнер, жившая более чем скромно и довольная своей долей, была для Дины загадкой. Прожив десять лет в Нью-Йорке, Дина не могла взять в толк, почему Элнер не запирает дверей, даже ключа от дома не признает, — и при том, как ни странно, счастлива. Дина не встречала настолько довольных жизнью людей. Элнер она считала слегка наивной, а ее детскую любовь к природе — признаком невежества: ну что особенного в клевере с четырьмя листиками?

До отъезда из Нью-Йорка Дина была равнодушна к природе, не обращала внимания на красоту закатов и восходов, разве что по чистой случайности. Не замечала ни луны, ни звезд, ни даже смены времен года — просто зимой одевалась потеплее. И не понимала, зачем это люди по утрам смотрят на одинаковые восходы, а по вечерам — на все тот же надоевший закат. Ведь если видел один закат или восход — считай, видел их все. А тетя Элнер возразила: «Нет, голубка, они не повторяются: каждое утро — совсем новый восход, а каждый вечер — новый закат, и другого такого больше не будет никогда. — И продолжала: — Ты мне лучше скажи, как ты могла пропустить хотя бы один? Такой красоты ни в одном кино не увидишь, и вдобавок бесплатно!»

С тех пор Дина каждый вечер устраивалась рядышком с Элнер смотреть, как солнце садится за поля позади дома; пусть не сразу, но ей стало понятно, о чем говорила Элнер. Она же научила Дину высматривать крохотный зеленый лучик — последний привет ушедшего за горизонт солнца. В самый первый вечер тетя Элнер сказала: «Знаешь, Дина, есть один секрет. Многие считают, раз солнце зашло — значит, смотреть больше не на что. И пропускают самое интересное, а ведь оно только начинается». Разумеется, тетя Элнер была права, и с тех пор они каждый вечер усаживались во дворе и ждали, когда погаснут последние лучи солнца и на темно-синем небе замерцает первая звездочка.

Тетя Элнер говаривала: «Не могу лечь спать, не загадав на первую звезду, а ты?» Дине всегда хотелось узнать, что за желания загадывает тетя Элнер, но в ответ на вопрос та лишь улыбнулась: «Если разболтаю — не сбудется! О хорошем мечтаю, поверь». За прошедшие годы Дина очень изменилась. Тетя Элнер открыла ей глаза, научила видеть прекрасное рядом, и Дина сумела воздать должное ее мудрости и теперь не пропускала ни одного заката.

Грусть снова нахлынула на Дину волной: до чего же пусто станет в мире без тети Элнер!

Встреча с мужем-творцом

Дороти и Элнер прошли вдоль коридора, где стоял старинный кедровый сундук, и Дороти тихонько постучала в самую дальнюю дверь направо:

— Реймонд? Можно войти?

Мужской голос ответил:

— Прошу, заходите. Элнер одернула халат.

— Я в таком виде, Дороти... Мне стыдно за эти обноски.

— Ничего, — подбодрила ее Дороти и открыла дверь.

В комнате за большим письменным столом сидел красивый старик с серебристой шевелюрой. Вылитый Док Смит, муж Дороти, фармацевт из старой аптеки «Рексолл» в Элмвуд-Спрингс! Дороти ввела Элнер в комнату.

— Реймонд, смотри, кто пришел!

Старик тут же поднялся из-за стола, сияя улыбкой, и радостно пожал Элнер руку:

— Ну, здравствуйте, миссис Шимфизл, добро пожаловать! Дороти меня предупредила, что вы сегодня придете. Садитесь, пожалуйста, устраивайтесь поудобнее, и простите за беспорядок. — Он обвел рукой комнату, сплошь заваленную картами, бумагами и папками. — Я стараюсь поддерживать чистоту, но, как видите, не очень получается.

Пока он освобождал для Элнер кресло, Дороти заметила:

— Уму непостижимо, как он умудряется что-то находить в этом хаосе.

— Ничего страшного, — отмахнулась Элнер. — Видели бы вы, что у меня дома творится!

По пути к креслу Элнер с тайной радостью отметила про себя и чашки из-под кофе на полу, и пыль на книжных шкафах; недаром она подозревала, что даже боги бывают грязнулями. «То-то Норма удивится, когда увидит!» — подумала Элнер. Она обвела взглядом комнату: одна стена увешана фотографиями малышей, а на угловом диванчике у окна дремлет толстая черно-белая кошка — вылитая Пробка, что любила спать на подоконнике обувной мастерской «Кошачья лапка» в центре Элмвуд-Спрингс.

Устроившись в кресле напротив, Дороти обратилась к Реймонду:

— Милый, у Элнер есть пара вопросов. Лучше нам, пожалуй, побеседовать втроем.

Реймонд откинулся в кресле, снял очки.

— Конечно, с радостью вам отвечу, миссис Шимфизл.

В эту минуту взгляд Элнер упал на золоченую табличку на краю стола, с надписью «Высшее существо», и Элнер задумалась: как же его называть? Чтобы уж наверняка не ошибиться, она спросила:

— Вас так и называть, «Высшее существо»?

Реймонд уставился на нее озадаченно.

— Как, простите?

Элнер указала на табличку:

— Как здесь написано.

Реймонд протянул руку, развернул табличку к себе и расхохотался.

— Это всего лишь для удобства — некоторым людям так больше по душе. — Он достал из ящика стола целую стопку табличек. — Вот... смотрите... Бог Отец... Будда... Мухаммед. Даже «Элвис Пресли» где-то завалялся, но лучше зовите меня просто Реймонд. — Он спрятал таблички в стол и улыбнулся: — Итак, миссис Шимфизл, что вы хотели узнать? Замечательный у вас, кстати, халат.

— Правда? — удивилась Элнер, оглядывая себя. — Ему лет сто, не меньше, трещит по швам. — Зато уютный, сразу видно.

— Что правда, то правда, — согласилась Элнер. Она сама удивлялась, до чего ей спокойно и уютно. Кто бы мог подумать, что предстать перед Создателем — такое удовольствие?

Поерзав в кресле, Элнер нашла позу поудобнее и с ходу приступила к «тайнам бытия»:

— Вас наверняка замучили такими вопросами, Реймонд, но мне эта загадка много лет покоя не дает.

— Ну? — подбодрил Реймонд.

— Что появилось раньше — курица или яйцо?

Реймонд взглянул на нее недоуменно и снова расхохотался.

— Простите, что смеюсь некстати, миссис Шимфизл, редко кто начинает с этого вопроса. Правильный ответ — яйцо.

Настал черед Элнер удивляться.

— Яйцо? Точно?

— А как же. — Реймонд кивнул. — Нельзя ставить телегу впереди лошади. Следовательно, все яснее ясного: чтобы цыпленок вылупился, нужно яйцо.

Элнер приуныла.

— Ну и ладно. Хорошо хоть, я не стала звонить Баду с Джемом. Что ж, век живи, век учись. — Элнер переглянулась с Дороти. — А второй вопрос можно задать?

Первой отозвалась Дороти:

— Вопросов можно задавать сколько угодно — правда, Реймонд?

— Конечно! Затем мы здесь и собрались... Вперед, миссис Шимфизл!

— В таком случае, второй вопрос: в чем смысл жизни?

Реймонд, задумчиво кивнув, повторил:

— В чем смысл жизни... гм... дайте подумать. — Он подался вперед, сцепил руки, заглянул Элнер в глаза. — Хоть убейте, не знаю, миссис Шимфизл.

— Тебе все шуточки! — одернула его Дороти. — И объяснила Элнер: — Он у нас большой любитель поддразнить.

Реймонд засмеялся.

— Ладно, шутки шутками, а если серьезно, то как бы объяснить проще и понятней... Жизнь — это дар.

Дороти улыбнулась Элнер.

— Наш подарок вам, с любовью.

— Дар? — призадумалась Элнер. — Что ж, очень мило, и спасибо вам за него. Не знаю, как другим, но мне очень нравилось жить, я каждой минуте радовалась, с первого до последнего дня.

Реймонд отвечал:

— Знаем, миссис Шимфизл, вы любили жизнь как никто другой, и мы счастливы. Ведь так все и было задумано, вам на радость. Верно, Дороти?

— Безусловно, — с улыбкой подтвердила та.

Элнер изумленно покачала головой:

— Вот ведь странное дело: столько лет люди бьются, ищут смысл жизни, — а надо просто радоваться, и все.

— Правильно, — кивнул Реймонд. — Видите ли, миссис Шимфизл...

— Зовите меня, пожалуйста, Элнер.

— Спасибо. Видите ли, Элнер, жизнь намного проще, чем кажется людям.

— Точно! — весело отозвалась Дороти. — Проще не бывает.

Реймонд повернулся, снял со стены большую картину с изображением карнавала — сотни цветных огней вдруг засияли на полотне, зазвучала живая музыка — и продолжал:

— Понимаете, Элнер, жизнь похожа на американские горки: то вверх, то вниз, то ухаб, то поворот.

— А-а! — подхватила Элнер. — Значит, надо вдохнуть поглубже и получать удовольствие.

Реймонд поддержал ее:

— Вот именно. Только вот в чем дело... большинству людей кажется, будто они за рулем, и они так стараются управлять, что пропускают все

самое интересное.

Элнер повернулась к Дороти:

— Жаль, Норма вас не слышит. Вот уж кто вцепился в руль мертвой хваткой. Не мешало бы ей расслабиться чуток.

— Совершенно верно. — Реймонд стал сворачивать картину. — Ну как, — поинтересовался он, — озадачил я вас? Совсем не такого ответа вы ждали?

— Пожалуй, нет... Я догадывалась, что на самом деле так и есть, но не знала точно. С курицей и яйцом промахнулась — зато здесь я была на верном пути. Вы нам желаете счастья.

— А как же! — согласился Реймонд. — Разве стали бы мы так стараться, чтобы сделать людей несчастными, Дороти?

— Нам такого труда стоило все это придумать! — добавила та. — Все большое и тяжелое создал, конечно, Реймонд: планеты, горы, океаны, слонов. А я — пруды, озера, мелких зверушек. Собаки и кошки — мое произведение... правда, здорово вышло?

— Просто прелесть! — воскликнула Элнер. — Старина Сонни мне не дает скучать ни днем ни ночью, и я всем твержу, что лучшее лекарство от хандры — завести котенка. Когда у Тотт Вутен сдали нервы, я ей подарила котенка, и через неделю тоску как рукой сняло.

Дороти подхватила:

— Да уж, котята удались на славу, не считите за хвастовство. А Реймонд создал воздух, воду, все минералы: железо, уголь, медь... что еще, милый?

— Серебро, золото. — Реймонд взглянул на Дороти и с гордостью добавил: — Зато она изобрела цветы, музыку, искусство... Я бы ни за что не додумался.

— Я на твои творения не устаю дивиться, — перебила Дороти. — Солнце, Луна... Честное слово, ты гений.

Реймонд смутился:

— Полно, Дороти...

— Так и есть. Правда, Элнер?

— Я согласна, Реймонд. Солнце и Луна — уже только за них вы достойны зваться гением. А кто же из вас придумал людей?

— Оба! — хором ответили Реймонд и Дороти, переглянулись и рассмеялись.

Дороти повторила:

— Оба. Реймонд создал химическое строение, клетки, ДНК и прочее, а в целом это было совместное творчество, и потрудиться пришлось немало.

Реймонд согласился:

— Над каждой мелочью пришлось поработать: колени, локти, не говоря уж о глазах и пальцах. А сколько хлопот большой палец доставил!

— Кстати! — встрепенулась Элнер. — Меня всегда изумляло: как удалось придумать столько разных отпечатков пальцев?

Реймонд оживился:

— Отличный вопрос! Сейчас покажу.

Он достал листок бумаги, набросал на нем контур большого пальца и показал Элнер.

— Видите ли, Элнер, если брать повторяющиеся узоры и видоизменять их по определенным правилам...

Дороти прервала его:

— Милый, совершенно ни к чему углубляться в такие дебри.

Элнер засмеялась:

— И вправду, слишком уж мудрено, зато вам есть чем гордиться.

— Ну ладно. — Реймонд отложил карандаш. — Итак, — улыбнулся он, — скажите, Элнер, что вам больше всего нравилось в жизни?

— Дайте подумать... Я любила природу, птиц, и диких и домашних, и насекомых тоже.

У Реймонда загорелись глаза.

— И я! Какое у вас любимое насекомое?

— Сейчас соображу... колорадские жуки, кузнечики, мотыльки, хрущи, муравьи, улитки... Постойте, а улитки — тоже насекомые?

— Нет, моллюски, — поправил Реймонд.

— Моллюски так моллюски, но я их всегда любила, и стрекоз тоже, и светлячков, и гусениц, и пчел. — Элнер подняла глаза на Реймонда — Вы уж не обижайтесь, но ос я разлюбила.

— И есть за что, — сказала Дороти.

Элнер продолжала:

— Любила я и церковное пение, и все праздники: Рождество, День благодарения... а особенно — Пасху. Нравилось мне и детство, и взрослая жизнь — свой дом, замужество; еще нравился кофе, а от бекона я и вовсе была без ума, мы с соседом Мерлом даже записались в клуб любителей бекона (Норме, разумеется, молчок). — Элнер вздрогнула, сообразив, что проболталась. — Ой, это мне зачтется как ложь — то, что я промолчала?

Чуть поразмыслив, Реймонд отвечал:

— По-моему, это ложь из разряда «меньше знаешь — крепче спишь». Как считаешь, Дороти?

— Согласна.

— Уф-ф! Вот и хорошо, потому что от Нормы я много чего скрывала, — облегченно вздохнула Элнер. И продолжила: — Нравилось домашнее персиковое мороженое... ореховое у меня на втором месте, но его сейчас почти не делают, а еще зелень репы, картофельное пюре, спаржевая фасоль, жареная окра^[5] — Элнер перевела взгляд на Дороти. — И пироги, и торты, конечно!

— Столько всего! — одобрил Реймонд.

— И печенка с луком... все от нее носы воротят, а я люблю. А еще рисовый пудинг... Могу и дальше перечислять, если хотите.

— Нет, достаточно, Элнер, — сейчас ваш черед задавать вопросы.

— Я всегда хотела знать, зачем на свете блохи?

Дороти прикрыла рот рукой, едва сдерживая смех.

Реймонд откинулся на спинку кресла, заложил большие пальцы за отвороты жилета, откашлялся.

— Понимаете ли, Элнер, у обезьян — как и вообще у приматов — сложная система ритуалов и ухаживаний, и ловля блох — важная часть общения.

Дороти искоса глянула на мужа:

— Реймонд!

Тот вздохнул:

— Ну не знаю я, какая от них польза. Для чего-то я их задумал, а для чего — забыл.

— Говорила я тебе, что она умница! — вставила Дороти.

— Забудьте про блох, — успокоила Реймонда Элнер. — Вы же знаете, я так любила ваши закаты, восходы, звезды и луну, и дождь, и летние грозы, и осень... да что там — все времена года одно другого краше.

— Спасибо, Элнер, рад вам угодить. Мы старались придумать побольше всего хорошего, чтобы уравновесить плохое, — а его в жизни, увы, предостаточно.

— И о всяком несчастье мы горько жалеем, — вздохнула Дороти.

Элнер сказала:

— Раз уж речь зашла о несчастьях, людям хочется знать, откуда берется зло.

Глаза Реймонда засветились участием.

— Я все понимаю, и винить людей не за что, но чтобы наделить их свободой воли, пришлось установить жесткие причинно-следственные связи, иначе ничего бы не вышло. — Он пожал плечами: — Выбора у меня не было, что мне еще оставалось делать?

— Знаете, Реймонд... — задумчиво произнесла Элнер, — мне,

конечно, куда проще рассуждать, ведь я ни за что не в ответе, но вы все-таки подумайте, не отменить ли свободу воли? Взять, к примеру, Лютера Григза: когда он поступает как ему вздумается, всякий раз нарывается на неприятности.

Реймонд кивнул:

— Понимаю, и поверьте, Элнер, над свободой воли я долго голову ломал, но мы не хотим ни к чему принуждать людей.

Дороти прибавила:

— И насильно им мил не будешь, и друг друга любить не заставишь.

Реймонд согласился:

— Верно. Зато мы их снабдили всем самым нужным: логикой, разумом, состраданием, чувством юмора... а вот пользоваться этими дарами или нет, они решают сами. Нам остается их любить и надеяться на лучшее. — Он бросил взгляд на Дороти. — Это было для нас, пожалуй, самое трудное — дать им право на ошибки...

— Самое трудное, — подтвердила Дороти.

Реймонд обратился к Элнер:

— У вас ведь тоже так: знаешь, что надо выпускать своих чад из гнезда, но до чего нелегко это дается!

— Понимаю, — подхватила Элнер. — Когда Линда стала жить отдельно, Норма слегла на полгода с головной болью.

На кухне что-то звякнуло, Дороти подскочила:

— Пирог готов! Сейчас, достану из духовки.

При слове «пирог» Элнер встрепенулась.

Пасторша

Вдоволь наплакавшись об Элнер, Ирен Гуднайт взяла себя в руки, заказала у Невы по телефону цветы и задумалась, чем бы помочь Норме. Бедняжке, наверное, так тяжело, любая помощь будет кстати. Надо бы приготовить съестного и отнести ей. Скажем, тушеную курицу, запеканку из стручковой фасоли, макароны с сыром и кекс. Только ни лука, ни перца. Ничего острого. В горе пища нужна простая, пресная. Прежде чем идти на кухню стряпать, Ирен решила позвонить преподобной Сюзи Хилл из Церкви единства, которую посещала Норма. Ирен набрала домашний номер Сюзи.

— Алло!

— Сюзи, это Ирен Гуднайт.

— Здравствуйте, как ваши дела?

— Я-то жива-здоровая, но у меня плохие новости. Только что умерла Элнер Шимфизл, и я звоню, чтобы вас предупредить.

— Какой ужас! — вырвалось у Сюзи. — От чего?

— Ее искусили осы, и она упала с дерева. Норма и Мэкки сейчас в Канзас-Сити, в больнице Каравэй. Если хотите, можете позвонить туда.

— Конечно... да... спасибо, что сообщили.

Когда Сюзи положила трубку, сердце у нее рвалось на части. Норма для нее — не только прихожанка, но и подруга. Сразу после переезда в Элмвуд-Спрингс Сюзи познакомилась с Нормой в клубе «Худеем вместе», и та ей с первого взгляда понравилась. Такая милая женщина, утонченная, и одевается со вкусом! Сюзи была очень рада, когда Норма начала ходить к ней в церковь; и пусть Сюзи была священник, а Норма прихожанка, именно Сюзи поверяла Норме свои тайны и не раз просила у нее совета и помощи. Норма помогла ей сделать ремонт и даже прислала своего мужа Мэкки починить ей трубы в ванной. Но сейчас бедняжка Норма убита горем. Она всегда беспокоилась об Элнер, даже несколько раз приводила ее с собой в церковь. Чудо, а не старушка: в ее-то годы — столько жизнелюбия! При знакомстве с Сюзи миссис Шимфизл, обняв ее, сказала: «Надо же, сколько лет на свете живу — а священника-женщину вижу впервые, и вдобавок такую хорошенькую!» Сюзи недавно приняла сан, ей почти не приходилось иметь дела со смертью, но сейчас она как священник обязана была утешить Норму в горе.

Немалых трудов стоило Сюзи пробиться туда, где можно приносить

настоящую пользу ближним. За десять с половиной лет она прошла через муки ада, чтобы похудеть на тридцать пять килограммов, с пятьдесят шестого размера до сорок шестого. Ей пришлось нелегко. Сюзи перепробовала все диеты, от Притикина до Аткинса, от низкокалорийных до высокобелковых, но не выдерживала дольше нескольких месяцев. Последним ее прибежищем стало общество «Анонимные обжоры», и от него — наряду с «Худеем вместе» и каждодневными молитвами — была хоть какая-то польза. Куратор в «Анонимных обжорах» велел ей избегать вредных жиров, каждый день ходить пешком и молиться, молиться беспрерывно. Сюзи выполняла все исправно, но ценой непрестанной борьбы с собой.

Сюзи увлекалась учением «Христианская наука»,^[6] изучала буддизм, индуизм, каббалу, католицизм, сайентологию, прочла «Книгу чудес»; искала, исследовала, молилась всем и вся — и однажды на нее снизошло откровение. В сентябре 1998 года, во время «Недели уединения», которую проводила Школа христианского единства неподалеку от Канзас-Сити, она поняла, что хочет быть священником Церкви единства, и первым ее приходом стала небольшая церковь в Элмвуд-Спрингс, где сейчас уже больше полусотни прихожан. При взгляде на изящную Сюзи трудно поверить, что внутри нее прячется бесформенная толстуха, готовая при первых признаках волнения бежать в ближайшую кондитерскую. Надо держать себя в руках. Смерть — дело грустное, и от мысли, что бедная тетя Элнер лежит в гробу, так и тянет съесть кокосовый торт целиком. Нет! Надо ограничиться стаканом воды с белковым батончиком, одеться, собраться с духом и спешить к Норме.

Ложь во спасение

Пока Линда Уоррен бежала через частный ангар, пока устраивалась в самолете, ее неотвязно преследовала мысль: «Тетя Элнер умерла». Это были папины слова, но Линда до сих пор не могла поверить им до конца. Когда самолет поднялся в воздух, Линда вспомнила, как они с отцом поступили с тетей Элнер, и жгучий стыд вновь охватил ее. Ложь о мышах была не первой... самый первый обман был страшнее.

Тетя Элнер много лет держала рыжих полосатых котов и всех называла одинаково, Сонни. Семнадцать лет назад, когда они с Нормой ездили проводить племянницу Мэри-Грейс, Линда вызвалась пожить у Элнер и присмотреть за Сонни Шестым. На второй же день кот пропал. Линда в слезах позвонила отцу, они четыре дня подряд искали Сонни всюду, но он как в воду канул. На шестой день, когда стало ясно, что Сонни уже не объявится, Линда с отцом места себе не находили. Что же будет?! Тетя Элнер вернется домой, а Сонни нет! Они принялись обзванивать все общества защиты животных и зоомагазины в округе в поисках рыжего кота на замену Сонни.

Наконец им позвонила женщина из Общества защиты животных в Поплар-Спрингс и предложила рыжего полосатого кота по кличке Мармелад: хозяйка решила от него избавиться, потому что он изодрал в доме всю мебель. Линда с отцом прыгнули в машину и пустились в путь. Хотя Мармелад был моложе и весил на несколько фунтов больше, во всем остальном он, к счастью, оказался точной копией Сонни. Схватив кота в охапку, они поспешили в Элмвуд-Спрингс, надеясь, что все обойдется. В самом деле, тетя Элнер подмену не раскрыла и даже поблагодарила Линду — дескать, та хорошо кормила Сонни. С Нормой не поделились — та не умеет хранить секреты. Два дня они тряслись от страха, а на третий вздохнули с облегчением, после звонка тети Элнер: «Линда, старина Сонни, похоже, по мне стосковался — ластится, круглые сутки не слезает с коленей».

Все шло гладко, пока через полгода их едва не разоблачили. Однажды утром тетя Элнер позвонила Мэкки: «Сонни надо снова кастрировать. С первого раза, похоже, не получилось, он опять метит все подряд». Когда Мэкки привез кота к доктору Шоу, его ассистентка (и жена) Эбби не знала, что и думать.

— В карточке записано, что его уже кастрировали одиннадцать лет

назад!

— Это был другой Сонни, — сознался Мэкки. — Прошу вас, тете Элнер ни слова!

Чета ветеринаров согласилась хранить тайну; тетя Элнер так и не узнала, что Сонни Шестой на самом деле Седьмой, и в полной уверенности, что ее коту двадцать пять лет от роду, хвасталась им направо и налево. «Только посмотрите, какой он еще крепкий старичок! — говорила она. — В пересчете на человечесьи года ему уже за полторы сотни перевалило!» Линду с отцом, понятно, при этих словах всякий раз мучил стыд, а когда в газете напечатали фотографию тети Элнер с котом-долгожителем на руках, они готовы были сквозь землю провалиться.

Линда тотчас решила, как ей быть, и, едва самолет приземлился, достала телефон и позвонила дочке (хотя и не особенно любила кошек):

— Привет, моя хорошая, мама скоро вернется и привезет тебе киску.

Эппл в восторге воскликнула, что ждет не дождется маминого возвращения. Она давно уже мечтала о котенке, да и тетя Элнер была бы рада, что Сонни будет жить у них. Разве жалко для нее такой малости? Сев в машину, ждавшую в аэропорту, и устроившись поудобнее, Линда задумалась: сколько же этому коту лет?

Беседа с Реймондом

Дороти ушла доставать из духовки пирог, а Реймонд, выждав секунду, спросил:

— Можно я закурю?

— Конечно, — отвечала Элнер. — Курите на здоровье.

Реймонд с ухмылкой выудил из глубины ящика трубку и жестянку с табаком «Принц Альберт».

— Чур, Дороти ни слова. Это тоже тайна из разряда «меньше знаешь — крепче спишь». Договорились?

— Буду держать язык за зубами, — пообещала Элнер.

Реймонд зажег трубку, откинулся в кресле.

— Элнер, хоть сейчас и ваш черед задавать вопросы, но вы не против, если и я вас спрошу кое о чем?

— Прошу вас, только не о сложном.

— Знаете ли... — Реймонд выпустил струйку дыма. — Нас всегда восхищала ваша жизнерадостность. Даже во времена Великой депрессии — ни единой жалобы. Поделитесь — какая у вас жизненная философия?

Элнер засмеялась:

— Философия? Ах, Реймонд, я философию разводить не мастер. Просто старалась делать что надо и ладить с людьми — вот и все.

Реймонд кивнул:

— А ничего больше и не нужно. — Наклонившись к ней поближе, он поинтересовался:

— Между нами, Элнер, и без утайки, что вы думаете о людях?

— Я?

— Да. — Реймонд не сводил с нее глаз. — Ваше мнение для меня очень важно.

— Люди мне всегда нравились, Реймонд. Забавные они, с ними не соскучишься.

— Чем забавные?

— Ах, даже не знаю. Меня почему-то всегда смешили их привычки — как они наряжаются в пух и прах, расфуфыриваются. Много лет я с крылечка наблюдала, как они снуют туда-сюда... на людей смотреть интересней, чем в кино ходить. Вы уж не считите за лесть — честное слово, мне почти все они нравились, за редким исключением. А теперь скажите, Реймонд, — Элнер устремила на него взгляд, — что думаете о

людях вы? Ваше мнение куда важней моего.

Реймонд слегка смешался.

— Я? Хм... надо сообразить... — Реймонд погрузился в раздумье, сделал пару затяжек и наконец сказал: — Вам нужна чистая правда, Элнер? И полная беспристрастность... по возможности?

— Конечно.

Реймонд улыбнулся:

— Я их люблю безумно, всех до единого.

— Вот как... А за что? — поинтересовалась Элнер.

— Да за все. — Реймонд задумчиво глядел вдаль. — За упорство, за стойкость, за то, что не сдаются, несмотря ни на что... А храбрость? Безумцы в горящие дома бросаются, в воду прыгают, спасая совершенно чужих людей! Слыхали о таком?

— Приходилось, само собой.

Реймонд продолжал:

— И до чего умны! Представьте, сообразили, как до Луны добраться! И еще я не устаю восхищаться тем, что они делают друг другу приятное, особенно тайком... До совершенства им, конечно, пока далеко, но когда они станут наконец такими, как задумано, будет прекрасно!

— А долго ли, по-вашему, еще осталось до совершенства? Вдруг люди друг друга перебьют, так и не успев до него дорасти?

— Не перебьют.

— Что ж, хочется верить.

— Даже не сомневайтесь.

— Рада слышать. Вы мне вот что еще скажите. Кто у вас самый любимый из всех людей, во все времена?

— Не считая тех, кто родится в будущем? — Реймонд кивком указал на стену с фотографиями малышей. — Сложно сказать, все прекрасны... учителя... медсестры... спасатели... и спасательницы тоже. Хороша и женская сборная США по футболу — ну не молодцы ли? А по большому счету, Элнер, любимчиков у меня нет, все люди разные, и каждый по-своему...

У Реймонда вдруг зазвонил мобильник, заиграв любимую мелодию Элнер, «Всею душой стремлюсь на небо». Реймонд, нацепив очки, взглянул на экран.

— Минуточку, я отвечу на звонок. Алло! — сказал он в трубку, а потом перевел взгляд на Элнер, улыбнулся и подмигнул. — Да, разумеется. Она здесь, рядом... Конечно, заходите. — Закончив разговор, он улыбнулся Элнер: — Это ваш поклонник, сейчас зайдет с вами познакомиться... Так

на чем мы остановились? Вы что-то еще хотели узнать?

— Очень! Мне здесь с вами очень интересно, но когда же Страшный суд? Скорей бы с ним покончить.

— Какой суд? — переспросил Реймонд.

— Страшный суд. Разве не придется мне держать ответ за грехи?

Реймонд засмеялся:

— Да нет же, никто вас судить не собирается.

— Правда?!

— Вы же человек; все ошибаются, даже я, да и у каждой ошибки свои причины. И на ошибках учатся.

Элнер осторожно спросила:

— Так вы на меня не злитесь за ту... конфету?

Реймонд вновь расхохотался.

— Полно вам! Я и сам посмеялся от души. Кстати, вот вам отличный пример: не подсунь вы Лютеру Григзу слабительное и не пожалей об этом, так и не подружились бы с парнем.

— Ох и стыдно мне было! Представьте: мстить восьмилетнему мальчонке, что швырялся камнями в кота!

— Понимаю. Зато вы исправили не только ошибку, но и жизнь мальчика. Вы не представляете, от чего спасли его. А я знаю!

— Но как убедиться, что поступаешь правильно?

— Очень просто! — ответил Реймонд. — Как дважды два четыре: доброта и прощение — всегда хорошо, ненависть и месть — всегда плохо. Работает безотказно. Следуй этому простому правилу — не ошибешься. — Он откинулся в кресле, скрестил руки. — Здорово?

— Еще как! — отозвалась Элнер. — Мне нравится. Теперь намного проще станет жить, правда?

— Именно!

В дверь тихонько постучали, и Реймонд усмехнулся:

— Так-так, готовьтесь к встрече с почитателем. — И крикнул: — Входите, открыто!

Элнер представления не имела, о ком речь, но, обернувшись, сразу узнала седовласого гостя.

— Элнер Шимфизл, — произнес Реймонд, — поздоровайтесь с Томасом Алвой Эдисоном.

Элнер обомлела от восхищения: перед ней стоял сам «волшебник номер два», будто сошедший с портрета у нее в гостиной.

— Простите за беспокойство, Реймонд, — начал Томас, — сами понимаете — как я мог не зайти и не пожать руку этой даме?

Элнер приготовилась было встать, но Томас ее остановил:

— Сидите, сидите, миссис Шимфизл. Я на минутку, поздороваться и поблагодарить вас за поддержку и добрые слова.

— Боже мой! — разволновалась Элнер. — Какое счастье с вами познакомиться! Всегда мечтала пожать вам руку и сказать спасибо за все.

— Не стоит благодарности.

— Как это — не стоит! — возразила Элнер. — Да вы весь мир осветили, если б не вы — сидеть бы нам в темноте по сей день!

— Присядьте на минутку, Том. — Реймонд с явным удовольствием наблюдал за своими гостями.

Том занял кресло рядом с Элнер и сказал:

— Премного вам благодарен, миссис Шимфизл.

— Зовите меня Элнер. Я всегда говорила, что, не считая, разумеется, Творца, — она кивком указала на Реймонда, — вы больше всех на свете достойны восхищения.

Том рассмеялся.

— Спасибо на добром слове, но честь всех изобретений принадлежит Реймонду. Меня он лишь натолкнул на нужные мысли.

Реймонд возразил, выбивая трубку:

— Полно вам прибедняться, Том. Вы славно поработали.

— А заодно сколько удовольствия получил! Да, Элнер, спасибо и за то, что не забывали мой день рождения, очень приятно.

Элнер отмахнулась:

— Что вы, пустяки — после всего того, что вы сделали для людей! Племянница моя Норма ворчала, что я впустую трачу электричество, включаю на весь день все приборы, но я всегда твержу: выгодней электричества ничего на свете нет. Посудите сами, всего пара центов в день — и в доме тепло, светло и радио работает. Я ни одной передачи Соседки Дороти не пропустила. До чего удобно с телевизором и радио — будто в доме постоянно гости... Видите, как вы скрасили жизнь лежащим больным и всем, кто сидит в четырех стенах: одиночество им теперь не страшно.

Том кивнул:

— Об этом я не подумал.

— Так подумайте же и похвалите себя, а я вам кое-что еще скажу, Том. Можно вас называть Том?

— Да, пожалуйста!

— Жаль, что вашу идею об электромобилях тогда не поддержали. Мэкки говорит, цены на бензин стали бешеные.

Том пожал плечами:

— Я старался как мог, но старина Генри Форд меня обскакал, изобрел «модель А». Что поделаться? Кто смел, тот и съел.

— Да, но, по-моему, вашу идею обязательно вспомнят, — может быть, вас это утешит. — Элнер осенила новая мысль: — А знаете, что о вас фильмов сняли уйму?

— Правда?

— Да, и хорошие есть. Я видела два в нашем кинотеатре, один с Микки Руни, второй — со Спенсером Трейси. Оба смотрела с удовольствием.

— А как вам здесь, Элнер? — поинтересовался Том. — Нравится? Хорошо проводите время?

— Отлично! Особенно сейчас, когда узнала, что мне ничего не грозит. Я как раз собиралась сказать Реймонду, что прекрасней места не видела — здесь еще лучше, чем я представляла.

Том продолжал:

— Разве не чудо — вновь хорошо слышать?

— Здорово! А еще меня ждет карамельный пирог.

— Что ж... — Том поднялся, — мне пора, не буду вам мешать. Хорошо бы снова встретиться.

— Когда угодно. Я вам всегда рада.

Сразу после ухода Тома Элнер, не успев оправиться от потрясения, обратилась к Реймонду:

— Подумать только, я говорила с самим Томасом Эдисоном, и он такой милый и скромный — просто чудо! Да мне бы его умище — я б наверное, нос задрала... то ли дело вы, Реймонд! Столько всего сделали, а ведете себя как обычный человек... снимаю шляпу. Уж вы мне поверьте, если б я создала мир... житья бы от меня не было.

Реймонд засмеялся:

— Элнер, с вами не соскучишься!

Элнер захихикала:

— Неужели? А ведь правда, если уж на то пошло... И Дороти — сама простота... Кстати, вот что еще я хотела узнать. Каково это — быть Богом? Весело? Или сплошной тяжкий труд?

Реймонд задумался.

— Пожалуй, обычная работа, как и любая другая. Много интересного, но и ответственность большая, и забот немало.

— Могу представить... в мире-то такое творится...

— Да уж. Сидишь и смотришь, как люди повторяют одни и те же ошибки, из поколения в поколение.

— Какая, по-вашему, самая большая ошибка?

— Безусловно, месть: ударили — дай сдачи. Как второклашки, честное слово. Скорей бы люди это переросли и двинулись дальше.

— Долго ждать?

— Не очень. — Выбив из трубки остатки табака, Реймонд убрал ее в ящик. — Новую идею чаще всего не сразу воспринимают. Нужно время.

— Как гимнастический обруч, например?

Реймонд усмехнулся:

— И обруч тоже, но скорее, пожалуй, как Интернет. Наступил его час — и он распространился по всему миру.

— Верно! Нынче все кому не лень сидят в сети.

— Да, пример подходящий. А сейчас вот пришло время жить без войн.

— Что вы говорите!

— А как же! Это подсказывает простой здравый смысл. Выбора у людей нет, тем более с нынешним-то оружием.

— Согласна.

— Обычные люди всегда хотели мира. Я вижу общую картину, и поверьте, на земле хороших людей гораздо больше, чем вы думаете, просто живут они тихо, скромно.

— Да, всех по телевизору не покажешь.

— Заметьте, Элнер, мне видны и грядущие поколения, я вижу будущее. — Реймонд вновь глянул на фотографии малышей и вдруг просиял, помолодел. — И знаете что еще?

— Что?

— Когда это случится, между землей и раем уже не будет разницы. Для счастья людям не нужен станет рай. Правда ведь, замечательно?

Вытирая руки о передник, в комнату вошла Дороти и весело сказала:

— А сейчас я ее похищаю, отведаем пирога. Составишь нам компанию?

Реймонд отвечал:

— Нет, идите вдвоем, угощайтесь. Вам будет о чем посплетничать. До встречи!

Элнер поднялась, пошла к выходу, но у самых дверей вдруг обернулась:

— Совсем забыла! Насчет молитвы... есть от нее польза?

— Есть, и большая! — заверил Реймонд. — Нам очень хочется, чтобы вы получали все, что пожелаете, так что если задуманное вам не во вред — стараемся исполнять.

Элнер кивнула.

— Большого и желать нельзя, — сказала она. — До свидания, Реймонд. Славно поболтали.

— Еще как, — отозвался Реймонд.

Миссис Фрэнкс, старая подруга

12:01

Луиза Фрэнкс жила по соседству с Элнер, когда та еще держала ферму, и они часто ходили друг к другу в гости, потчевали друг друга стряпней по рецептам Соседки Дороти. После смерти Уилла Шимфизла и до переезда Элнер в город они виделись почти каждый день. Луиза до сих пор держала ферму в десять акров и все то утро хлопотала по хозяйству. Около полудня она забежала в магазинчик на бензоколонке, за зефиром для своей дочки Полли, которой полагался пакетик в неделю. Заодно прихватила шесть банок диетической колы и бутылку моющего средства. Выбывая чек, продавец спросил:

— Слушали утром Бада и Джея, миссис Фрэнкс?

— Пропустила. А что?

— Сказали, миссис Шимфизл умерла.

— Как?! — Луиза была потрясена: ведь только вчера говорила с Элнер по телефону о предстоящей Пасхе.

— Бад сказал, она умерла сегодня утром в больнице в Канзас-Сити. Вы ведь ее хорошо знали?

Луизу бросило в пот, голова пошла кругом.

— Да, — выдохнула она.

Продавец, увидев ее искаженное лицо, извинился:

— Простите, я думал, вы уже слышали...

— Нет, я не знала. — Луиза повернулась и вышла.

Продавец крикнул вслед:

— Покупки забыли! — И буркнул под нос: — Значит, не особо и нужны.

Со стоянки Луиза выехала как в тумане и, миновав всего квартал, остановилась.

Сидя в машине, она вспомнила, как продавец спросил ее походя, равнодушно: «Вы ведь хорошо ее знали?»

Хорошо знала? Сказать: «Такого друга, как она, у меня больше не было» — все равно что ничего не сказать. Никто не знает, да и не может знать, как много сделала Элнер для Луизы и ее дочери. Мысли Луизы обратились к Полли: как ей объяснить, что миссис Шимфизл умерла? Полли любит миссис Шимфизл; кроме нее, она больше ни с кем не

соглашается ночевать — плачет и зовет маму. Каждый год Луиза наряжала Полли в новое платье и везла в город, к миссис Шимфизл, — искать пасхальные яйца. Пасха — любимый праздник Полли, не считая Рождества, когда она фотографируется с Санта-Клаусом. Полли любит играть с детьми, и, сколько бы яиц ни нашла она во дворе у Элнер, та всегда устраивает настоящую овацию и вручает именно ей самый главный приз. Однажды Полли получила в подарок ковбойский ремень, отделанный серебром и камушками, а в придачу два пистолета с пистонами — с ними она любит играть по сей день.

Бедняжка Полли: ей уже сорок два года, но у нее тяжелая умственная отсталость и мышление шестилетнего ребенка. Ей никогда не понять, куда делась миссис Шимфизл, почему ее больше нет рядом. «Не стану ей пока говорить, — решила Луиза. — Просто дам ей пакет зефира, и пусть она порадуетса еще немного». На полпути к дому Луиза поняла, что забыла на прилавке покупки, — пришлось возвращаться. Ей все не верилось, что Элнер Шимфизл умерла. Элнер, чистая и светлая душа. Умерла. «Где-то она сейчас?» — размышляла миссис Фрэнке.

Луиза не сомневалась, что если есть на свете рай, то Элнер наверняка там.

Вот так сюрприз!

Идя рядом с Элнер по коридору, Дороти предложила:

— Можем устроиться в столовой или на веранде. Где лучше?

— Давайте на веранде, — отвечала Элнер.

— И правильно. Погодка сегодня дивная, мне тоже хочется на веранду.

Следуя за Дороти, Элнер услышала в гостиной, откуда Дороти вела когда-то свою программу, завывания — кто-то играл на трубе «Ты солнце мое».

— Неужто Эрнест Кунитц? — предположила Элнер.

Дороти подтвердила:

— Он самый. Поздоровайтесь с ним, пока я принесу пирог. Эрнест будет рад.

Элнер подошла к дверям, заглянула в комнату: и вправду Эрнест Кунитц! С плохоньким шиньоном, в вечном костюме в черно-белую клетку и в красном галстук-бабочке.

— Здравствуйте, Эрнест! А это я, Элнер Шимфизл.

Эрнест поднял глаза и просиял при виде Элнер.

— Здравствуйте! Давно вы здесь? — Он подошел к Элнер и, придерживая трубу, пожал ей руку.

— Совсем недавно. Меня искусили осы, и я свалилась с лестницы, так что прошу прощения за халат. А с вами что стряслось?

— Ехал к зубному врачу и на автостоянке упал без сознания — сердце. Как раз вовремя, а то пришлось бы раскошелиться на новые вставные зубы.

— Ага, понятно... Ну? Как себя чувствуете, Эрнест?

— Теперь-то отлично. Я хворал, зато сейчас здоров как никогда. Вот уже сто лет не играл, а теперь снова могу. Лучше места на свете нет, верно? С минуты на минуту придет Джон Филипп Соуза,^[7] великий маэстро, он обещал дать мне несколько уроков. Разве не здорово?

— Замечательно! Учиться никогда не поздно, даже после смерти.

Эрнест огляделся:

— И чудесно, что старый дом на месте. Когда его сносили, я думал, это конец. Еще думал, что умру — и все, конец. А я здесь! Вот так сюрприз!

— Приятный сюрприз. А хрустальная лестница?! Чудо, правда?

Эрнест вытаращил глаза:

— Какая лестница?

Элнер сообразила, что он, должно быть, попал сюда другим путем:

— А как вы добирались?

— На новеньком «кадиллаке» с откидным верхом и подогревом сидений!

— Ясно...

— Со всеми своими виделись?

— Пока только с Идой, но ведь я только что сюда попала. Если все пройдет благополучно, то со всеми встречусь. Ах, мечтаю снова увидеть мужа, Уилла.

Услышав, как хлопнула входная дверь, Элнер заторопилась:

— Мне пора. Просто зашла с вами поздороваться... удачи вам с уроками.

— Спасибо! До скорого! Удачи!

— Благодарю! — По пути на веранду Элнер усмехалась себе под нос: Эрнест при жизни был такой мрачный, зато сейчас не нарадуется, что умер! Кто бы мог подумать?

Утешение

Час спустя Мэкки вновь сидел рядом с Нормой, держал ее за руку и старался успокоить, да только слова утешения иссякли. На его счастье, в конце коридора показалась пасторша Нормы, Сюзи Хилл. Норма увидела ее — и в слезы.

— Сюзи, Сюзи! Она умерла. Нет больше тети Элнер.

Женщины обнялись.

— Я приехала, как только услышала. Норма всхлипнула:

— Спасибо, что пришли, но как вы узнали? Мы ведь пока никому не звонили.

— Ирен Гуднайт мне сказала по телефону.

— Ирен? — переспросила заплаканная Норма. — А она откуда знает?

— Наверное, кто-то позвонил Руби из больницы.

— Пора мне всех обзвонить.

Сюзи успокоила Норму:

— Не надо, все уже знают и соболезнуют. Руби и Тотт просили передать, что наводят у Элнер порядок, так что не тревожьтесь об этом.

— Ах, я совсем забыла про дом. Наверняка он стоял нараспашку. Тетя Элнер никогда дверей не запирала. — Норма опять глотала слезы. — Я всегда боялась, как бы ее не ограбили и не убили во сне, но даже представить не могла, что ее погубят осы! — И заплакала навзрыд.

— Знаю, Норма, это большая потеря, и вам будет не хватать тети Элнер, — утешала ее Сюзи, — но зато сейчас она в лучшем мире.

— Вы и вправду так считаете? — спросила с надеждой Норма.

— Я совершенно уверена, что она обрела покой и счастье.

Мэкки, улучив минуту, пошел позвонить на работу и отпроситься на несколько дней. Он, разумеется, не верил, что тетя Элнер на небесах, но раз Норме от этого легче, пусть так и думает. Пусть. Сам он давным-давно перестал строить воздушные замки. Он был на войне и видел, как людей разрывало на куски на его глазах. Таких ужасов насмотрелся, что не осталось у него никакой веры, только в «здесь и сейчас». Хорошо, конечно, если тетя Элнер в раю, да только сказки все это.

Пирог

Сидя с Дороти на веранде за чашкой кофе с пирогом, Элнер любовалась красотой вокруг. Пока она беседовала в комнате с Эрнестом, небо стало цвета морской волны — такого дивного оттенка Элнер в жизни не видела. По всему двору расхаживали горделивые розовые фламинго, в пруду, окаймлявшем дом, плавали огромные синие лебеди с янтарными глазами, а над головой порхали крохотные радужные пташки.

— Вы любите птиц? — спросила она Дороти.

— Очень.

Элнер продолжала:

— Вот интересно: Эрнест сюда прикатил на «кадиллаке».

— Мы стараемся сделать путешествие приятным. Сестра ваша приплыла на «Куин Элизабет», в каюте первого класса.

— Попали в точку! — засмеялась Элнер. — Не иначе как Мэкки сюда пожалует на моторной лодке, в которой обожает рыбачить.

— Может быть. — Дороти подлила Элнер кофе. — Мы с Реймондом всегда говорим: если чего-то очень хочешь — непременно получишь. А люди все разные: кому подавай парусник, а кому личный самолет. На прошлой неделе к нам прикатила парочка на мотоцикле «Харли-Дэвидсон».

— А почему я поднималась на лифте, который ходил ходуном?

— Вы ведь любите кататься на аттракционах в парке.

Элнер хихикнула:

— И то правда. Вы с Реймондом так стараетесь, чтобы после смерти всем было хорошо!

— Стараемся.

— Ей-богу, знали бы люди, какая здесь благодать, — форменный мор начался бы.

Дороти рассмеялась.

— Люди не должны сюда попадать раньше времени, но у нас и впрямь совсем не страшно. — Дороти указала на пурпурные глицинии и крошечные белоснежные розочки, увивавшие изгородь: — Взгляните! Дивная сейчас пора, согласны?

— Конечно! Особенно здесь. Я будто попала в картинку из журнала. — Элнер принялась за добавку пирога. Проглотив кусочек, она посмотрела на Дороти: — Честное слово, такого отменного домашнего пирога мне не доводилось есть с тех самых пор, как вы умерли. Не знаю, как он у вас

получается таким нежным и пышным, у меня никогда так хорошо не выходит.

— Рецепт сохранился, что я давала по радио?

— Да, в кулинарной книге, и я все делаю как положено, но как у вас не получается.

— В следующий раз нагрейте духовку до ста девяноста градусов — возможно, для пирога жару маловато.

— Попробую, спасибо за совет. Кстати, очень приятно было познакомиться с Реймондом, он просто чудо.

Кивнув, Дороти налила себе еще чашку кофе.

— Да, он очень добрый и все принимает близко к сердцу.

— Я так и поняла.

— У него душа болит, когда люди не ладят друг с другом. Он считает, что почти все зло в мире — от радикалов и фанатиков. Мол, шуток не понимают, сами злобствуют и других доводят до белого каления.

— Может быть, он и прав, Дороти. Если подумать, у рядового фанатика с чувством юмора туго.

— Пожалуй, — согласилась Дороти. — А когда злишься, невозможно быть счастливым.

— Никак невозможно.

— Но есть у меня подозрения, что дело в другом. — Дороти оглянулась на дверь, не идет ли Реймонд, и зашептала: — Боюсь, Реймонд слегка промахнулся с гормонами — отпустил мужчинам больше тестостерона, чем нужно. Сами посудите, Элнер... ведь почти все войны затевают мужчины.

— Верно подмечено. — Элнер откусила еще кусочек. Дороти вздохнула.

— И все-таки Реймонд умница. Старался как мог, и хорошо, что разрешил мне помогать, ведь все его творения — океаны, деревья и прочее — сперва вышли грязно-серыми. Он цвета различает совсем плохо, я до сих пор ему подбираю носки, чтоб не синий в пару к коричневому.

— Как удачно, что вы вовремя спохватились, — сказала Элнер. — Только представьте грязно-серый мир — сплошная скука.

— Спасибо. Однако, знаете, Элнер... — отозвалась Дороти задумчиво, — боюсь, не ошиблась ли я с цветом.

— В чем же, милая?

— Я имею в виду людей. Может, не надо было разных цветов кожи? Признаться, я каюсь. Не ожидала от этого стольких бед.

— Не расстраивайтесь, Дороти, теперь все по-другому. Моя

племянница Линда недавно удочерила китаяночку, и цвет лица у малышки чудесный, все восхищаются.

— Что ж, будем надеяться на лучшее. Кстати, Реймонд, несмотря на все трудности, очень верит в будущее.

— После разговора с ним и у меня на душе полегчало, — сказала Элнер. — Хотя и раньше было не особо тяжело.

На веранде появился Реймонд:

— Дорогие дамы, простите, что помешал, но Элнер пора назад.

Дороти глянула на часы:

— Ой! Мы так мило беседовали, я вас задержала.

Элнер опешила:

— Я здесь не насовсем?!

— Нет, — покачал головой Реймонд. — Очень жаль расставаться, но придется вас отправить домой.

— Я даже с Уиллом не повидаюсь?

— В другой раз, — ласково пообещала Дороти.

Элнер медленно отставила чашку.

— Что ж... Очень жаль, конечно. Хотелось с Уиллом повидаться... Но это не от меня зависит. Рада была снова вас увидеть, Дороти, и с вами побеседовать, Реймонд.

— Взаимно, дорогая моя, — отозвался Реймонд.

Дороти завернула в салфетку кусок пирога:

— Вот, милая, это на дорожку.

— Лучше пусть вам останется на потом, — попробовала отказаться Элнер.

— Берите, берите, у меня еще половина осталась — боюсь, нам и ее не осилить.

— Спасибо. — Элнер встала из-за стола и спрятала пирог в карман. — Вы знали, чем меня порадовать. — Она перевела взгляд с Дороти на Реймонда и обратно. — Что я могу для вас сделать?

Реймонд, подумав, отвечал:

— Передайте там всем, что все не так уж плохо, с каждым днем все больше людей получают образование, все больше женщин голосуют на выборах, развиваются новые технологии, идет вперед медицина...

— Минуточку, Реймонд... — Элнер искала глазами карандаш. — Можно я запишу?

— Не надо. Просто передайте, что мы всех их любим и стараемся для них и что надо держаться, ведь впереди столько всего хорошего. Что-нибудь еще, Дороти?

Дороти добавила:

— И помните, что счастье — дело их собственных рук. В мире много солнца, и счастье зависит от каждого из вас.

— Поняла, — кивнула Элнер, стараясь удержать все в памяти. — Впереди много хорошего, счастье — дело наших рук... что-нибудь еще?

Дороти переглянулась с Реймондом, и тот помотал головой:

— Нет, это самое главное.

Элнер вдруг почувствовала, как халат ее надулся теплым воздухом. Она медленно и плавно слетела с крыльца во двор, словно огромный воздушный шар, и оторвалась от земли. Поднимаясь все выше, Элнер внизу увидела Реймонда и Дороти среди розовых фламинго и синих лебедей, они улыбались и махали ей на прощанье.

— До свидания, Элнер! — кричали Реймонд и Дороти.

— Счастливо оставаться... спасибо за пирог! — крикнула она в ответ, уносясь ввысь и пролетая мимо водохранилища Элмвуд-Спрингс в сторону Канзас-Сити.

Прощание с Элнер

14:46

Подняв глаза и увидев Линду, спешившую ей навстречу по коридору, Норма вновь залилась слезами. Немного придя в себя, мать и дочь завели речь о вскрытии: не надо этого делать. Зачем, сказала Линда, — тетю Элнер все равно не вернешь. Смерть так жестока, так бесповоротна. Надо отпустить тетю Элнер с миром — к чему длить мучения? Решили исполнить ее волю и предать останки кремации. При слове «останки» Норма снова разрыдалась. Как можно человека, что еще утром был жив-здоров, называть «останками»? Преподобная Сюзи Хилл сказала:

— Знаю, как вам тяжело, Норма, но, наверное, она одобрила бы.

Мэкки и Линда ее поддержали. Мэкки сказал ждавшей их молодой медсестре, что они готовы проститься с тетей Элнер. Норма позвала и Сюзи, но та отказалась:

— Там должны быть только родные, идите втроем, а я подожду в коридоре.

Норма, Мэкки и Линда прошли к палате Элнер, молоденькая медсестра отворила дверь, и, шагнув внутрь, они тихонько приблизились к кровати. Мэкки обнял Норму, взял за руку Линду; они стояли рядышком, глядя на тетю Элнер. Медсестра отошла в сторону, чтобы родные простились с покойной, прежде чем ее отправят в нижний этаж. Вопреки ожиданиям Линды, смотреть на тетю Элнер оказалось вовсе не страшно. Правильно сказал отец: будто только что уснула. Норма прижалась к Мэкки, глаза ее вновь блеснули от слез. Элнер лежала так тихо, так безмятежно — не поверишь, что умерла. Все молчали, тишина стояла такая, что каждый мог слышать свое дыхание. Так и замерли они в мертвом молчании, каждый мысленно прощался с Элнер...

— Ты на меня, конечно, сердишься, Норма, но если б не осы, я бы не упала, — раздался голос тети Элнер.

Мэкки отпрыгнул от кровати на добрый фут:

— Господи Иисусе!

Молоденькая медсестра, что застыла в изножье кровати, издала леденящий душу вопль и пулей метнулась из палаты, вереща во все горло. Линда тоже вскрикнула, выронила сумочку и выскочила следом. Мэкки и рад бы пуститься бежать, да ноги не слушались, он прирос к месту. А

Норма, у которой не хватило сил даже упасть в обморок, сказала:

— Тетя Элнер! Что же вы делаете — притворяетесь мертвой? Вы хоть представляете, как вы нас всех переполошили? Мы уже и Линду сюда вызвали, и все такое прочее!

Элнер хотела ответить, но ей не дали рта раскрыть: из переговорного устройства раздался истошный женский вопль:

— Тревога! Тревога! Палата 212, тревога!

Миг спустя по коридору словно стадо диких бизонов загрохотало — врачи и медсестры вломились в палату, сметая все на своем пути, толкая перед собой приборы и три-четыре капельницы, придавив к стене Норму и Мэкки. Молодой врач из приемного покоя влетел в палату, увидел, что Элнер приподнялась на локте и разговаривает, побледнел как полотно и принялся диким голосом выкрикивать приказы. Люди и техника все прибывали, Мэкки и Норму оттеснили в коридор. Осознав до конца, что случилось, Норма вновь упала без чувств.

А Элнер обступили вопящие доктора и сестры, подключили сразу к нескольким приборам, перенесли с кровати на каталку и помчали по коридору. Пронесаясь мимо Линды со скоростью не меньше сорока миль в час (та прижалась к стене, все еще не в силах оправиться от ужаса), Элнер крикнула: «Это моя племянница! Эй, Линда!» Тем временем медсестричка, что первой выскочила из палаты, уже преодолела шесть лестничных пролетов, едва не сбив с ног Бутс Кэрролл, с визгом выскочила в вестибюль, распахнула двойные стеклянные двери и во весь дух бросилась мимо автостоянки вдоль по улице. В каких-нибудь пять минут больница забурила слухами. Старушка ожила и заговорила! Пролетая на каталке мимо преподобной Сюзи Хилл, застывшей в конце коридора, Элнер окликнула ее.

— Что вы здесь делаете. Сюзи? Это пасторша из церкви, куда ходит моя племянница, — объяснила она сопровождавшей ее медсестре. Когда каталку ввели в лифт за углом коридора, Элнер спросила: — Куда меня везут?

Медбрат рявкнул:

— Тише, миссис Шимфизл! Спокойно!

Элнер пробормотала себе под нос:

— Я-то спокойна, это вы кипятитесь.

Двери лифта открылись, и Элнер вновь повезли по коридору — в отделение интенсивной терапии. Там ее усадили, сняли халат и стали подключать ко всевозможным приборам. Слегка устав от суматохи, Элнер попробовала возразить:

— Мне пора домой! Норма с семьей приехала меня забрать, да и Сонни наверняка голодный...

А врачи и сестры будто и вовсе ее не слышали — знай себе обсуждали ее пульс, температуру, дыхание, глядели на экраны, выкрикивали числа. Элнер рассудила, что с ней все в порядке, поскольку на вопросы врачей сестры отвечали: «Стабильно», «Нормально». «Вот выберусь отсюда, — пообещала себе Элнер, — ноги моей больше не будет в больнице. Сюда только попади — живым не выпустят».

— Больно? — спрашивал доктор, ощупывая Элнер там и сям. И, не дожидаясь ответа, распорядился: — Везите вниз. Срочно томограмму!

И опять ее куда-то повезли... и снова коридоры, снова лифт.

Несколькими этажами ниже Элнер ввели в кабинет с аппаратом, смахивающим на гигантскую стиральную машину.

Пока ее перекладывали с каталки на каталку, Элнер осторожно спросила:

— Меня засунут в эту штуковину?

— Ненадолго, — объяснила славная медсестричка, которую Элнер до сих пор не видела.

— Больно будет?

— Даже не почувствуете, миссис Шимфизл.

— А зачем это?

— Нужно убедиться, что нет переломов или еще чего-нибудь опасного для здоровья. Вы боитесь закрытых пространств?

— Вроде никогда не боялась...

— Если хотите, могу дать наушники. Какую вы музыку любите?

— Замечательно! Нет ли у вас старых добрых церковных гимнов? Мне очень нравится Минни Оутмен.

Медсестра покачала головой:

— Такого у нас нет. Могу включить радио.

— А Бада и Джея можете поймать?

— Кого? Попробую. А частоту вы знаете?

— Нет... Ну да ладно, наверняка передача уже кончилась, полежу в тишине.

— Хорошо, миссис Шимфизл, я буду здесь, за стенкой, — сказала медсестра. — И приду, как только закончим, хорошо?

Оказавшись внутри, Элнер подумала, что совсем потеряла счет времени. Когда она в последний раз смотрела на часы, было восемь утра, но если Линда успела прилететь из Сент-Луиса... Куда, спрашивается, пропал день? — огорчилась Элнер.

Бутс звонит Руби

14:59

Бутс Кэрролл возилась с бумагами у себя на посту, когда пришел приказ исправить состояние миссис Шимфизл с «умерла» на «удовлетворительное». «Что?!» — ахнула Бутс. С приказом в руке она бросилась наверх и отыскала дежурную медсестру, от которой и узнала новость.

— Что за чертовщина творится с данными миссис Шимфизл?

Дежурная сестра, сделав испуганное лицо, прошептала:

— Доктор Хенсон ошибся, она снова в интенсивной терапии, сидит на кровати, разговаривает.

— Вы уверены?

— Еще бы... Ее провезли на каталке пару минут назад, она привстала и махнула мне рукой.

— Боже мой! Ох и не поздоровится же кому-то! А родные знают?

— Да. Старушка при них в палате заговорила. Племянница сразу в обморок бух! — Сестра кивнула на кучку людей, негромко переговаривавшихся в глубине коридора.

— Подойду к ним через минуту — сначала нужно позвонить.

Руби дома не оказалось. Бутс позвонила в сестринскую, где ей дали номер сотового Руби.

А Руби разбирала холодильник Элнер, выбрасывая все, что может испортиться, — Норме в ближайшие дни будет не до того. Когда зазвонил ее сотовый, Руби изучала пакет молока, выискивая срок хранения.

— Алло!

— Руби, это Бутс. Слушай, врачи перепутали, миссис Шимфизл не умерла!

— Что?

— Ее только что вернули в реанимацию. Она очнулась, чувствует себя хорошо — так мне сейчас сказали. Не знаю, в чем дело, но я как услышала, сразу тебе позвонила.

Руби застыла как громом пораженная.

— Она жива? А я ее молоко чуть не выбросила!

— Прости меня, Руби, путаница вышла. Зла не хватает на этих тупиц наверху, поубивала бы всех! Говорю тебе, знала бы ты хоть половину тех

безобразий, что здесь творятся, — у тебя волосы встали бы дыбом!

Руби вздохнула:

— Силы небесные... Сейчас всех обзвоню и успокою... А мы-то уже похороны собрались устраивать!

Бутс повесила трубку, на душе у нее было скверно: она нарушила врачебную тайну. Руби — ее коллега, они вместе учились в школе медсестер, но если кто узнает, что Бутс разгласила сведения о больной постороннему человеку, ее уволят — от пожилых сестер спешат избавиться. Правда, Руби ее точно не выдаст. По неписаному профессиональному закону медсестры всегда могут друг на друга положиться. Бутс была права: Руби ни за что бы не проболталась. Однако сейчас Руби некогда было даже порадоваться, что Элнер жива, — надо было срочно браться за телефон, чтобы весть о смерти Элнер не разнеслась дальше. Первым делом Руби позвонила в салон красоты. Полчаса назад Тотт пришлось вылезти из постели и потащиться на работу: Дарлин никак не могла подобрать краску для волос Беверли Кортрайт.

— Салон красоты, — сняв трубку, сказала Тотт.

— Это Руби. Мне только что перезвонили из больницы. Элнер жива!

— Что?

— Вышла путаница, так что звони всем, кому успела рассказать, срочно. Ну, все. — Руби положила трубку.

«Боже милосердный! — пронеслось в голове у Тотт. — Путаница? А тут весь салон рыдает, оплакивает Элнер Шимфизл!»

Тотт обошла комнату, выключила фены, велела всем вынуть затычки из ушей, а Дарлин — закрыть кран и оставить в покое волосы Беверли Кортрайт. Когда все приготовились слушать, Тотт объявила:

— Только что позвонила Руби Робинсон. Элнер Шимфизл, оказывается, жива. В больнице ошиблись.

Все разинули рты, по залу прокатилась волна изумленных ахов и охов. Мэри Ларкин уронила на пол журнал «Модные стрижки», а Люсиль Уимбл расплескала кофе на платье. Весь прошедший час они лили слезы и сокрушались, как им будет не хватать Элнер. Кое-кто уже прикидывал, в чем идти на похороны и какую запеканку отнести Норме. Кошмар! Люсиль трясло от возмущения.

— В жизни не слыхала такого бреда! — кипятилась она, промокая платье салфеткой. — Какая муха их укусила? Объявили о смерти Элнер, всех довели до слез, я настроилась на похоронный лад — а выходит, не из-за чего?

Вики Джонсон поддержала ее:

— Даже не знаю, смеяться мне или рыдать.

— Вот так новость! — покачала головой заплаканная Беверли Кортрайт. По щеке у нее текла коричневая краска. — Голова кругом!

— Точно, — подхватила Дарлин, выуживая из кармана полшоколадки. Тотт сказала:

— Мне проще: час назад пришлось выпить две таблетки успокоительного. Зато когда они перестанут действовать, наверняка истерика начнется.

Калифорнийская племянница Элнер изучала в Интернете расписание рейсов из Сан-Франциско в Канзас-Сити. Не зная, когда похороны, она на всякий случай смотрела все рейсы. Зазвонил телефон. Это снова оказался Мэкки, и голос у него был расстроенный.

— Дина, объяснять нет времени, скажу главное: тетя Элнер жива — произошла ошибка.

— Что?!

— Жива. Извини за первый звонок, нас самих ввели в заблуждение. Врачи что-то там напутали, тетя Элнер сейчас в интенсивной терапии, я перезвоню, как только будут новости... Я побежал, у Нормы истерика...

Пока Дина столбом стояла с трубкой в руке, в дверях возник ее муж.

Дина уронила трубку и бросилась к нему с объятиями:

— Джерри, Джерри! Тетя Элнер жива! Какое чудо, правда?

Джерри, ничего не понимая, улыбнулся, прижал Дину к себе.

— Конечно, радость моя. Это замечательно.

Заперев все двери в доме Элнер, Руби поспешила к себе. Увидев через дорогу Мерла, крикнула:

— Элнер жива! Позвони Вербене!

Мерл застыл, изумленный:

— Что?

— Передай. Элнер очнулась! — С этими словами Руби скрылась за

дверью своего дома.

Мерл со всех ног ринулся к себе и тотчас позвонил жене в химчистку.

— Угадай, что случилось! — выпалил он. — Руби только что звонили из больницы, Элнер, как выяснилось, не умерла.

— Как это?

— Не умерла.

— Мерл! — Вербена скривилась. — Брось чушь пороть, у меня два человека в очереди.

— Клянусь, чистая правда. — Мерл воздел правую руку к небу, словно Вербена могла его видеть. — Жива!

— На шутки потянуло?

— Ничего подобного. Сказали, очнулась и все такое прочее.

Вербена перевела взгляд на заказчиков по ту сторону стойки и воскликнула:

— Элнер жива! Слава тебе, Господи! А я все утро убивалась. Ну, дай ей Бог здоровья. Выкарабкалась.

Едва заказчики, зная не знавшие, кто такая Элнер, ушли из химчистки, Вербена от радости, что ее соседка и подруга жива, запрыгала по комнате с восторженными криками: «Слава тебе, Господи!» И лишь после третьего прыжка вспомнила, что натворила. Кто ее дернул звонить на радио и сообщать Бадю о смерти Элнер?

На другом конце города, в похоронном бюро, Нева подошла к телефону.

— Нева, это Тотт... Ложная тревога.

— В каком смысле?

— Передай Арвису, мне очень жаль, но оказалось, Элнер Шимфизл не умерла. — Тотт повесила трубку.

Нева растерялась. Все еще не вполне веря услышанному, она прошла к комнате, где работал Арвис, заглянула и передала ему новость слово в слово:

— Арвис, звонила Тотт Вутен. Просила передать, что ей очень жаль, но Элнер Шимфизл, оказывается, не умерла.

Арвис поднял глаза:

— Не понял?.. Нева задумалась над только что сказанным.

— Погоди минутку. Что-то здесь не то... Я не уверена, что Тотт имела в виду: то ли ей жаль, что Элнер не умерла... то ли она жалеет, что нам сказала о ее смерти?

Арвис округлил глаза:

— Неужто Тотт запила?

— Не знаю. Но надо придумать, что делать с кучей цветов.

— Похоже, у Тотт с головой не все в порядке: обзвонила всех с новостью о смерти Элнер Шимфизл, а теперь... Звякни Вербене — убедись, что Тотт не наклюкалась и не спятила, а уж потом разбирайся с цветами.

Нева набрала номер Вербены, но у той было занято: она звонила на радио.

Бад, один из ведущих «Шоу Бада и Джея», задержался в студии и успел принять второй звонок Вербены.

— Бад, — начала она робко, — это Вербена Уилер из Элмвуд-Спрингс. У меня просьба... мм... объявите, что я сказала об Элнер Шимфизл неправду. Это ошибка, она оказалась жива.

— Что?

— Так и есть, Бад. Выкарабкалась, несмотря ни на что. Хвала Создателю.

Повесив трубку, Бад поклялся больше никогда не давать в эфир непроверенных сведений. Теперь понятно, каково журналистам из «Си-эн-эн» и «Фокс ньюс», когда те ошибаются в новостях. Он набросал записку для Билла Доллара, ведущего дневной программы «Билл Доллар и Патти», — тот уже был в эфире. Пусть сделает срочное объявление. Через пару минут, когда Патти закончила рекламу, Билл, пробежав глазами записку, произнес в микрофон:

— А у нас ведь, Патти, ошибочка вышла. По словам Бада, миссис Элнер Шимфизл из Элмвуд-Спрингс не умерла, как было объявлено утром в программе «Обмен-Продажа», а жива-здорова. Просим прощения, друзья... Как сказал Марк Твен, «слухи о моей смерти оказались сильно преувеличены». Именно так вышло и на этот раз.

Патти со смехом крикнула Баду в аппаратную:

— Эй, Бад! Поспешил с миссис Шимфизл? Вот удивилась бы она, если

б слышала! Что ж... добро пожаловать обратно в мир живых, миссис Шимфизл!

* * *

Когда объявление передали по радио, Лютер Григз был уже в другом штате, где нужная радиостанция не ловилась, и по-прежнему думал о том, как много сделала для него мисс Элнер. Что греха таить, он отсидел полгода за то, что обчистил фургон папашы и его второй супружницы, пока те были в Нэшвилле на концерте Клинта Блэка. Взял он лишь то, что принадлежало ему по праву, — охотничьи ботинки, ружье, четыре серебряных доллара с портретом Кеннеди и телевизор, который папаша прибрал к рукам, когда вышвырнул сына из дому. Но Лютера все равно судили за кражу со взломом, и Элнер прислала ему в тюрьму инжирное варенье с запиской:

Дружок, об одном тебя прошу: не вздумай делать татуировки.

Лютер мечтал о наколке: огненный меч с надписью «Храни Бог», однако ради мисс Элнер отказался от этой затеи. Среди его ровесников и ровесниц лишь у него одного не было ни татуировок, ни даже кольца в носу, а все потому, что он не хотел огорчать мисс Элнер. Эх, на похороны не успеть... Когда-то Элнер просила Лютера прийти на ее похороны, чтобы помочь нести гроб, но потом передумала, решив, что кремация веселее. Лютер расстроился: он-то мечтал, как войдет в церковь, а за спиной его будут шептаться: «Это Лютер Григз. Она в нем души не чаяла. Он ей был как сын». И все такое прочее. Наверное, после похорон он стоял бы среди ее родни, может быть даже рядом с Линдой, и всем пожимал руки. А потом его позвали бы на поминки. Как проходят похороны, Лютер знал лишь понаслышке, но уж если ему доверили нести гроб, без него нигде не обошлись бы. Раньше при одной мысли его распирало от гордости, а теперь что? Мисс Элнер умерла, и у него никого больше нет на целом свете, даже карточки мисс Элнер не осталось. Как-то летом он работал помощником дезинсектора и заходил в красивые дома, уставленные семейными фотографиями. Фотографий своей семьи Лютеру, конечно, не надо, зато от портрета мисс Элнер в рамке он бы не отказался. Поставил бы на самое видное место, на комод.

По дороге Лютер все обдумал: нужно будет попросить у миссис Уоррен фотографию мисс Элнер ненадолго, отнести в фотостудию в

универмаге «Уолмарт», и пусть там сделают копию. Жаль, нет карточки, где они вдвоем. Разве что сфотографироваться в студии, а там сделают монтаж, будто они вместе? Кстати, в сувенирном магазине, рядом с искусственными цветами, помнится, он видел очень подходящие рамки.

Счастливые времена

15:38

Пока Элнер просвечивали от макушки до пяток, она заскучала и пожалела, что не взяла у медсестры наушники. Чтобы скоротать время, прикрыла глаза и унеслась мыслями далеко-далеко, на много лет назад. Вспомнилась ей старая ферма; вот ее муж Уилл, пашет на муле далеко в поле и машет ей рукой. Элнер улыбнулась невольно при мысли о самом лучшем времени дня, когда Уилл, закончив работу, барабанил в дверь и звал: «Эй, где моя красотка-женушка?» Позже Уилл выходил из ванной и они садились за сытный ужин — мясо, свежие овощи, сладкое, — а остаток вечера вместе слушали радио или читали. Спать ложились в полдевятого, в крайнем случае в девять.

Уилл был родом из Кентукки. С Элнер он познакомился, когда колесил по стране, держа путь в Калифорнию, и отец Элнер, жена которого умерла шесть лет тому назад, нанял его на пару недель поработать на ферме. Элнер, старшая из девочек, хлопотала по хозяйству и растила младших сестреночек. В те две недели Элнер кормила Уилла, но не услышала от него и пары слов, кроме «очень вкусно» и «спасибо, мэм».

В день его отъезда Элнер с отцом и сестрами сидели на крыльце. Уилл подошел, снял шляпу и сказал:

— Мистер Нотт, могу я перед отъездом поговорить с вашей дочерью?

Генри Нотт, двухметровый богатырь, кивнул:

— Конечно, сынок. Валяй, не стесняйся.

Уилл был парнишка тихий, но Элнер понравился, и она рада была, что ему приглянулась одна из ее сестер. Наверное, Герта — стройная, рыжеволосая. Или Ида — зеленоглазая красавица-брюнетка. Ей всего шестнадцать, но от парней уже нет отбоя. Элнер, рослая и крепкая, пошла в отцовскую породу; женихов у нее никогда не водилось, да в тени красавиц-сестер она и не надеялась на жениха. Однако в тот день коротышка Уилл Шимфизл — полтора метра с кепкой и пятьдесят килограммов цыплячьего веса — со шляпой в руке шагнул прямо к ней.

— Элнер-Джейн... — начал он, откашлявшись. — Как только скоплю денег на свою ферму, я намерен вернуться и попросить вашей руки. Вот что мне нужно узнать до отъезда: могу ли я надеяться?

Элнер предложение застало врасплох. Она вспыхнула, подскочила и со

слезами на глазах кинулась в дом. Не зная, что думать, Уилл обратился к мистеру Нотту за помощью:

— Сэр, это «да» или «нет»?

Отец Элнер был ошарашен не меньше.

— Запросто могло быть и то и другое, сынок, — попробуй пойми этих женщин. Схожу-ка разузнаю. — Он последовал за дочерью и постучал в дверь спальни: — Элнер! Парнишка ждет ответа, скажи что-нибудь. Не уйдет ведь!

Элнер за дверью разрыдалась еще громче. Отец отворил дверь, вошел и сел рядом с ней на кровать. Элнер подняла на него заплаканные глаза:

— Я не ожидала... Что ответить? Не знаю...

Отец погладил ее по руке:

— Сама решай, детка. Подойдет тебе эдакая малявка в мужья или нет?

По щекам Элнер в три ручья лились слезы.

— Кажется... да, папа, — сказала она и зарыдала пуще прежнего.

— Думаешь? — Настал черед отца удивляться. Такого он явно не ожидал. Хоть ему и больно было отпускать от себя Элнер, но он ответил:

— Что ж, ласточка, для мужа он, конечно, мелковат, зато работник отменный, и если он тебе по сердцу, так и скажи. Выйди и дай согласие.

— Не могу. Лучше ты.

Отец возразил:

— Ему бы, дочка, это услышать от тебя... Ну да ладно. — Он поднялся, вышел на крыльцо и произнес, удивленно качая головой: — Ничего не понимаю, сынок. Она согласна.

Младшие сестры с радостным визгом бросились в дом, к Элнер. Уилл, сияя от счастья, шагнул навстречу мистеру Нотту и пожал ему руку.

— Спасибо вам, сэр, спасибо. Передайте ей, что я скоро вернусь.

— Передам. — Мистер Нотт взял Уилла за плечо, отвел в сторонку и сказал тихо, чтобы никто не слышал: — Знаешь, сынок, что тебе досталось самое лучшее?

Уилл посмотрел ему прямо в глаза:

— Да, сэр, знаю.

Уилл сдержал слово — вернулся через полтора года и купил двадцать пять акров земли в десяти милях от фермы мистера Нотта. Элнер никогда и не мечтала выйти замуж, а уж тем более первой из сестер. Но позже Уилл рассказал ей, что выбрал ее с самого начала.

— Я сразу понял, что искал такую, как ты. И точка.

«Ты моя сильная, красивая женщина», — говаривал он. Странная вышла парочка — рослая, крепкая Элнер и маленький, тощий Уилл, но им

было хорошо вместе, и теперь Элнер не могла дожидаться, когда снова его увидит.

* * *

Тем временем в Элмвуд-Спрингс бедная Вербена Уилер, сгорая от стыда после звонка на радио, теперь жалела и о своем визите в редакцию к Кэти. В поисках совета она решила полистать Библию. Найдя вскоре подходящие строки, Вербена набрала номер Кэти.

— Кэти? Это Вербена. Хочу тебе прочесть кусочек из Евангелия от Луки, глава восьмая, стихи с пятьдесят второго по пятьдесят пятый.

«Боже правый, опять!» — подумала Кэти. Но вслух сказала:

— Слушаю, читайте.

— «Но Он сказал: не плачьте; она не умерла, но спит. И смеялись над Ним, зная, что она умерла. Он же, выслав всех вон и взяв ее за руку, возгласил: девица! встань. И возвратился дух ее; она тотчас встала».

Кэти терпеливо ждала объяснения, но Вербена молчала.

— И?.. — не выдержала наконец Кэти.

— У нас случилось то же самое. Элнер Шимфизл только что встала!

Что?

15:39

Франклин Пикстон, глава больницы Каравэй, высок, подтянут, холен и в свои пятьдесят два моложав. Всегда в модном костюме, полосатой рубашке, при галстук-бабочке и роговых очках. Настоящий большой начальник, чья главная задача — водить компанию с нужными людьми и добывать деньги для больницы, с чем он справляется блестяще. И он, и его жена — члены лучших клубов, дети учатся в престижных школах, а живут они, как подобает, в тюдоровском особняке из красного кирпича. Франклин Пикстон не намерен рисковать репутацией больницы из-за пустяка — подумаешь, пациентку по ошибке объявили мертвой.

Узнав о недоразумении, он по телефону велел дежурной сестре вызвать всех причастных сотрудников к себе в кабинет и запретил обсуждать казус с кем-либо из посторонних. После чего позвонил адвокату при больнице Уинстону Спрагу, большому знатоку в вопросах управления риском:

— У нас неприятность.

— Какая?

— Пациентку признали мертвой, а она через несколько часов заговорила.

— Тьфу ты черт! — вырвалось у адвоката.

— Да уж.

— Кому успели сообщить?

— По-моему, только родным.

— Так, так... — протянул адвокат. — Не берите на себя ответственность, вины не признавайте. Можете извиниться, но формально: побольше туману, поменьше подробностей. Не произносите слова «халатность», даже про себя. Я буду через полчаса. Встретимся внизу.

Молодой адвокат по прозвищу Чистюля Номер Два схватил портфель, где, как всегда, лежала наготове расписка об отказе от иска, набросил пиджак, пригладил волосы на затылке и глубоко вздохнул. Вперед, надо выиграть для Жулика дело. Жулик — его шеф, Чистюля Номер Один. Франклин Пикстон. Спраг мечтал пробиться в загородный клуб для избранных, и кто, как не Пикстон, может открыть ему дорогу туда? Вдобавок он рассчитывал к тридцати годам сколотить миллион, а для этого

все средства хороши. Девиз его — «Дави козьявок!». Лгать ему не впервой. Порядочность — удел слюнтяев. Он давным-давно бросил думать о том, что такое хорошо и что такое плохо. Для него остались лишь победы и поражения. Он презирал род людской, всех считал дураками, но сам при этом был человек заурядный: лжец, пройдоха, нахал.

Через полчаса рыжий адвокат вышел из лифта, а Франклин — из соседнего.

— Где ближайшая родственница? — спросил Франклин у дежурной в регистратуре. Девушка назвала шестьсот седьмую комнату.

Норма, очнувшись после обморока, сидела на кушетке в отдельной палате и пила апельсиновый сок под присмотром врача из приемного отделения.

— Миссис Уоррен? — вкрадчиво произнес Франклин. — Здравствуйте, я Франклин Пикстон, а это мой коллега Уинстон Спраг. Нам только что сообщили о случившемся... и я сразу приехал. Во-первых, как вы себя чувствуете?

Норма ответила:

— Все никак не могу прийти в себя, собраться с мыслями. Сначала мне сказали, что она умерла, потом — жива; сперва я места себе не находила от горя, потом — от радости, а сейчас меня будто об стенку ударили.

— Могу представить, — сочувственно покивал Франклин.

— Дочь моя так расстроена, бедняжка, а у мужа плохо с сердцем. Вот, смотрите! У меня даже волосы выпадают. — Норма показала несколько волосков и обратилась к врачу: — Могут от сильных потрясений выпадать волосы? Господи, неужели придется носить парик?

— Миссис Уоррен, чем мы можем быть вам полезны? Все мы очень жалеем о недоразумении и возместим все расходы на лечение вашей тети.

— Спасибо на добром слове, мистер...

— Пикстон.

— Но в этом нет нужды, мистер Пикстон, мы просто счастливы, что она жива, — изумлены, но счастливы.

— Миссис Уоррен, я настаиваю. Мы намерены возместить вам и вашей семье все... э-э... — Пикстон глянул на Спрага, ища подсказки.

— Неудобства.

— Правильно, все доставленные неудобства, — закончил Пикстон, и адвокат протянул ему бумагу, которую только что достал из портфеля. — А пока, будьте любезны, подпишите вот это.

— Что это? — спросила Норма. — Я уже подписала гору бумаг.

— Всего лишь небольшая формальность, чтобы, в случае чего, защитить ваши... м-м... и наши права. Лучше позаботиться об этом сейчас — и с плеч долой.

— От чего защитить?

Спраг спешно вмешался:

— На самом деле это для того, чтобы обезопасить вас от расходов, пока ваша тетя в больнице.

— А-а! — с понимающим видом отозвалась Норма. — Спасибо за заботу, но вы нам и так ничего не должны, ведь не по вашей вине это случилось.

Последние слова Нормы не просто ласкали слух Спрагу и Пикстону — они прозвучали для них бетховеновским концертом.

Норма продолжала:

— Если уж на то пошло, это мы должны перед вами извиниться. Мне так стыдно перед медсестрой! Бедная девушка, должно быть, до смерти перепугалась. Надеюсь, она уже пришла в себя. Говорят, она до сих пор не вернулась.

— Уверяю вас, с ней все будет в порядке, миссис Уоррен.

— Надеюсь. Простите, что я так разволновалась, два раза в обморок падала, но поймите, для вас это дело привычное, а для меня...

Оба Чистюли сочувственно закивали.

— Не за что извиняться, миссис Уоррен. Нам от вас нужна только эта расписка, чтобы все уладить.

Норма упорствовала:

— Я должна посоветоваться с мужем. Вряд ли он захочет, чтобы вы за нас платили. Счет наверняка выйдет огромный.

Вмешался адвокат:

— Не беспокойтесь, наша страховка покроет все расходы.

Франклин вставил:

— У нас такое сплошь и рядом...

Спраг поддакнул:

— Сплошь и рядом.

— Так и быть, — наконец сдалась Норма. — Мне как-то неловко, но раз уж вы настаиваете...

— Да, настаиваем — для нас это такая малость!

— Такая малость! — вторил адвокат.

Пока Норма подписывала бумагу, Пикстону и Спрагу хотелось прыгать от радости, но ни тот ни другой не подали виду. Норма лишь мельком

взглянула на документ, не дочитав даже до раздела об отказе от права привлечь руководство больницы к ответственности.

Мистер Пикстон достал визитку, написал от руки несколько цифр:

— Здесь и мой рабочий телефон, и домашний. Если вам или вашей семье что-нибудь понадобится, звоните, не стесняйтесь.

— Возьмите и мою визитку. — Адвокат протянул карточку. — Я на связи двадцать четыре часа в сутки.

Едва за Пикстоном и Спрагом закрылась дверь, Норма обратилась к доктору:

— Как великодушно с их стороны, не правда ли?

Доктор открыл было рот для ответа, но передумал и промолчал.

Остановившись с адвокатом у лифта, Франклин вполголоса бросил:

— Легко отделались.

Спраг вернулся к себе в контору, не испытывая ни малейших угрызений совести. Его обязанность — защитить интересы больницы, пока обо всем не пронюхал Гас Шиммер — ловчила, прохвост, мастер затевать иски против больниц — и не взял в оборот эту миссис Уоррен. Кто-то из сотрудников больницы доносит ему о любой мало-мальской небрежности, и больница терпит миллионные убытки. Счастье, что эта дура Уоррен подмахнула бумагу не глядя. Она имела полное право подать в суд: виноваты медики, никто другой. Но какова цена ошибки? Миллионы долларов — не слишком ли? Это же не убийство пациента, упаси боже.

Франклин Пикстон отправился напрямик в кабинет. Формальности с миссис Уоррен улажены, однако нужно разобраться, что же все-таки случилось. Пикстон снял трубку внутреннего телефона:

— Бренда, список всех, кто дежурил сегодня утром, немедленно мне на стол.

Одну из дежуривших, молодую медсестру, что час назад с визгом выскочила из палаты Элнер, мать встретила на машине на углу Седьмой и Одиннадцатой улиц, в двух милях от больницы. По пути домой она в очередной раз спросила дочь:

— Может, тебя все-таки отвезти на работу?

— Говорю же, не вернусь я туда! С меня довольно.

— Нельзя просто так взять и бросить.

— Еще как можно.

— И пропадай твой сестринский диплом?

— Если мертвецы встают и начинают говорить — к чертям все дипломы.

— А дальше что?

— Подамся в маникюрши, как и мечтала.

Мать вздохнула:

— Что ж, твоя жизнь — тебе и решать.

После томограммы

16:30

Чуть позже, после томограммы, Элнер отвезли на каталке в палату интенсивной терапии и вновь подключили к приборам. Норма уже снова ждала в приемной вместе с остальными, гадая, что там с тетей Элнер. Мэкки понемногу терял терпение. Наконец он подошел к регистратуре и спросил у дежурной, где Элнер и почему к ним никто не выходит и ничего не рассказывает. Дежурная справилась по телефону.

— Миссис Шимфизл снова в интенсивной терапии, — сказала она. — Больше я пока ничего не знаю.

— Где интенсивная терапия?

— На седьмом этаже, но вам придется подождать.

Мэкки ждать не стал:

— Глупости. — Вернувшись к своим, он сказал: — Пойдем к ней.

Сюзи решила дожидаться доктора, а остальные поднялись на седьмой этаж.

— Ждите меня здесь, я найду, а потом вернусь за вами, — велел Мэкки жене и дочери.

Нужную палату он отыскал не сразу и, как только собрался войти, путь ему преградил санитар, спросив недовольно:

— Куда это вы?

— К тете!

— Туда нельзя! — Санитар захлопнул дверь у него перед носом. — Неграмотный? Написано же ясно: «Не входить».

— Читать-то я умею, но я хочу увидеть тетю.

— Туда нельзя! — Санитар подбоченился и топнул ногой.

Мэкки, глядя ему в глаза, сказал невозмутимо:

— Вот что, приятель, топай сколько тебе угодно, но учти, я все равно пройду.

Санитар смерил стоявшего перед ним человека оценивающим взглядом. Тот был старше и ниже ростом, но недобрый огонек в его глазах заставил санитаря отойти в сторону. С таким шутки плохи.

Мэкки переступил порог и подошел к кровати. Увидев его, Элнер засияла от радости.

— Привет, Мэкки! — Она потянулась к его руке.

- Привет и вам! — улыбнулся он. — Как дела, старушка?
- Элнер засмеялась:
- Меня всю облепили железяками и скрутили проводками.
- Вижу, — отозвался Мэкки.
- Ничего себе история, дружок? А Линда-то как быстро добралась! Кстати, который час? Я уже совсем пришла в себя. Ты на работу из-за меня не опоздал?
- Насчет моей работы не волнуйтесь. Как самочувствие?
- Отлично, только осиные укусы чешутся. Норма с Линдой еще здесь?
- За дверью, очень хотят вас увидеть.
- Мэкки... — Элнер подняла на него смущенный взгляд. — Вы уж меня простите, что я упала с дерева. Норма очень злится?
- Что вы, нисколечко. Счастлива, что вы живы-здоровы. Чем вам помочь?
- Пусть кто-нибудь зайдет покормить Сонни и птиц, и духовку нужно проверить.
- Все уже сделано. Руби и Тотт постарались.
- Правда? Вот молодцы! А где я?
- В Канзас-Сити, в больнице Каравэй.
- Я так и подумала, но как я сюда попала?
- «Скорая» забрала.
- «Скорая»? Не припомню, чтобы я ехала на «скорой».
- Вы были без сознания.
- Правда?
- Да.
- А сирена выла?
- Конечно.
- Эх, вот досада: я ехала на «скорой» и пропустила самое интересное!
- Вы готовы увидеться с Нормой и Линдой? Они ждут не дождутся!
- Конечно, зови... И узнай, куда дели мой халат, Мэкки!

Войдя в палату, Норма и Линда шагнули к кровати, расцеловались с тетей Элнер, и та сказала Линде:

- Прости, что зря тебя сюда вызвали.
- Глупости, я так рада, что все обошлось. Мы ведь решили, что вы умерли.
- Я и сама так решила, — сказала Элнер. — И не меньше вашего

удивилась, когда очнулась.

— Это вряд ли, — слабо улыбнулась Норма.

* * *

Только к половине шестого доктор получил наконец результаты всех обследований. Встретив Норму и Мэкки в коридоре, он объяснил, что тетя Элнер целехонька — если не считать осиных укусов и пары синяков.

— Отлично! — выпалил Мэкки. — А что же значит вся эта чертовщина со смертью? Она что, впала в кому, а потом очнулась?

— Признаться, у меня нет ответа.

— Почему вы решили, что она умерла?

— Все признаки указывали на смерть, мистер Уоррен.

— Что-то не то с вашими признаками, не туда они указывали.

Доктор покачал головой:

— Мистер Уоррен, мы пока не знаем, что именно произошло, но обещаю докопаться до причин и, как только что-нибудь выяснится, дам вам знать.

Норма, видя, что доктор искренне огорчен и измучен, вмешалась:

— Все равно мы счастливы, ведь тетя жива и невредима.

— Да, переломов нет, но мы подержим ее несколько дней, сделаем еще анализы, чтобы убедиться, что все в порядке.

Норма согласилась:

— Вам виднее, доктор.

Когда врач ушел, Норма сказала мужу:

— Не хочу, чтобы ему из-за нас досталось.

Через несколько минут доктор Хенсон, заметно волнуясь, переступил порог кабинета Франклина Пикстона. Франклин спросил:

— Как она себя чувствует?

— Состояние удовлетворительное. Пульс, дыхание, температура в норме, томограмма отклонений не выявила.

— В таком случае — что это было?

— У нее остановилось сердце... Я перепробовал все возможное...

Сделав ему знак замолчать, Франклин нажал кнопку внутреннего телефона:

— Сделайте повторное обследование на всех приборах,

немедленно. — И откинулся на спинку кресла. — Дальше, Боб.

— Ее привезли на «скорой», и, когда я подошел, она была уже мертва. Однако мы сделали все, что в наших силах... Что мне еще сказать?

— Вам известно, что расследования не миновать. Теста на наркотики тоже.

— Знаю.

— Плохо себя чувствуете?

— Просто устал, хотя это не оправдание. Я беру на себя всю ответственность. Ума не приложу, как я мог так ошибиться. Я все-все проверял...

— Где она сейчас?

— В интенсивной терапии. На утро я назначил осмотр невропатолога.

Отпустив доктора, Франклин подумал, что удивляться стоило бы не сегодняшнему казусу, а скорее тому, что подобное не случилось раньше. Врачи в приемном устают адски, спят по два-три часа в сутки, работают как каторжные, решая при этом вопросы жизни и смерти. Форменное издевательство, а не труд. Франклин понимал, что значит усталость. Все устают. Сам он уже много лет не отдыхал по-настоящему, его носило из огня да в полымя. Не одна напасть, так другая: этого задобрить, с теми встретиться, а то они недовольны и того гляди забастуют. Больница постоянно на грани катастрофы.

За последние десять лет текущие расходы взлетели до небес. Больницу наводнили наркоманы и уголовники, и немалые деньги уходят на охрану, а в прошлом году семерых охранников пришлось уволить за кражу обезболивающих. Поставщик белья поднял цены, мусорщики то и дело бастуют, компьютерную систему пришлось полностью обновлять, когда ее взломали хакеры, получив доступ к данным обо всех пациентах.

Больница Каравэй призвана помогать людям, а все, будто сговорившись, чинят ей препятствия: страховые компании, профсоюзы, жулики адвокаты. В наши дни вылечить больного без исков и поборов — уже само по себе достижение. В приемное отделение повадились все кому не лень, будто в личную клинику. О плате за лечение и мечтать не стоит: почти ни у кого из больных нет страховки, а даже если у кого и есть — оплата растягивается на месяцы и годы. И откуда прикажете выкраивать

жалование врачам и сестрам? Люди состоятельные вынуждены тратить бешеные деньги на то, что другим достается даром. Конечно, есть те, кому и впрямь не на что лечиться, этих можно понять. Другое дело те, кто ищет повода для иска, кто считает, что их обязаны лечить бесплатно. Им плевать, что они обходятся больнице в миллионы долларов, что из-за их скупердяйства увольняют прекрасных сотрудников и всем поголовно недоплачивают.

Возмутительно, что государство вкупе с народом выкачивают деньги из состоятельных людей. И самому Франклину, и большинству его обеспеченных друзей деньги достаются тяжким трудом, и все же на доброе дело они средств не жалеют. Почти все крупные пожертвования больница получает от богачей. На их щедротах все и держится. А ведь богатые не обязаны терпеть нахлебников, которых в больнице Каравэй пруд пруди. Все так и норовят сесть на шею, в том числе многие из сотрудников; чтобы больница не разорилась, надо срочно что-то менять, иначе она обречена. Что ждет всех — и богатых, и бедных — если больница навсегда закроет двери?

Позвонила Бренда:

— Ваша жена на проводе.

Франклин прикрыл глаза. Ясное дело, речь она заведет о сегодняшнем благотворительном бале «Золотое сердце». Франклин поднял трубку, и на него обрушился поток жалоб: вазочки в центре столов оказались неподходящего цвета.

— Понимаю, дорогая. Согласен, сущий кошмар.

* * *

В ту самую минуту адвокату Гасу Шиммеру позвонили из больничного кафетерия:

— Гас, это я.

— Что новенького?

— Пациентка. Миссис Шимфизл, ближайшая родственница — миссис Норма Уоррен.

— Ну и?..

— По ошибке объявлена мертвой. Обнаружили, что живехонька, только через пять часов.

— Шутишь?

— Собственными глазами видел историю болезни.
— Что-нибудь уже подписано?
— Да, два мальчика-зайчика сразу прибрали к рукам племянницу.
— Ничего. Дело крупное. Очень крупное. Объявить о смерти живого человека — это им не фунт изюму.
— И я о том же.
— Если дело выгорит, тебе на этот раз причитается двадцать процентов. Идет?
— Плюс мой обычный гонорар.
— Само собой, — одышливо отвечал тучный Шиммер, а про себя подумал: «Гаденыш ненасытный!»

Однако, повесив трубку, адвокат не помнил себя от радости. Дельце, похоже, выгодное. Не беда, что родственники уже подписали обычные бумаги об отказе от иска. Любую расписку, попечительский договор, брачный контракт, соглашение можно обойти или переступить. Больница Каравэй — его личное золотое дно, откуда только черпай и черпай. По его расчетам, когда он расплатится с медбратом и самую чуточку отслюнит клиентам, останется кругленькая сумма. Правда, жена его Сельма всякий раз возмущается, когда он затевает очередное дело против больницы. «Гас, — жалуется она, — ты судишься с больницами из-за каждого пустяка. Не дай мне бог попасть в отделение скорой помощи. Как узнают, за кем я замужем, от страха разбегутся и оставят умирать».

Раздумья доктора

Около пяти вечера преподобная Сюзи Хилл ушла из больницы, не вполне оправившись от вида бывшей покойницы, которая пронеслась мимо нее на каталке, махая рукой. Норма, Мэкки и Линда оставались у Элнер до окончания часов посещений. Решено было, что Линда поедет с родителями домой, все постараются выспаться хорошенько, а утром вернутся. Если тете Элнер не станет хуже, Мэкки отвезет Линду в аэропорт и завтра же она выйдет на работу.

Доктор Хенсон сдал анализ мочи на наркотики и вышел из лаборатории. Начинал он свой путь в медицине, как почти все юные врачи: полный сил, честолубивый, горячо желая помогать людям, спасать жизни, приносить пользу. Сейчас, в тридцать два, он разочарован, а еще больше измучен и сыт по горло никчемными людишками, что с утра до ночи наводняют приемное отделение. Дни напролет он достает пули из подстреленных юнцов, зашивает ножевые раны, возится с наркоманами, пьянчугами, психопатами, избитыми проститутками, неудавшимися самоубийцами, лечит одних и тех же людей от одного и того же и от безысходности сделался вспыльчивым, раздражительным. Вечно приходится утешать рыдающих матерей, чьи сыновья пострадали в уличных перестрелках, и объяснять убитым горем родителям, что их погибший ребенок сидел за рулем пьяный или сбит пьяным водителем. Всего за два года работы в приемном отделении доктор Хенсон жестоко разочаровался в людях.

Он начал подозревать, что многие пациенты понапрасну занимают места, отвлекают врачей от важных дел, что на них впустую уходят время, силы и деньги. Когда он поделился раздумьями с коллегой, тот отмахнулся: «Что за мысли, Боб! Шел бы ты к психотерапевту». Но Боб совету не последовал — некогда. При его работе в больнице — долгие часы в приемном покое или в грязном, захламленном кабинетике, где он без конца возился с бумагами, если не пытался вздремнуть на продавленном диване, — он и зубы-то едва успевал почистить, какой уж тут психотерапевт.

Дома было не лучше. Боб женился на женщине старше себя, мечтавшей во что бы то ни стало забеременеть, и чем скорее, тем лучше. Боб предпочел бы повременить с детьми, но жена настояла на своем, и

сейчас, спасибо успехам гинекологии, у него пара малышей, двух и трех лет, а на прошлой неделе УЗИ показало, что на подходе двойня. Дома теснота, двое орущих детей и издерганная, замученная жена, которой некогда о себе позаботиться, а о муже и подавно. Разрываясь между работой и домом, Боб не припомнил бы, когда в последний раз спал больше получаса подряд, а тем более нормально обедал. Ел он на бегу, глотал кофе и минералку, поддерживал силы белковыми батончиками. Неудивительно, что сегодня сделал такую чудовищную ошибку. Возможно, если бы не усталость, он был бы внимательнее, не сдался бы так скоро. Но у врача нет права на промах. Хорошо, если ошибся не он.

Боб ждал, пока проверяли аппаратуру, и, когда мастера доложили, что приборы исправны, он почувствовал, как рушится вся его жизнь и карьера. Отчего так случилось? Спору нет, он устал, но к усталости ему не привыкать. Может быть, причина в том, что пациентка — древняя старушка? Неужели он невольно, хоть на минуту, допустил мысль, что жизнь ее не столь драгоценна, как жизни молодых? Если пациент молод, почему-то всегда чувствуешь большую ответственность, прикладываешь чуть больше усилий. Почему?! Кто дал ему право судить, чья жизнь ценнее? А ведь он из-за этого едва не убил человека. Случайный поворот событий спас старушке жизнь. Какое счастье, что он согласился подождать час-другой, пока приедет дочь Уорренов, иначе миссис Шимфизл отправили бы в морг или, того хуже, на вскрытие. Даже если его оставят на работе, все равно он будет всю жизнь казниться. Так или иначе, карьере его конец. Надо было приложить больше стараний, больше уделить ей времени, не опускать рук. Столько лет учебы, труда, лишений — все впустую.

Переодевшись из зеленого докторского костюма в свою одежду, доктор Хенсон перед уходом заглянул к Элнер:

— Приветствую вас, миссис Шимфизл. Как себя чувствуете?

— Спасибо, хорошо. А вы?

Судя по всему, она не поняла, кто он, и доктор объяснил:

— Миссис Шимфизл, я дежурил в приемном отделении сегодня утром, когда вас привезли.

— Ой, я вас не узнала без шапочки.

— Можно присесть?

— Конечно.

Доктор силился подобрать нужные слова.

— Миссис Шимфизл, думаю, вы должны знать, что это я объявил вас

мертвой. Приношу свои искренние извинения.

— Не о чем и говорить, — улыбнулась Элнер. — Племянница моя и вся родня перепугались немножко, а мне хоть бы что.

— Вы меня не поняли, это я во всем виноват! Из-за меня вы чуть не погибли.

Элнер остановила на нем взгляд.

— Но ведь не погибла же. Посмотрите хорошенько, я здоровехонька. И знаете что? Мне больше не нужен слуховой аппарат! Когда я очнулась, у меня улучшился слух. Каково?

— Замечательно, но... знаете, я решил уйти из медицины.

— Почему?

— Потому что... я вас чуть не убил, — выдавил доктор Хенсон, сглотнув комок слез.

— Полно! Вы тут ни при чем. К тому же ничего на свете не бывает зря. Даже не думайте бросать медицину, что за глупости!

— Вероятно, мне придется, миссис Шимфизл. Ваша племянница имеет полное право подать в суд на меня и на больницу.

У Элнер округлились глаза.

— Норма? Да что вы! Норма Уоррен — добрейшая душа, она ни на кого не станет подавать в суд. Выкиньте вздор из головы, ради всего святого.

После ухода доктора медсестра принесла Элнер снотворное.

— Спице крепко, миссис Шимфизл, — пожелала она. — Если что, я рядом... просто нажмите кнопку вызова.

— Хорошо. Ой, а где же она, кнопка вызова? Вдруг мне и вправду понадобится кого-нибудь вызвать?

— Вот, сбоку от кровати. Нажмите белую кнопочку, и у нас на посту высветится номер палаты. Спокойной ночи.

Медсестра вышла, а Элнер взяла в руки устройство с кнопкой и стала разглядывать. Здорово, когда есть кнопка вызова! Хорошая штука! Почти как те пищалки, которые рекламируют по телевизору («Помогите, помогите, я упала и не могу встать!»). Элнер вспомнилась старая песенка, она замурлыкала: «Я зову тебя, ла-ла-ла, отзовись скорей, ла-ла-ла». Вскоре ее сморил сон. Она очень устала. День выдался тяжелый — с утра до

самого вечера ее осматривали, ощупывали, делали уколы.

Тем же вечером в машине, по дороге домой, Мэкки рассказывал:

— Когда я в первый раз зашел к ней в палату, я мог бы поклясться, что она мертва, а когда мы вошли все вместе и она заговорила, я чуть с ума не сошел от ужаса.

Линда вторила ему:

— Я от страха едва не описалась.

— Ну и денек, правда? — сказала Норма. — Неужели мы за полдня столько всего пережили? Я два раза сознание теряла, а бедная медсестричка... в первый раз слышу, чтоб так кричали!

Линда вдруг залилась смехом:

— Видели бы вы лицо Сюзи Хилл, когда мимо нее провезли тетю Элнер! Глаза выпучила, отскочила и ка-ак завопит!

И тут все трое расхохотались безудержно, до слез, — главным образом от облегчения. Добрались до дома едва живые от усталости. Норма выдохнула:

— Никогда в жизни я за день столько не плакала и не смеялась!

Засыпая той ночью, Норма подумала: нет худа без добра. Когда санитарка принесла ей белый полиэтиленовый пакет с вещами тети Элнер, Норма тихонько отошла и выбросила его в большую мусорную корзину у дверей.

Наконец-то она избавилась от этого безобразного бурого халата в клетку раз и навсегда!

Вопросы-ответы

06:45

Накануне вечером доктору Брайану Лану позвонили домой и попросили с утра осмотреть больную. Читая историю болезни, присланную по электронной почте, доктор диву дался, как старушка выжила после такого падения. Компьютерная томограмма не показала никаких повреждений, все анализы в норме, но его пригласили на всякий случай, проверить перед выпиской, нет ли кратковременной или долговременной потери памяти. Доктор Лан был специалистом по черепно-мозговым травмам и разработал опросник, помогающий выявить любые, даже малейшие отклонения.

Во вторник ранним утром доктор вошел в палату.

— Доброе утро, миссис Шимфизл, я доктор Лан.

— Доброе утро, — отозвалась Элнер. И добавила с опаской: — Вы меня не поведете опять на анализы?

— Нет-нет, миссис Шимфизл. — Доктор придвинул стул. — Мы просто побеседуем, если вы не против.

— Буду рада с вами поболтать, только иголками в меня не тычьте. Присаживайтесь. Я бы вам предложила чего-нибудь выпить, да только кнопка вызова подевалась куда-то. Мне все принесут, что попрошу.

— Спасибо, не надо. — Доктор сел, достал бумаги.

— Вы только посмотрите! — воскликнула Элнер, нажав рычаг сбоку на кровати, чтобы поднять изголовье и сесть. — Ну не чудо ли?

— В самом деле, чудо. Скажите-ка, миссис Шимфизл, не мучили вас в течение прошлых суток головные боли?

— Нисколько. — Элнер снова опустила изголовье и вытянулась на спине. — Счастье, что у меня дома нет такой кровати, а то валялась бы сутки напролет не вставая.

— А как со зрением?.. Не рябит в глазах, не расплываются предметы?.. Ничего необычного?

— Ничего! Я и главному врачу сказала, что вижу все-все, аж до самой луны.

Мистер Лан и сам заметил, что глаза у Элнер ясные и чистые, — хороший признак.

— Миссис Шимфизл, а какой сегодня день?

Элнер недоуменно уставилась на доктора:

— Вы что, забыли?

— Я-то помню, это просто вопрос, который я должен...

Доктор умолк, видя, что Элнер его не слушает, а что-то ищет под одеялом.

— Нашла! — воскликнула она, доставая устройство с кнопкой вызова. — Я, оказывается, на нем лежала. Так о чем вы хотели поболтать?

— Скорее даже не поболтать, а задать вам несколько вопросов.

Элнер оживилась:

— Что-то вроде викторины?

— Можно назвать и так.

— Ну хорошо. Вперед! Только пусть вопросы будут не слишком трудные.

— Постараюсь. Начнем снова. Какой сегодня день?

Элнер взглянула на доктора:

— Гм... вопрос на засыпку. Чей-то день рождения? Уж точно не Томаса Эдисона и не Джорджа Вашингтона... Сдаюсь. И что же сегодня за день?

— Я имел в виду всего лишь день недели.

— А-а, — разочарованно протянула Элнер. — Слишком просто. Я думала, вы что-нибудь по-сложней загадаете. Вторник.

— Какое сегодня число?

— Второе апреля. Я бы и время назвала, да только я без часов.

— Понятно. Ваше полное имя?

— Элнер Джейн Шимфизл.

— Девичья фамилия?

— Нотт.

— Девичья фамилия матери?

— Накл, а когда она вышла замуж за Нотта, стала миссис Нэнси Накл-Нотт. Попробуйте-ка повторить пять раз подряд!

— Миссис Шимфизл, первая важная дата, которая приходит вам в голову?

— Хм... Когда мне было три года, меня ущипнула за ногу утка... Пойдите... Вы о семейных датах или об исторических?

— Об исторических.

— Тогда Перл-Харбор, 7 декабря 1941-го. Томас Эдисон родился 11 февраля 1847-го, умер... 18 октября 1931-го. Франклин Рузвельт умер в 1945-м. 17 июля 1955-го открылся Диснейленд. Еще?

— Достаточно. Назовите самую недавнюю историческую дату,

которую помните.

— 11 сентября 2001-го. Но лучше б ее забыть.

— Когда вы родились?

— Двадцать восьмого июля.

— Сколько вам лет?

— Трудно сказать.

— В каком вы году родились?

— Честное слово, не знаю. Вы уж простите.

Доктор поднял взгляд от бумаг:

— Забыли год?

— И не помнила никогда. Я ведь была маленькая, а моя сестра Ида зарыла семейную Библию.

Доктор заглянул в историю болезни.

— Ваша племянница написала «восемьдесят девять».

— Наобум написала, она то прибавляет, то убавляет мне года. Смотря по настроению. А вам сколько лет?

— Тридцать четыре.

— Как моей племяннице. Вы женаты?

— Нет. Миссис Шимфизл, у меня остались еще вопросы...

— Она тоже не замужем и удочерила китаяночку. Ездил за ней в Китай, представляете?!

— Замечательно! А сейчас...

— Ее зовут Линда. Линда Уоррен. Живет в Сент-Луисе, работает на хорошем месте — в телефонной компании, как Мэри-Грейс. Там самые лучшие социальные программы.

— Ясно, ясно, — кивнул доктор. — Вы помните, что делали перед тем, как упали?

— Собирала инжир. Дочку ее зовут Эппл. Норме это имя страх как не нравится. Она спрашивала: «Зачем называть ребенка в честь компьютера?» А Линда отвечала: Эппл — значит «яблочко», компьютер тут ни при чем... А для чего вообще эти вопросы?

— Просто проверить, нет ли у вас кратковременной или долговременной потери памяти.

— Дело нужное. Проверить, варит ли мой котелок?

— Точно.

— Ну и как?.. Выдержала я испытание?

Доктор с улыбкой закрыл историю болезни:

— И не просто выдержали, а с блеском!

— Вы еще будете здесь через пару часов?

Доктор посмотрел на часы:

— Да, буду. А что?

— Загляните ко мне еще разок, ладно?

— Постараюсь.

Выйдя из палаты, доктор не выдержал и рассмеялся. Старушка даст сто очков вперед молодым! Сам он не помнит и половины дат, что она назвала с лету! И много ли людей помнят день рождения Томаса Эдисона?

Где Элнер?

08:30

А в Элмвуд-Спрингс с утра не умолкали телефоны: все делились свежими новостями об Элнер. Ее подруга Луиза Фрэнкс у себя на ферме всю ночь не спала и думала, как сказать своей умственно отсталой дочери Полли об Элнер. Полли неведомо, что люди умирают. Как объяснить, что она никогда больше не увидит Элнер? Когда Ирен Гуднайт сказала по телефону, что Элнер жива, Луиза разрыдалась. Тотт и Руби всех обзванивали, отвечали на вопросы и так закрутились, что ни кота, ни птиц не покормили, ни воды не налили в птичью ванночку. Сонни был крайне недоволен: подошел к блюдцу, а там пусто. Сонни был поражен до глубины души. В это время в блюдечке его всегда ждал завтрак. Сонни посидел немного, уставившись в пустое блюдо, и пошел бродить по дому. А вернувшись, предался кошачьим мыслям: чем заняться — вздремнуть или поохотиться на птичек, что летают по двору и ищут, где же корм? Старая голубая сойка надрывалась от крика, а три мелкие птахи сидели в ванночке без воды. На дереве сердито цокали друг на друга две белки. Старушка всегда оставляла для них печенье возле задней двери. Что-то здесь не так. Чуть поразмыслив, Сонни все-таки решил вздремнуть и отправился на свое любимое местечко, в уголок дивана.

Тем временем Лютер Григз, с красными от усталости глазами, подъезжал к стоянке грузовиков на окраине Юмы, штат Аризона, и было ему одиноко как никогда в жизни. Он решил прикорнуть в кузове, и ему вспомнились слова, что много раз твердила Элнер: «Пора бы тебе, дружок, жениться. Я ведь не вечная, и мне хотелось бы знать, что ты не останешься один как перст. Ты пока не понимаешь, до чего тебе нужен близкий человек. Женщина и одна не пропадет, а мужчине в одиночку живется несладко». Жениться Лютер не хотел, да и никогда не верил по-настоящему, что мисс Элнер умрет. Но теперь, когда ее не стало, понял, что она была права. Ему так одиноко, а раз Элнер нравилась Бобби-Джо Ньюбери, отчего на ней не жениться? Мисс Элнер всегда знала, что для него лучше, — к чему же терять время зря? Засыпая, Лютер решил: как только вернусь домой — пойду в кафе-мороженое, где работает Бобби-Джо, и сделаю предложение.

Цветы

08:31

На другое утро, когда Уоррены опять приехали в больницу, в палате у Элнер было полным-полно цветов. Все букеты, заказанные на похороны, отправили из погребальной конторы в больницу. Нева, как назло, не успела поменять открытки, и почти все были подписаны: «С глубокими соболезнованиями» и «Помним и молимся за вас». А цветы от Луизы Фрэнкс, подруги Элнер, были с запиской: «Ушедшей, но не забытой».

Элнер, сидевшая в постели, просияла, увидев родных.

— Полюбуйтесь, сколько цветов! — воскликнула она. — Совсем как на похоронах, а? — И засмеялась: — Я не представляла, что меня так любят, пока все не решили, что я концы отдала! — Элнер указала на пышный букет оранжевых гладиолусов: — Это от Бада и Джея — правда, красота? А это от Электрической компании штата Миссури. Беверли Кортрайт прислала белые розы — дорого же они ей обошлись, должно быть.

— Ну и ну, тетя Элнер! — ахнула Линда. — В жизни не видела столько цветов!

— Еще бы! А часть пришлось поставить в туалете. Мне, право, неловко, что люди так потратились. Мерл и Вербена прислали азалию в горшке — хоть посадить можно, — а остальные только деньги пустили на ветер. — Элнер повернулась к Норме: — Обещай мне: в следующий раз никаких цветов. Хватит и одного раза.

Чуть позже доктор Брайан Лан, не забывший о своем обещании, тихонько стукнул в дверь палаты.

— Миссис Шимфизл...

Элнер помахала ему рукой:

— Эй, проходите, я вас со всеми познакомлю! Это врач-невропатолог... он проверял, все ли у меня в порядке с головой.

Доктор зашел в палату:

— Добрый день, я доктор Лан.

Элнер сказала:

— Это моя племянница Линда, я вам про нее рассказывала, у нее дочка-китаянка. Это моя племянница Норма, а это Мэкки, ее муж.

Поздоровавшись с каждым за руку, доктор Лан вновь мельком взглянул на Линду и обратился к Норме:

— Миссис Уоррен, можно вас на минутку?

— Да, конечно.

Они вышли за дверь, и доктор начал:

— Миссис Уоррен, спешу вас успокоить: я не обнаружил никаких признаков черепно-мозговой травмы или потери памяти.

— Слава богу, — облегченно вздохнула Норма. — Она очень долго была без сознания, и я беспокоилась, все ли благополучно.

— Да, все хорошо. Речь ее слегка бессвязна, но для ее возраста это обычное дело, не стоит волноваться.

Норма подтвердила:

— На этот счет я и не волнуюсь, доктор, речь у нее всегда слегка бессвязная.

Когда они вернулись в палату, доктор Лан подошел к Элнер:

— Мне пора, я зашел попрощаться.

— Рада, что навестили меня. Я хотела вас познакомить с Линдой.

Доктор перевел взгляд на Линду:

— Ваша тетя сказала, вы в Сент-Луисе живете?

— Да, — отозвалась Линда.

— Понятно. — Доктор вновь повернулся к Элнер: — Поправляйтесь, миссис Шимфизл. И с деревьев больше не падайте, договорились?

Элнер засмеялась:

— Не буду. Чует мое сердце, не собирать мне больше инжир.

Посидев немного у Элнер, Уоррены решили, что раз она чувствует себя хорошо, то Линду можно отправить домой, и Мэкки отвез ее в аэропорт.

Едва Мэкки и Линда шагнули за порог, Элнер встrepенулась:

— Закрой дверь, Норма. Скорей, пока нет медсестры, — я хотела с тобой переговорить с глазу на глаз, рассказать кое о чем. Живей!

Норма закрыла дверь и подошла поближе к кровати.

— В чем дело?

Элнер начала:

— Знаю, ты на меня злишься за то, что я с лестницы упала, но ты только выслушай меня — и сама будешь рада, спасибо мне скажешь!

— Как это?

— Знаешь выражение «понеслась душа в рай»?

— И что?

— В общем... со мной так и было!

— То есть?

— Я умерла и попала в рай! Я хотела с тобой первой поделиться. Ты разве не рада? Эх, жаль, тебя со мной не было, Норма! — Глаза у Элнер сияли. — Видела бы ты всю эту красоту! Знаю, ты боишься болезней и смерти, но теперь тебе пугаться нечего, ведь люди не исчезают даже на время, а живут вечно... Ну не чудесная ли новость?

Норма отвечала:

— Тетя, милая, всем нам хочется верить, что это так, но...

Элнер перебила ее:

— Так оно и есть! Ни за что не угадаешь, кого я видела!

— Кого?

— Твою маму!

— Маму?

— И угадай, что еще! Она знает, что Тотт ее причесывала.

Норма перепугалась не на шутку:

— Что?!

— Да! Не волнуйся, я все уладила. А потом я побывала в гостях у Соседки Дороти и Реймонда. Помнишь Соседку Дороти?

Норма, вконец озадаченная, выдавила:

— Помню, конечно... но не пойму, о чем это вы... Что за Реймонд?

— Муж Дороти.

Тут Норма сообразила, в чем дело.

— Ах, тетя Элнер, милая, вам, наверное, все это приснилось. Ведь мужа Соседки Дороти звали Роберт, разве не помните?

Элнер ответила:

— Он как две капли воды похож на ее первого мужа, но зовут его Реймонд, и это был не сон, Норма. Дороти была настоящая, как мы с тобой. А еще я видела Джинджер Роджерс и Принцессу Мэри-Маргарет, старую кокер-спаниелиху Дороти. На небесах тоже есть собаки и кошки. Правда, чудесно? И вот еще что: мы очень мило побеседовали с Эрнестом Кунитцем, и Томас Эдисон заходил поболтать.

Норма бессильно упала на стул. «Боже правый!» — ужасалась она про себя, слушая подробнейший, восторженный рассказ Элнер о ее приключениях, начиная с поездки на лифте и заканчивая полетом с крыльца и пробуждением в палате. Закончив рассказ, Элнер широко улыбнулась Норме и воскликнула:

— Ну?! Что скажешь? Здесь я лежала мертвая, а там гуляла живехонька!

Норма сидела ошеломленная, не зная, что сказать, только смотрела страдальческим взглядом. Наконец спросила:

— Тетя Элнер... вы правда уверены, что были мертвы?

— Откуда мне знать, милая? Я ж не доктор. Могу лишь описать, что видела и с кем говорила. Нет, ну ты только представь, меня навестил сам Том Эдисон! Милейший человек, такой скромный!

«Господи помилуй!» — вновь ужаснулась про себя Норма. Доктор ошибся, у тети Элнер явно что-то с головой. Бедняжка и вправду верит, что была на небесах и беседовала с покойниками. Дело серьезное, действовать надо осторожно. И Норма, взяв Элнер за руку, ласково спросила:

— Тетя, вы кому-нибудь еще рассказывали о вашем... приключении?

— Нет пока. Хотела, чтобы ты первой узнала.

Норма криво улыбнулась:

— Спасибо, тетя, милая, но лучше никому больше не рассказывайте, хорошо?

Элнер растерялась:

— Почему?

— Просто обещайте, что это будет наш маленький секрет. Ради меня, ладно? Обещаете?

— Но почему?! Ведь должны знать все! Мне поручили кое-что передать.

— Тетя Элнер... Пожалуйста, если любите меня, обещайте никому не рассказывать про белок в горошек, про Томаса Эдисона и прочее.

— Не понимаю я тебя...

Норма твердо стояла на своем:

— Поверьте, тетя Элнер, есть причины.

Элнер сникла.

— Так и быть, Норма, обещаю, но...

В дверь постучала медсестра:

— Миссис Уоррен, вас к телефону, у регистратуры.

Норма, все еще в растрепанных чувствах, подошла к телефону. Звонила Луиза Фрэнке.

— Как здоровье Элнер?

Норма отвечала:

— Прекрасно, спасибо, Луиза. Ее осмотрели, сделали анализы, все в порядке, переломов нет, только пара синяков да осиные укусы.

Луиза облегченно вздохнула:

— Вот счастье-то! Я чуть с ума не сошла.

— Не волнуйтесь, все в порядке, — соврала Норма. — Я ей скажу, что

ВЫ ЗВОНИЛИ.

— Привет ей от нас с Полли. — Обязательно передам.

— Как думаете, к Пасхе ее выпишут?

— Пока не знаю, позже скажу поточнее.

Повесив трубку, Норма подумала, что тетю Элнер к Пасхе, быть может, и выпишут, если только она будет держать язык за зубами и не угодит в дурдом.

Оглянувшись, Норма увидела знакомое лицо и улыбку.

— Миссис Уоррен? Можно вас на пару слов?

Говорить с этим человеком Норме не хотелось, но природная вежливость не позволила ей отказаться. Норма знала его по рекламному ролику, который без конца крутили на местном телеканале. Гас Шиммер. Адвокат-тяжеловес, как он гордо себя именовал, а Мэкки называл его вымогателем. Как ни хотелось Норме поскорей вернуться в палату к тете Элнер, она все-таки присела с адвокатом рядом и, поглядывая на дверь в палату, выслушала длинную речь.

Когда Шиммер умолк, Норма сказала:

— Спасибо за заботу, мистер Шиммер, но нам ничего не нужно. Мы рады, что она жива, — и все.

Шиммер не унимался:

— Миссис Уоррен, думаю, вы не вполне представляете, какой моральный ущерб нанесло это недоразумение — нет, вопиющая халатность — вам и вашим родным.

— Я-то очень даже представляю. Целая неделя уйдет, чтобы всех отблагодарить за цветы, но в суд я ни на кого подавать не собираюсь. Бедняжка доктор! Он ведь не нарочно.

— Нарочно, не нарочно — неважно, — возразил Шиммер. — Главное, что это случилось, и случилось здесь, в больнице. Живого человека объявили мертвым — это законное основание для иска, причем крупного иска. Если вы доверитесь мне, в итоге вся больница перейдет в ваши руки, слово адвоката.

Норма озадаченно сдвинула брови.

— А зачем мне больница? — спросила она, поглядывая на дверь. — Нет, мне это не по душе.

— А двадцать пять или даже пятьдесят миллионов долларов — в зависимости от присяжных? Это вам по душе?

Норме не понравился его тон. Резко обернувшись, она сказала:

— Мистер Шиммер, я не дурочка. Кто не мечтает о таких деньгах? Но

ради них сломать жизнь врачу и разорить больницу? Нет уж, увольте, мне совесть не позволит. Простите, но вы зря теряете время. — Норма поднялась.

Шиммер тоже вскочил:

— Позвольте, я поговорю с вашим мужем и все ему объясню. Уж его-то вы поймете.

— Все я понимаю! И пытаюсь вам объяснить повежливей, что в суд ни на кого подавать не собираюсь. Муж мой тоже.

Шиммер покосился на дверь в палату Элнер.

— Тогда я обращаюсь к самой миссис Шимфизл. Она ведь пострадавшая.

Кровь бросилась Норме в лицо.

— Дело ваше, но я точно знаю, что и моя тетя в суд подавать не станет, разве что на вас — за издевательство над старой больной женщиной. Возможно, ей удастся добиться судебного запрета и вас вышвырнут отсюда или еще того хуже.

Оскорбленный Шиммер заковылял вразвалку прочь, а Норма порадовалась, что пересмотрела с тетей Элнер столько фильмов о Перри Мейсоне. Время не даром потрачено — она так и сыпала юридическими терминами, сама себе удивлялась! Нехорошо, если мистер Шиммер обиделся, но некоторые люди сами нарываються на грубость. Норма поймала себя на мысли, что впервые в жизни ей удалось настоять на своем.

Неприятный разговор

09:48

В своем кабинете наверху Франклин Пикстон звонил своему адвокату после неприятного телефонного разговора.

— Здесь был Гас Шиммер. Мне передали, что он общался с миссис Уоррен. Стоит ли беспокоиться?

Уинстон Спраг, чуть помедлив, ответил:

— Не мешало бы взять у старушки показания, чтобы Шиммер не наделал шуму.

— А с миссис Уоррен что делать?

— Дайте мне час на раздумье и попробуйте выманить ее из палаты. Она будет только помехой.

Через час Норма, все еще в легком замешательстве, старалась взять себя в руки и не думать о том, что тетя Элнер вообразила, будто побывала на небесах. Норма и медсестра расставляли в палате цветы, когда в дверь постучали.

— Миссис Уоррен? — окликнула изящная пожилая женщина в сером.

— Да?

— Я Бренда Хэмптон, секретарь мистера Пикстона. Он просит вас к себе наверх.

— Не хотелось бы бросать тетю...

Как назло, вмешалась Элнер:

— Ступай, Норма, я подожду.

Норме совсем не хотелось пускать все на самотек — вдруг тетя кому-нибудь проболтается о своем путешествии? Но отказывать было бы невежливо, и Норма нехотя последовала за Брендой.

* * *

Как только мисс Хэмптон и миссис Уоррен вошли в лифт, Уинстон Спраг и его помощница Кейт Паккер нырнули в палату к Элнер.

— Доброе утро, миссис Шимфизл, — поздоровался Спраг. — Как себя

чувствуете?

Элнер отозвалась:

— Отлично, спасибо, а вы?

— Тоже. Хорошо ли за вами ухаживают?

— Еще бы! Принесли отменный завтрак прямо в постель.

Спраг довольно бесцеремонно выпроводил медсестру и приступил к делу:

— Миссис Шимфизл, у нас к вам несколько вопросов. Так, ерунда — скучные юридические формальности, но нам важно их записать.

— Если юридические, может, племянницу мою дождемся? — предложила Элнер. — Она ведаёт всеми моими бумагами.

— Обойдемся и без нее, дело минутное. Давай, Кейт. — Спраг щелкнул пальцами. — Это мисс Паккер. Вопросы будет задавать она.

Мисс Паккер, деловитая молодая женщина в строгом синем костюме, села у кровати.

— Миссис Шимфизл, клянетесь ли вы говорить правду, только правду и ничего, кроме правды?

— Конечно. — Элнер подняла правую руку и перевела взгляд на мисс Паккер: — А на Библии надо клясться?

— Это лишнее. Ваше полное имя?

Элнер вытянула руку.

— Читайте, здесь на бирке написано, только «Шимфизл» с ошибкой.

— Приступай с ходу к вопросам, Кейт, — велел Спраг, стоявший на страже у дверей.

Мисс Паккер растерялась. Она привыкла следовать правилам, но делать нечего, пришлось подчиниться.

— Расскажите как можно подробнее о том, что произошло утром первого апреля.

— С удовольствием. Встала, выпила кофе с Мэкки, как обычно. Записала вопрос дня из программы Бада и Джея: «Какова высота Эмпайр-стейт-билдинг?» И подумала: позвоню-ка я племяннице Дине в Калифорнию — она точно знает, ведь она долго жила в Нью-Йорке, даже прислала мне пресс-папье с Эмпайр-стейт-билдинг. Это не жульничество, звонок другу разрешается, главное — первым назвать правильный ответ. Но едва я собралась звонить, пришла соседка, миссис Рид, славная женщина, и принесла корзинку помидоров черри; я ей: заходите, посидим. А она в ответ: нет, мне пора. Ее мужу удалили все зубы, он плохо себя чувствовал, и ей надо было в магазин за яблочным пюре. Я и говорю: «Ну, спасибо большое...»

Мисс Паккер прилежно записывала каждое слово, однако Спраг нетерпеливо щелкал пальцами.

— Миссис Шимфизл... эти мелочи можно опустить. Давайте поподробнее про несчастный случай.

Элнер продолжала:

— Будет и про несчастный случай. Уже скоро. Ну так вот, когда миссис Рид ушла, я и подумала: а не угостить ли ее свежим инжирным вареньем? Собралась звонить Мэкки, да только совестно было его беспокоить из-за каких-то...

— А дальше? — опять перебил ее Спраг.

— Вышла я во двор, влезла на лестницу, потянулась за ягодой — и вдруг на меня налетает целый осиный рой. Я только и успела подумать: «Ох-ох-ох!» — а когда очнулась, надо мной стояли врачи в зеленых купальных шапочках и галдели наперебой.

— Можете вспомнить, что они говорили? — спросила мисс Паккер.

— Нет, я ведь была без слухового аппарата, только видела, как губы шевелятся. И подумала: где же Норма и Мэкки? Наверняка отберут у меня лестницу! Потом задремала.

Мисс Паккер встрепенулась:

— А дальше?

— Проснулась я в темной комнате. Ждала, когда меня заберут, но никто не пришел, я и осталась лежать.

— Вы нажимали на кнопку вызова? — спросила мисс Паккер.

— Нет, я тогда еще не знала про нее, а то нажала бы.

— Сколько вы ждали?

— Не знаю. Темно было, а я без часов, но мне казалось, что долго, я испугалась, не забыли ли про меня, встала, пошла искать людей, но никого не нашла.

Снова вмешался Спраг:

— Миссис Шимфизл, медсестры не уходили с поста!

Элнер перевела на него взгляд:

— Даже не знаю, что и сказать. Ведь когда я вышла, там никого не было.

— Может быть, вы прошли мимо поста, но вас не заметили? — предположил Спраг.

— Все может быть. Хотя не такая уж я маленькая, меня трудно не заметить, ведь так? Я звала, громко звала. Даже если меня не видели, то уж слышали бы наверняка.

— А как вы звали? — решила уточнить мисс Паккер.

— «Э-гей, есть тут кто-нибудь?»

— Очень громко?

— Во все горло не вопила, чтоб никого не будить. Но достаточно громко, чтобы меня услышали.

— Миссис Шимфизл, может ли быть, что из-за плохого самочувствия вам только почудилось, что вы вышли из палаты? — вмешался Спраг, подглядывая в щелочку, что делается в коридоре.

— Я рассказываю то, что помню наверняка, я ведь под присягой. — Элнер смерила взглядом мисс Паккер. — Вы санитарка?

— Нет, мадам, я помощник юриста.

— Родственница моего покойного мужа Уилла в Маунт-Стерлинге, Кентукки, работала санитаркой и дослужилась до заведующей сувенирным магазином при больнице. Меньше чем за два года — неплохо?

— Очень неплохо, — кивнула мисс Паккер.

— А дальше? — Спраг метнул нетерпеливый взгляд на свою помощницу.

Мисс Паккер повторила:

— А дальше, миссис Шимфизл?

«Лучше бы она не спрашивала, — вздохнула про себя Элнер. — Придется выбирать из двух зол меньшее. Что страшнее — солгать под присягой или нарушить слово, данное Норме?»

В конце концов Элнер решила следовать правилу «меньше знаешь — крепче спишь» и, умолчав о своих встречах, сразу перешла к концу:

— Дальше я плыла по воздуху над больницей.

Кейт подняла взгляд от блокнота: уж не ослышалась ли она?

— Над больницей?

— Да. Зависла в воздухе, точно колибри.

Кейт взглянула на Спрага круглыми от удивления глазами:

— И это тоже записать?

Тот кивнул и поторопился:

— Дальше.

Элнер продолжала:

— Смотрю я вниз и думаю: кто потерял на крыше ботинок?

— Можете описать? — спросила Кейт.

— Крыша как крыша, серая, плоская, с карнизом, кое-где замазана дегтем.

— Не крышу, а ботинок, миссис Шимфизл.

— Обычный ботинок — старый, коричневый, кожаный, валялся в углу, возле квадратной трубы.

— Мужской или женский? — уточнила Кейт.

— Мужской или для женщины с огромными ножищами. У другой племянницы Уилла, Мэри-Грейс, были очень большие ноги, обувь для нее шили на заказ в Сент-Луисе. Такие ножищи, что в комнате не помещались!

— Что-нибудь еще? — спросила Кейт.

— Попробую припомнить... Да я не особо рассматривала, занята была полетом. Подошва, кажется, с шипами. Вроде гвоздиков.

Мисс Паккер была поражена:

— Как на ботинках для бейсбола? Или для гольфа?

— Хватит о ботинке, — перебил Спраг. — Что было дальше?

— Дальше? — повторила мисс Паккер.

— Очнулась я в палате, а рядом — Норма и остальные. Я и думаю: «Вот обозлится Норма, что я на дерево полезла!» Так и вышло. Норма вся в мать, обидчивая. Хотя она права, конечно. Зря я ее не слушалась. Ой, вспомнилось кое-что — пожалуй, стоит записать.

Кейт подняла глаза:

— Что?

— Один мой кот прожил двадцать пять лет.

Уже в коридоре мисс Паккер, страстная поклонница «Стар Трек», спросила:

— Может быть, она попала в другое измерение?

Спраг посмотрел на нее как на сумасшедшую:

— У меня всего один вопрос: она свихнулась еще до больницы или после падения?

О боже...

11:30

Норма вышла из кабинета слегка растерянная. Мистер Пикстон, конечно, сама любезность, но с чего это ему вздумалось показывать ей проекты новых корпусов, которые будут строить в 2012 году? Когда Норма вернулась в палату, тетя Элнер сидела на кровати с пультом в руках, переключая каналы.

— Похоже, кабельного телевидения здесь нет, — сказала она. — Хотелось поймать канал «Дискавери», а он не ловится.

Норма составила Элнер компанию, пока та обедала. Элнер была на седьмом небе от счастья: заказала три желе и две порции мороженого, и — удивительное дело! — ей принесли и то и другое. Норма не спускала с Элнер глаз, следила, все ли с ней в порядке, но та вела себя как обычно, болтала с каждым, кто входил в палату. Тревога Нормы понемногу рассеивалась, однако, оставшись с тетушкой наедине, Норма на всякий случай спросила:

— Тетя Элнер, вы точно никому больше не говорили о вашем... путешествии?

— Нет, родная, — успокоила Элнер племянницу. — Только тебе.

У Нормы отлегло от сердца. А Элнер продолжила:

— И тем, кто брал у меня показания.

Норма всполошилась:

— Что? Господи помилуй! Кому?

— Рыжему адвокату с девушкой.

— Когда?

— Только что, пока тебя не было. — Элнер опять взялась скакать по каналам. — Да ты не волнуйся, про твою маму и Соседку Дороти я молчок, только рассказала, как летала над больницей и видела на крыше ботинок.

Норму передернуло. А вдруг эта история просочится в газеты и вся семья попадет на растерзание журналистам? «Боже! — подумала она. — Может быть, они уже вынюхивают наши семейные тайны!» Задыхаясь, Норма кинулась к раковине и подставила лицо под ледяную воду.

Элнер проследила за ней взглядом.

— Та девушка взяла с меня клятву говорить правду, только правду и

ничего, кроме правды. Норма? Ты бы хотела, чтобы я солгала под присягой?

— Да! То есть... нет!

Норма стремглав бросилась в кабинет Франклина Пикстона, на бегу делая дыхательные упражнения, и спросила у мисс Хэмптон, можно ли увидеть его сию же минуту.

В кабинет Норма вошла на подкашивающихся ногах, с дрожащими коленками.

— Мистер Пикстон, простите за беспокойство... — Норма огляделась, понизила голос: — Мне очень неловко, но хотелось бы вас расспросить о... показаниях.

Пикстон сделал вид, что не понял.

— Показаниях?..

— Тетя сказала, что ваш адвокат взял у нее показания.

— Ах, вон вы о чем! — отозвался Пикстон. — Совсем запомнил. Пустяки, миссис Уоррен. Это для нашего архива, не стоит беспокоиться.

— Я просто хочу объяснить, что тетя... м-м... пока что не в себе. Если она рассказывала... гм... как летала по воздуху, о каких-то ботинках и так далее... надеюсь, это ей не повредит и не попадет в газеты.

Франклин поспешил ее успокоить:

— Нет, что вы, миссис Уоррен! Показания совершенно секретны, а если она что-то говорила о полетах, ничего страшного. Предсмертные галлюцинации — дело обычное.

Норма переспросила:

— Простите, что?

— Предсмертные галлюцинации. Людям чудится, будто они парят в воздухе, видят свет, говорят с умершими родственниками, святыми, и так далее и тому подобное. Сплошь и рядом.

Норма чуть успокоилась.

— То есть такое часто бывает?

— Конечно. Что-то вроде видений, вызванных острым кислородным голоданием мозга, выбросом эндорфинов. Но это к делу не относится.

— Ясно. Значит, огласки не будет и в газеты не попадет?

— Обещаю, миссис Уоррен. Если на то пошло, отчего бы и не

вычеркнуть все это из показаний? Сию же минуту позвоню Уинстону, не волнуйтесь.

— Спасибо большое! А то я слегка перепугалась.

— Не беспокойтесь, вычеркнем.

Норма рассыпалась в благодарностях и ушла с легким сердцем.

Франклин не знал, что записано в показаниях, да и знать не хотел. Ясно одно: Уинстон Спраг считает, что у старушки не все дома. Судя по всему, у племянницы с головой не лучше.

Котенок

15:10

Линда в тот день успела проработать с обеда до вечера. А дома навстречу ей выбежала радостная Эппл с вопросом:

— Где киска?

Нянечка, взглянув на Линду, объяснила:

— С тех пор как вы уехали, у нее только и разговоров что о кошке.

У Линды упало сердце. За два дня в суматохе она начисто забыла, что обещала дочке привезти кошку. Раньше Линде казалось, что ей и без кошки забот хватает — работа, ребенок, — однако теперь отступать некуда, она дала слово. Расстроенной Эппл она пообещала: завтра пойдем в Общество защиты животных за котенком. Как-никак тетя Элнер всегда твердит: что за дом без кошки? Позже, за ужином, Линде пришла в голову счастливая мысль. Она отвечала за социальные программы у себя в компании и обдумывала следующий проект. Теперь они с Эппл не просто возьмут котенка, нет, — завтра она объявит апрельскую акцию «Кошки ищут хозяев». У них в компании восемьсот пятьдесят с лишним сотрудников, и кошек заведут многие. То-то будет радости тете Элнер, что она не зря упала с дерева, — столько котят попадут в хорошие руки!

* * *

Мэкки вернулся из аэропорта в больницу около половины четвертого и вместе с Нормой просидел у Элнер до шести. По пути домой довольный Мэкки сказал:

— По-моему, она молодецом. Правда? Сама говорит, что чувствует себя прекрасно.

Притихшая Норма ничего не сказала в ответ.

Мэкки взглянул на нее:

— Все ведь замечательно, разве нет? И кости целы, и голова работает.

Норма вздохнула:

— Кто знает...

— Ты о чем?

— Ну...

— Что значит «ну»?

— Я не хотела ничего рассказывать, Мэкки, но у меня душа не на месте.

— Отчего?

— Мэкки, если я тебе расскажу, клянешься никому ни слова?

— Само собой. В чем дело-то?

— Тетя Элнер говорит, что гостила на небесах.

— Что?

— Да... Вчера она рассказала, что, пока мы ждали в приемной, она встала, пошла по коридору искать людей, села на лифт, а тот заходил ходуном и перенес ее в другое здание.

— Куда?

— погоди, Мэкки, дальше — хуже. Она пошла по длинному белому коридору, навстречу ей — Джинджер Роджерс, в боа из перьев и в туфлях для чечетки.

— Джинджер Роджерс? Шутишь!

— А в конце коридора за большим столом сидела моя мама.

У Мэкки вдруг загорелись глаза.

— Дальше?

— Мама повела ее по хрустальной лестнице на небеса, а в итоге привела в Элмвуд-Спрингс пятидесятилетней давности. И тетя Элнер ходила в гости к Соседке Дороти и ее мужу, почему-то Реймонду.

Мэкки рассмеялся.

Норма строго глянула на него:

— Ничего смешного, Мэкки. Она сказала, мама знает, что Тотт ее причесывала и пудрила. Откуда?

— Норма, успокойся... это просто сон. Впрочем, если ей снилась твоя мамаша, то скорее кошмар.

— Я ей сказала, что это сон, а она в ответ: нет, все правда. Она клянется, что говорила с Эрнестом Кунитцем и Томасом Эдисоном, а этот самый Реймонд ей рассказал, что яйцо было раньше курицы, и еще что-то про блох. Ах да! И велел кое-что передать.

— Что именно?

— Да всякую избитую чушь. Сам знаешь. Будьте счастливы. Улыбайтесь... и тому подобную ерунду. Я ничего не поняла, очень уж путанный был рассказ, но она божится, что все правда и ее там даже пирогом угостили.

— Не пугайся, Норма, ей все это приснилось.

— Уверен?

— Разумеется! Она ведь была без чувств. Кто знает, какими ее лекарствами накачали. Помнишь, когда Линде удаляли гланды, ей приснилось, что в палате пони?

— Так просто?

Мэкки кивнул:

— Через денек-другой она наверняка все забудет, вот увидишь.

— Хорошо бы... А вдруг примется трезвонить направо и налево, что была на небесах? Поболтать тетя Элнер большая любительница, сам знаешь... Если проговорится, что видела Джинджер Роджерс, — не выпустят ее из больницы до конца дней.

Немного спустя Мэкки поинтересовался:

— А что за пирог?

— Понятия не имею, она не сказала.

Мэкки вновь расхохотался:

— Реймонд! И откуда только взяла?

— Ума не приложу... А как по-твоему, могла мама узнать, что Тотт ее причесывала? Не хотелось обижать Тотт, что же мне еще оставалось?..

Мэкки с тревогой глянул на жену — та терзала в пальцах бумажный платочек.

— Норма, тебе бы выспаться хорошенько.

Сестра Бутс

19:19

Вечером, перед самым концом дежурства, медсестра Бутс Кэрролл, подруга Руби Робинсон, наведалься к Элнер.

— Могу я что-нибудь для вас сделать, пока не ушла? — спросила она.

— Нет, спасибо. Со мной и так все носятся.

— Тогда спокойной вам ночи, утром забегу.

Бутс, самая пожилая медсестра в больнице Каравэй, оставалась на работе допоздна лишь потому, что сестер не хватало. В те времена, когда они с Руби только начинали, все было по-другому. В юности обе бредили фильмом «Женщины в белом», а профессия медсестры тогда считалась благородным делом, служением на благо людям — «всего ступенькой ниже монахини», как говаривали ее подруги-католички... но с тех пор много воды утекло. Теперешним молодым сестрам подавай денег побольше, остальное их не волнует. Вступив в профсоюз, они вечно бастуют или грозят забастовать. А до больных никому дела нет. Все сестры — участницы забастовок ненавидят Бутс за то, что в дни стачек она выходила на работу, но для Бутс превыше всего — пациенты. Профессия медсестры перестала быть чисто женской. В сестринское дело хлынули мужчины, и Бутс это не по душе. В прежние времена из-за мужских предрассудков женщине трудно было стать врачом, а теперь мужчины заполнили даже ее профессию. Многие медбратья — ребята серьезные, работают на совесть, однако немало и неженков, белоручек. До их сексуальных пристрастий Бутс дела нет, но один из них донес на нее директору больницы, несправедливо обвинил в ошибке, и Бутс понизили в должности. И разговоры у него гадкие. Всех пациенток он потехи ради называет «сучка из триста четвертой палаты», «жирная сука», «тощая сучонка». Ненавидит женщин — как можно?! Для профессионала что женщины, что мужчины, все равны. Бутс никогда не называет больных «ублюдками» или «сучками», хотя за годы работы вдоволь насмотрелась на тех и других. Противный юнец вечно слоняется по коридорам, бахвалится своими похождениями, трезвонит о кинозвездах, которых в глаза не видел, и послушать его, так все мужчины мечтают с ним переспать. Он сплетник и негодяй, в медицине таким не место. В 1987 году у Бутс обнаружили рак и ампутировали правую ногу, она ходит на протезе. Когда она услышала ненароком, как этот желторотый

за спиной называет ее «сучка-хромоножка», ей было не до смеха. Знал бы он, как все болит по ночам после беготни по коридорам, представил бы хоть на секунду, как это непросто и мучительно — заново учиться ходить. А она ведь живой человек. «Хоть я и медсестра, — думала Бутс, — но я еще и женщина!»

Добро пожаловать домой!

20:48

Подъехав к дому, Норма и Мэки увидели на дорожке автомобиль Нормы, с запиской на ветровом стекле, — Мерл и Вербена перегнали машину от дома Элнер. А под дверью их ждали шесть-семь записок от друзей: все счастливы, что Элнер жива. Войдя в дом совершенно без сил, Норма обнаружила, что на автоответчике кончилась пленка — столько оказалось сообщений с вопросами об Элнер. Неудивительно: тетушка знала каждого в округе, и из всех, кого знала Норма, лишь Элнер не пряталась от «Свидетелей Иеговы». Обзвонив всех и очистив автоответчик, Норма села рядом с Мэки.

— Линда звонила, она уже дома. Завтра хотят взять котенка.

Мэки кивнул:

— Отлично.

Помолчав, Норма скосила глаза на мужа.

— Я говорила, что тетя Элнер прошла сквозь пуговицу?

— Сквозь какую пуговицу? — опешил Мэки.

— Большую, перламутровую, с дверью посредине.

Мэки покатился со смеху.

— Смейся сколько хочешь, но я очень вовремя предупредила мистера Пикстона насчет показаний, а то тетю Элнер упекли бы в психушку — и поминай как звали!

— Норма, если кого и упекут в психушку, так тебя — за то, что веришь в такую чушь.

Норма вздрогнула.

— Я не верю! Зато тетя Элнер ни капельки не сомневается. Но ты прав, я так устала, что мысли путаются... Честное слово, если еще что-нибудь стрясется...

В дверь постучали.

— Ну кого принесло? — простила Норма.

На пороге стояла Руби Робинсон с пистолетом.

— Не смогла дозвониться до вас. Вот что я нашла у Элнер в бельевои корзине... Не знаю, возвращать или нет?

Остолбеневшей Норме даже не удалось упасть в обморок.

— Заходите, Руби, — выдавила она. — Пусть Мэки с этим

разбирается. Мне надо прилечь, не то на пороге рухну.

Чуть позже Мэкки нашел жену в спальне — она лежала пластом на кровати, с мокрым полотенцем на лбу.

— Что за кошмар на этот раз? — простонала Норма.

— Пустяки. Руби нашла эту штуковину у Элнер в корзине с бельем и испугалась, только и всего.

— Скажи, что он ненастоящий! Нет, лучше молчи. Это выше моих сил.

— Ненастоящий, — заверил Мэкки, расстегивая рубашку. — Всего лишь безобидный стартовый пистолетик, из каких стреляют на автогонках. Не иначе Лютер Григз оставил тете Элнер на хранение. Спи спокойно.

— Настоящий или нет — какая разница?! Руби-то, бедняжка, наверное, страху натерпелась! Скажи Лютеру, чтоб не смел оставлять у тети Элнер всякую дрянь; сперва грузовик, теперь пистолет. А вдруг тетя Элнер нечаянно застрелилась бы?

— Исключено. Он стреляет холостыми.

— Неважно. В корзине с бельем ему не место. Не одно, так другое. За тетей Элнер глаз да глаз нужен!

Норма уснула, а Мэкки не мог сомкнуть глаз. Ему ведь пришлось соврать Норме. Пистолет не игрушечный и не стартовый — это ясно и ему, и Руби. Ну откуда у Элнер в бельевой корзине заряженный пистолет тридцать восьмого калибра?! Определенно от Лютера Григза... и хватило же ума притащить старушке в дом такую опасную штуку! Лютер, конечно, парень хороший, да только мозгов маловато; дать бы ему хорошего пинка, чтоб усвистел в соседний штат! Зря Руби принесла эту дрянь. Норма и без того ищет предлог, чтобы отправить Элнер в приют для престарелых, а Элнер ни за что не согласится. Эх, незадача. Сперва история с деревом, а теперь пистолет. Завтра надо встать спозаранку, поехать к реке — и, как говорится, концы в воду, в прямом смысле. Лютер, ясное дело, никого не пристрелил и не ограбил — такой дурень непременно попался бы. Взломав отцовский фургон, он оставил записку: «Это я».

Новый день

04:00

Норма проснулась чуть свет, когда Мэкки сладко похрапывал, привалившись к жене. Спихнув Мэкки обратно на его половину кровати, она попыталась вновь уснуть, но не вышло. Если уж что-то разбудило ее среди ночи, глаз она уже не сомкнет, как бы сильно ни устала. Норма лежала без сна, в голове бродили тревожные мысли о тете Элнер, о ее встрече с мамой и остальными. Ясное дело, это сон — прогулка по небу, гигантская пуговица; верить в подобные сказки — глупость несусветная. И все-таки много в этой истории странного и загадочного. Во-первых, по словам врачей, тетя Элнер умерла по-настоящему; во-вторых, все приборы проверили и они оказались исправны; в-третьих, доктор сказал, что после такого падения тетя Элнер выжила чудом, и наконец, теперь она слышит без слухового аппарата. Неужели она говорит правду? Боже! Еще накануне Норма была уверена в своей правоте, но сейчас ее, как обычно, одолели сомнения. Что, если это все-таки не сон? Что, если это знак свыше, чудо, о котором она молила Бога? Вот было бы здорово! Может быть, и впрямь вечная жизнь существует. Норма поднялась, тихонько взяла одежду и на цыпочках вышла из спальни. Оделась, подкрасилась и приклепнула на кофейник записку для Мэкки:

Милый, мне не спалось, и я поехала в больницу к тете Элнер. Позвоню тебе на работу. Целую, Норма.

* * *

По дороге Норма решила завернуть к тете Элнер домой за расческой и другими нужными мелочами, которые не захватила в прошлый раз. Еще не совсем рассвело. Включив в доме свет, Норма поразилась чистоте вокруг. Тотт и Руби славно потрудились! В спальне Норма на минуту задумалась, не снять ли со стены над кроватью гадкую картинку, где крысы скачут по песку, — тетя Элнер вырезала ее из журнала. С халатом, к счастью, удалось покончить, а когда еще выдастся возможность избавиться от картинки? Сбрав волю в кулак, Норма все же удержалась от расправы. Из комода она

достала две новенькие ночные рубашки, которые сама подарила тете Элнер на Рождество, на всякий случай и слуховой аппарат прихватила. Вчера тетя Элнер слышала превосходно, но мало ли?..

Неприятные сюрпризы — вот что больше всего портило Норме жизнь. Никогда не знаешь, что случится через минуту, а для Нормы самое страшное — неожиданности. По дороге в Канзас-Сити она думала: если бы пару дней назад ей сказали, что она будет навещать тетю Элнер в больнице, она бы не поверила. И надо же такому случиться именно сейчас!

Именно сейчас, когда Норма наконец-то завершила ремонт в новом доме, пережила климакс, не дойдя до смертоубийства, похудела на два с половиной килограмма и через сорок три года после свадьбы наладила интимную жизнь с Мэкки по своему вкусу — четко по расписанию, каждое воскресенье часа в четыре-пять, смотря по обстоятельствам. Воскресная любовь — подлинный праздник, нечто возвышенное и одухотворенное. Воистину исполнение супружеского долга, а не минутный каприз, как хотелось бы Мэкки.

Аккуратистка до мозга костей, Норма любила все делать правильно. Для супружеской любви надо принять горячую ванну, включить приятную музыку — словом, устроить настоящий праздник. Мэкки — все еще красивый мужчина, его рыжеватая шевелюра почти не поредела... вот только до него никак не доходит, отчего Норме не прыгнуть в постель без всяких приготовлений. Надо, мол, быть непосредственными. В молодости Норма шла ему навстречу, чтобы сделать приятное, — мужчины такие ранимые. Она не знала, как это бывает у других и насколько часто: подобную тему она не осмелилась бы ни с кем обсуждать. К большому ее облегчению, когда Линда доросла до опасных вопросов, в школе ввели половое воспитание, и ей не пришлось объяснять дочери, откуда берутся дети.

Во времена ее юности вопросы пола упорно замалчивали, не то что сейчас. Несмотря на стыдливость, Норма вовсе не была холодна в постели, но собственная страстность ее конфузила и заставляла краснеть, хотя и приводила в восторг Мэкки. «Не надо слов, Мэкки», — смущенно бормотала она, когда муж превозносил ее темперамент. И все же Норму не могло не радовать восхищение мужа, и иногда она принимала свою фирменную пенную ванну в среду или четверг, чтобы сделать Мэкки сюрприз, а подготовка ему не требовалась, не то что Норме. Должно быть, все мужчины такие — откуда ей знать, ни у кого ведь не спросишь, со стыда сгореть можно. Норма и Мэкки дружили с седьмого класса и поженились, когда обоим было по восемнадцать. Других кавалеров у

Нормы никогда не было, ее знания о мужчинах ограничивались Мэкки Уорреном — ну так что ж. Норме нравилось жить именно так, как сейчас, — и вот пожалуйста, стоило ее жизни войти в нужное русло, тетя Элнер пережила клиническую смерть и все перевернула вверх тормашками.

* * *

В больницу Норма подроспела к завтраку. Санитар как раз поставил Элнер на стол поднос.

— Привет! — обрадовалась старушка, увидев Норму. — Что это ты в такую рань?

— Решила не дожидаться пробок на дорогах. Как самочувствие?

— Укусы чешутся слегка, а в остальном прекрасно. Ты приехала за мной?

— Пока не знаю. Хорошо бы, но с врачами я еще не говорила.

— Да, хорошо бы. Хочу домой. Глянь-ка! — Элнер ткнула ей в руку печенье. — Твердое, как камень. Ах да, омлет ничего, а вот яблочное желе надоело. Ты завтракала?

— Нет еще.

— Поешь со мной.

— Давайте-ка сами, тетя Элнер, вам надо поправляться. Все приветы шлют, подружки ваши зайдут на днях. Как спалось?

— Хорошо, только меня всю ночь будили, уколы делали, пульс считали, давление мерили. Больных здесь без присмотра не оставляют — по мне, так могли бы и поменьше суетиться. — Элнер протянула чашку: — Кофе жидковат. Привезешь мне получше?

— Обязательно. Тетя Элнер, я хотела спросить кое о чем.

— Ну?

— М-м... о вчерашнем... о вашем... — Норма огляделась и закончила еле слышным шепотом: — Путешествии.

— А разве можно о нем говорить? — шепнула Элнер в ответ.

— Только со мной. Расскажите поточнее, что вас просили передать.

— Так... Дай бог памяти... Реймонд говорил: «Жить на свете становится все лучше и лучше». В этом роде.

— А Соседка Дороти?

— «Счастье — дело наших рук. Надо улыбаться, в мире много солнца».

— И все?
— В общем, да. А что?
— Просто я ожидала чего-то... более глубокого, что ли.
— Я тоже, но на деле эдак и лучше. Жизнь-то намного проще, чем нам кажется.
— Это точно все? А о конце света не говорили?
— Нет. Правда, Реймонд всем нам велел держаться, — уже хорошая новость.
— В надеждах на лучшее нет ничего нового. Я-то мечтала услышать откровение, а это старо как мир!
— Старо — еще не значит неправильно, Норма.
— Разумеется, и все же...
В палату заглянула медсестра:
— Миссис Шимфизл, звонят с радио, хотят устроить с вами прямой эфир... какой-то Бад.
У Элнер загорелись глаза.
— Бад! Из шоу Бада и Джея! Можно им рассказать про курицу и яйцо, Норма? Я не проговорюсь, откуда узнала.
Этого еще не хватало! Норма так и подпрыгнула.
— Тетя Элнер, никаких выступлений по радио! Я сама с ними поговорю.

Спустя пару минут Бад объявил слушателям:
— Итак, друзья, только что я пообщался с племянницей Элнер Шимфизл в Канзас-Сити. Сама миссис Шимфизл пока не может подойти к телефону, но чувствует себя нормально и всем передает привет. А сейчас, миссис Шимфизл, если вы нас слышите... звучит песня для вас... Делла Риз, «Как много значит день».

* * *

Вернувшись в палату, Норма уставилась на Элнер как на подопытного кролика, наблюдая за каждым ее шагом и силясь понять, в своем ли та уме. Но разве поймешь, если в палате без конца толкуются посторонние? Впрочем, пока все вроде нормально... если обычное поведение тети Элнер вообще можно назвать нормальным.

Гости

11:30

Ближе к полудню женщины из Элмвуд-Спрингс встретились в центре города, у входа в редакцию, гурьбой ввалились в микроавтобус Кэти Колверт и отправились к Элнер. Настроение у всех было отличное — как ни крути, в больницу ехать приятнее, чем на похороны. Ирен сказала:

— Чудеса, Элнер живехонька! А я-то успела приготовить три фасолевые запеканки и три кекса на поминки.

Тотт, сидевшая сзади у окна (как единственная курильщица), продолжила:

— А я таблеток наглоталась, не до стряпни было.

Нева добавила:

— А я разучивала ее любимые гимны.

Руби подхватила:

— Я разморозила ее холодильник и чуть не забрала домой ее кота, это чудовище.

Настал черед Вербены:

— Мы с Мерлом прислали цветок в горшке, а потом Мерл перебил у нее всех улиток. Кошмар, если Элнер узнает. Она улиток как родных обожает.

Наконец, подала голос Кэти Колверт:

— Я вас, девочки, всех переплюнула — некролог успела состряпать!

И вся компания покатывалась со смеху до самого Канзас-Сити.

В палате у Элнер женщины дружно заахали, до чего бодрый у нее вид, несмотря на все злоключения. Тотт смерила взглядом бледную Норму:

— А вот ты выглядишь ужасно. Развалина, да и только.

— Просто устала — поднялась ни свет ни заря, — оправдывалась Норма.

Тотт повернулась к Элнер:

— Ну, голубушка, ты и учудила. Всех на уши поставила! Мы уж решили, конец пришел нашей Элнер.

— Я и сама так решила, — ухмыльнулась та в ответ.

— Когда домой? — спросила Ирен.

— Не знаю еще. За мной пока наблюдают.

— Зачем? — удивилась Тотт.

— Да кто их разберет... может, проверяют, в своем ли я уме?

Вербена пристально смотрела на Элнер:

— Как ты себя чувствуешь? Голова не болит? У меня от осиных укусов головные боли.

— Ничего у меня не болит. Зато я тут превратилась в здоровенную подушку для иголок: всю истыкали, вертели так и эдак, разве что наизнанку не вывернули. Каких только анализов не делали, иные и по два раза. В старательности здешним докторам не откажешь!

Тотт с решительным видом пристроилась на стуле рядом с кроватью.

— Теперь о деле. Страх как хочется узнать, что бывает, когда умрешь? Идешь по белому коридору, встречаешь кого-нибудь?

Норма затаила дыхание, но Элнер, человек слова, отвечала:

— Никаких белых коридоров.

— Вот жалость! — протянула Тотт. — Я-то надеялась, что ты нам порасскажешь интересного, мудростью поделишься.

— Да, — поддержала ее Нева. — Быть может, у вас были прозрения, откровения или что-то подобное?

— Вот-вот! — вторила ей Вербена. — Говорят, пережив клиническую смерть, некоторые становятся целителями. Я надеялась, что ты вылечишь мой артрит.

Элнер, прищурившись на Норму, отозвалась:

— Я вам одно скажу: нужно жить каждый день как последний — кто знает, что дальше. Взять, к примеру, меня: только что собирала инжир — и на тебе, в следующий миг лежу без сознания.

Тем временем Руби Робинсон решила найти Бутс — перекинуться словечком и разузнать, что же все-таки случилось.

Бутс, отдыхавшая во время перерыва в сестринской, обрадовалась подруге и призналась начистоту:

— Всем нам велено держать язык за зубами, но тебе скажу как есть. — Бутс огляделась по сторонам, не подслушивает ли кто. — Проверяли-перепроверяли, да так и не поняли, в чем дело. В приемном тогда дежурила моя подруга Гвен; она клянется, что Элнер была мертва.

— Что за чудеса?

— Сколько лет работаю — ни с чем таким не сталкивалась.

Руби вернулась в палату в самое время, чтобы услышать радостный возглас Элнер:

— Кэти прочла мне мой некролог! Замечательные слова! Жаль, в

газету не попал!

Гости просидели до трех и пустились в обратный путь, пока не начался час пик.

* * *

После ухода подруг Элнер сказала Норме:

— Девочки пробовали дозвониться до Лютера, но его нет в городе. Вот огорчится-то, что пропустил самое интересное!

— По правде говоря, ему же лучше — сами понимаете, он большой ребенок.

— Это точно. Нева расписывала пышные похороны, которые мне готовили, а послушать Ирен, так вас с Мэки накормили бы запеканками до отвала. Эй, не жалеешь теперь, что я ожила? Запеканки можно заморозить. Вам с Мэки на целый год хватит.

— Боже мой, тетя Элнер! — взмолилась Норма. — Запеканку я и так приготовлю! Незачем ради нее умирать!

— Надеюсь, Дина с Джерри не купили билеты, чтобы успеть на мои похороны, а если купили, то их можно сохранить до следующего раза, ведь так?

Норма строго взглянула на нее:

— Тетя Элнер, если вы еще хоть разок вздумаете умереть, то честное слово... хватит с меня и одного раза.

На ужин подали печенку с луком, и Элнер, дождавшись ухода медсестры, пожаловалась Норме:

— Печенка как подошва! В нашей забегаловке в тысячу раз вкусней готовят.

— На вид и впрямь не ахти, — согласилась Норма.

— Когда ж меня отсюда вытолкают наконец? Скорей бы домой!

— Может, завтра станет ясно.

— Не нравится мне, милая, что ты мотаешься туда-сюда каждый день, у тебя и без меня забот по горло.

— Глупости! Главная моя забота — чтобы вам было хорошо. — Норма взяла Элнер за руку. — Если с вами что-нибудь случится, я просто умру.

— Спасибо. Добрая ты моя девочка...

Вечером Норма уехала домой, и Элнер осталась наедине со своими мыслями. Жаль, не поверила племянница ее рассказу о том, как она со всеми виделась и как там чудесно... Что поделать, силком не заставишь. Элнер рада была вернуться к друзьям и родным, ее окружили такой любовью. И Норму ей совсем не хотелось бы огорчать, но в глубине души Элнер немножко досадовала, что снова очутилась здесь. Реймонд и Дороти, конечно, неспроста отправили ее назад... а как хотелось бы остаться. Ах, какая жалость, что не удалось повидаться с Уиллом! Уж эти мысли точно нужно держать при себе, но как же это трудно! Не скажешь ведь близким, что хочешь умереть, — толку никакого, а им будет больно. И все-таки, почему ее вернули? Еще одна тайна бытия, и лишь они знают ответ. С минуту Элнер лежала молча, потом запела: «Святая тайна бытия, теперь нашел разгадку я... Теперь...»

В палату влетела перепуганная ночная медсестра:

— Как вы себя чувствуете, миссис Шимфизл?! Вам плохо?

— Наоборот, хорошо. Спасибо.

— Простите, мне послышалось, будто вы стонали.

— Это я пела. — Элнер засмеялась. — Я пою не лучше, чем Эрнест Кунитц играет на тубе, но он хотя бы уроки берет.

— Еще раз простите, что вас потревожила. Спокойной ночи!

— Спокойной ночи. Если ко мне привяжется еще песня, я вас предупрежу.

— Чтобы я успела заткнуть уши ватой?

— Точно.

Возвращаясь на пост, медсестричка улыбалась.

— Ну и чудачка лежит в семьсот третьей! — сказала она подруге в регистратуре. — Буду скучать, когда ее выпишут. Слышала бы ты, как она нам рассказывала про своих семерых рыжих котов по кличке Сонни!

— У нее семь котов Сонни?

— Один. Просто каждого нового она называет Сонни. А еще она обещала после выписки всем нам прислать инжирного варенья и картинку с какими-то мышами, которые скачут по пустыне.

— Да она чокнутая!

— Пусть чокнутая, зато забавная. И безобидная. Совсем не то что кислые рожи, на которые мне обычно везет.

— Кстати, насчет кислых рож: приходил Уинстон Спраг, разорялся,

щелкал пальцами, всех смешал с грязью. Одну из девочек довел до слез. Незнамо с чего нос задирает!

— Вот нахал! — Девушка оглянулась по сторонам, не слушает ли кто, и продолжала: — Наверняка свое хозяйство пудрит пуховкой.

Ее подруга приглушенно хихикнула:

— Еще как пудрит! Гаденыш!

Сомнения

18:58

Норма возвращалась из больницы домой, и на душе у нее было неспокойно. Она так и не решила для себя, стоит ли верить тете Элнер. По словам мистера Пикстона, предсмертные галлюцинации — дело обычное, да Норма и сама о таком слыхала. А Мэкки убежден, что приключения тети Элнер — всего лишь сон. Не исключено, но как знать? История, конечно, дикая и мало похожа на правду, но все же так хочется верить, что о нас кто-то заботится, пусть даже этот самый Реймонд! Норма всеми силами поддерживала в себе веру. Каждое утро первым делом она перечитывала открытку, что вручили ей при вступлении в Церковь единства. Открытка висела в ванной на зеркале.

С добрым утром!
Я ваш Господь.
Все ваши заботы возьму на Себя,
Идите же с миром,
Удачного дня!

Каждое утро Норма начинала «с миром», вверяла Господу все заботы и тревоги, но через пару часов успевала забыть, что он взял их на себя, и вновь они ложились ей на плечи. Отчего ей так трудно продержаться хотя бы день? И если Бог есть, что ему стоит явить себя и избавить ее от сомнений раз и навсегда? Неправда, что все верующие — сплошь замечательные люди. Столько веков они проливали за веру кровь! Ее мать, истая пресвитерианка, добротой не отличалась — и даже после смерти не смягчилась... судя по рассказу тети Элнер. Зато добрее неверующего Мэкки трудно сыскать на свете человека. «Немудрено, — думала Норма, — что столько людей находят отдушину в выпивке и наркотиках».

Гаденыш

19:03

Уинстон Спраг таращился в стену гостиной в своей роскошной квартире с телевизором последней модели, стереосистемой, тренажерами и прочей техникой, нажитой сомнительными путями. Взяв у старухи показания, он вернулся в кабинет и забыл бы о них — дельце-то пустяковое, — однако, перечитав показания несколько раз, уже не мог отделаться от слов Элнер. Очень уж красочно та описала чертов ботинок! Наверняка она чокнутая, но на всякий случай надо бы залезть на крышу больницы и проверить... Так он и сделал: поднялся на чердак, открыл дверь на крышу и обошел все кругом, заглянул в каждый закоулок. Пусто. Только дохлый голубь, а ботинка нет и в помине. Спраг уже почти жалел, что взялся проверять. Глядя с крыши на раскинувшийся внизу Канзас-Сити, он расхохотался, представив, как старушенция парит над больницей. Напоследок Уинстон остановил взгляд на старой пристройке, где теперь прачечная. Раз уж взялся, надо и там поискать, решил он. Дверь на пожарную лестницу оказалась заперта — пришлось спускаться и искать сторожа.

— Эта дверь всегда на замке? — спросил Уинстон.

— Да.

— Давно вы сюда поднимались?

— Давненько. Помню, еще крыша протекла и кровельщиков вызывали.

— Когда это было?

— Года три-четыре назад.

— И с тех пор больше никто сюда не поднимался?

— Нет.

Сторож отпер замок, и Уинстон, миновав узкий пролет, толкнул последнюю дверь, что вела на крышу. То ли ее заело, то ли она тоже была на замке, но ему пришлось потрудиться. Уинстон упорно ломился, пока дверь наконец не приоткрылась настолько, что он смог протиснуться в щель. Здание выходило на юг, и солнце слепило глаза, отражаясь от светло-серого гравия. Уинстон прошелся по раскаленной крыше, осмотрел каждую трубу, но ничего не увидел, лишь ручку от швабры. Перейдя на другую сторону, он заглянул за самую дальнюю трубу. Вот когда его прошиб ледяной пот и волосы встали дыбом! Между трубой и карнизом лежал

ботинок для гольфа, коричневый, с шипами. Боже!

Спраг зажмурился. Открыл глаза: не померещилось ли? Нет. Ботинок на месте, точь-в-точь как описывала миссис Шимфизл. Спраг обливался потом, одежда прилипла к телу. Затаив дыхание, он подошел ближе. Склонился, рассматривая находку. Наконец с опаской, будто ядовитую змею, поддел ботинок носком туфли. Тот не поддавался. Спраг пнул сильнее. Никакого толку. Присев на корточки, попытался его поднять. Ботинок наполовину увяз в смоле, которой была замазана крыша. Минут пять Спраг отдирает его, потая все больше. Оторвал-таки, но что с ним теперь делать? И прежде всего — как незаметно пронести вниз? Пристроив ботинок у двери, Спраг спустился по лестнице, выудил из урны бурый бумажный пакет с надкусанным бутербродом, объедки выкинул, бегом вернулся на крышу, положил ботинок в пакет и сунул под мышку. Спустился по пожарной лестнице, прошел через подвал в главный корпус и скрылся в туалете. Кое-как отскреб с рук смолу и спрятал пакет за дверью, чувствуя себя преступником. Поднялся в кабинет к Франклину Пикстону, захлопнул дверь и прижался к ней, едва дыша, весь в поту.

Пикстон в изумлении вытаращился на него:

— Что вы здесь делаете? И что за вид? Взмокли, запыхались... Пробежку устроили?

Спраг выпалил:

— Ботинок на крыше!

— На какой еще крыше?

— Эта... миссис Шимфизл... клялась... что видела на больничной крыше ботинок.

— И что?

— Вы м-меня н-не поняли, — выговорил с запинкой Спраг. — Она рассказывала, что парила в воздухе над больницей и видела на крыше ботинок... И я залез на крышу — а там и вправду ботинок!

— Что за выдумки? Решили меня позлить?

— Чистая правда! Ботинок и в самом деле на крыше.

— Будет вам, Уинстон, возьмите себя в руки. Мало ли совпадений случается в жизни.

— Совпадений? Да он лежал на том самом месте, именно коричневый и кожаный! Причем именно для гольфа!

— Она так и сказала — для гольфа?

— Да. Коричневый кожаный ботинок для гольфа — и, черт подери, так и есть. Говорю же, не могла она его видеть, если и вправду не умерла.

— Я вас умоляю, Уинстон, не сходите с ума. У нас забот хватает и без

этих бредней — посмертные видения и прочее мракобесие.

— Для вас, может, и бредни, но говорю же, Франклин, был там ботинок!

Франклин поднялся, запер дверь, налил Уин-стону выпить.

— Успокойтесь и повторите дословно, что она сказала.

— Миссис Шимфизл видела на крыше возле трубы коричневый кожаный ботинок с шипами. И он оказался на том самом месте.

— Ясно. Что-то здесь не сходится — по-моему, дело нечисто.

— То есть как?

— А вдруг они все подстроили? И ботинок она сама подбросила?

— Как подбросила? Когда? Медсестры клянутся, что она не выходила из палаты.

— Может быть, это племянница или ее муж. Или они сговорились с кем-то из больницы. Или наняли небольшой самолет. Или воздушный шар, прилетели и сбросили ботинок на крышу.

— С какой стати?

— Ради денег, чтобы в газеты попасть, на телевидение пробиться.

— Что вы, Франклин! Старушка под девяносто нарочно сует руку в осиное гнездо, получает семнадцать укусов и падает с шестиметровой высоты, чтобы ее показали по ящику? Да и дверь на крышу была заперта, а ключ только у сторожа.

— Неужели никакого разумного объяснения нет?

— Нет! В том-то и дело, что нет.

— Ботинок там и лежит?

— Нет, я забрал.

— Зачем?

— Зачем?! Понятия не имею зачем! Перепугался до смерти, и все.

— Где он?

— В туалете. Хотите посмотреть?

— Обойдусь. Зато если Уоррены вздумают подать в суд, мы пригласим желающих на крышу: дескать, полезайте и ищите, милости просим! А ботинка-то никакого там и в помине нет! Если эта история всплывет, к нам стекутся психи со всей Америки и разобьют на нашей автостоянке палаточный городок.

Уинстон кивнул:

— Пожалуй, вы правы... А с ботинком-то что делать?

— Что за вопрос. Вышвырните к чертям.

— А это не противозаконно?

— Милый мой, вы же юрист! Нашли ботинок. Выкинули хлам. Точка.

Выпроводив Спрага, Пикстон тяжело вздохнул. И так забот по горло, а тут еще Уинстон с ума сходит из-за дурацкого ботинка! Не верит он во все эти так называемые чудеса: плачущие статуи, круги на полях, Лох-Несское чудовище, снежный человек — вранье чистой воды, чушь собачья. Диву даешься, до чего легковжны люди. Готовы молиться и банке зеленого горошка, если думают, что исцелятся или попадут в рай. «Наступит ли день, — изумлялся про себя Пикстон, — когда люди выберутся из тьмы невежества?» Франклин сам изучал философию в Йельском университете, и будь его воля, во всех американских школах дети изучали бы Дидро, Канта, Ницше, Гегеля и Гете. Люди до того невежественны, что оторопь берет. Нынешняя молодежь в большинстве своем двух слов связать не может, не то что здраво мыслить. Эдак американцы вырождаются в нацию дикарей с дубинками. Какое счастье, что Спраг — выпускник Гарварда, а главное — трезвомыслящий человек.

Беспокойная ночь

20:03

Норму, вернувшуюся из Канзас-Сити, дома ждала куриная запеканка с грибами. Ее оставила миссис Рид, с запиской: «Ешьте на здоровье, не пропадать же добру». Норма обрадовалась, что готовить самой не придется, и принялась за ужин. Мэкки дотошно расспрашивал ее об Элнер, и разговор вкупе с долгим днем так утомил Норму, что она легла в половине десятого и сразу уснула. Однако спала она беспокойно. Слова тети Элнер преследовали ее, Норма вспоминала их снова и снова, даже во сне. В три часа ночи Норма вдруг подскочила на кровати и громко произнесла:

— Да это же песня Джонни Мэтиса!

Проснулся Мэкки.

— Ты о чем? — сонно пробормотал он.

— «Счастье — дело наших рук». Помнишь? «Оглянись вокруг, мой друг, счастье — дело наших рук...»

Мэкки потянулся к выключателю, зажег свет и уставился на жену:

— Ты в своем уме?

— Вслушайся, Мэкки! — Она продолжала напевать: — «Надо улыбаться... в жизни много солнца...» Неужели забыл?

— Забыл. Ты лучше на часы посмотри — три часа ночи!

— Зато я прекрасно помню. У Линды была пластинка, она ее без конца крутила. Тетя Элнер пересказывала нам старую песню Джонни Мэтиса! Теперь понял? А хрустальная лестница? Это же из ее любимого церковного гимна! Все ей приснилось, Мэкки. Не была она ни в каком раю.

— А я что говорил? Давай спать.

Мэкки погасил свет, и успокоенная Норма притихла. Теперь-то понятно, почему рассказ тети Элнер показался слышанным тысячу раз! Но стоило ей осознать, что небесная прогулка тети Элнер — всего лишь сон, непонятная грусть нахлынула на нее. Не было никакого знака свыше, чуда, откровения. Крохотный, робкий лучик надежды угас. Все вернулось на круги своя, и бывшие сомнения вновь прокрались в сердце. До чего же страшно и неуютно без цели, а завтра новый день — беспокойные двадцать четыре часа, которые нужно прожить. Слезы покатались по щекам Нормы. Быть может, прав Мэкки, что жизнь на Земле возникла случайно. Мы всего-

навсего кучка головастика, что выползли из воды и научились ходить, — и все равно страшно думать, что после смерти мы провалимся в черную дыру, обратимся в ничто. Для чего тогда вообще жить на свете? С ее бесконечными терзаниями никак нельзя без веры, что хоть крохотная частичка ее уцелеет, будет жить вечно... Если же вечной жизни нет... Не поверить ли в переселение душ, как Ирен Гуднайт? Та божится, что в ее пекинеса Линь-Линь вселилась душа ее покойного мужа Ральфа: песик точно так же храпит, у него тот же взгляд. Лучше уж такая вера, чем никакой. Норму поразила новая догадка: если переселение душ существует и ей суждено воскреснуть, то не приведи Господь очутиться в какой-нибудь дикой стране, где нет ни здоровой пищи, ни хорошей косметики — без ее любимого крема «Мерл Норман» не стоит и возвращаться в этот мир. Норма достала бумажный платочек, вытерла глаза, высморкалась и уснула.

Отчет

07:00

На другое утро Франклин Пикстон выслушал у себя в кабинете окончательный отчет. Все приборы исправны. Все медсестры, дежурившие в приемном, подтвердили показания доктора Хенсона. Все проверено и перепроверено. С юридической и медицинской точек зрения миссис Шимфизл в самом деле пережила клиническую смерть. Франклин хмыкнул, поправил очки.

— Итак, доктор Гульбрансон, каково ваше заключение?

Доктор Гульбрансон поднял глаза:

— Хоть убейте, представления не имею, Франклин. Я бы сказал, каприз природы.

Франклин повернулся в кресле, выглянул в окно.

— Каприз природы? Ну-ну. Так я и доложу председателю совета директоров, что она умерла, а через пару часов встала и заговорила по капризу природы? Или мне встать и трижды пропеть: «О чудо из чудес»? Как по-вашему?

Доктор Гульбрансон покачал головой:

— Не знаю, что и сказать, Франклин. Иногда случается необъяснимое.

Необъяснимое

В тот день, когда Элнер привезли в больницу, на ее этаже дежурила санитарка Ла-Шонда Мак-Уильямс, коренастая, веснушчатая, с кожей цвета кофе со сливками. В четыре часа первого апреля Ла-Шонда радовалась, что смена подходит к концу: она, как обычно, встала в четыре утра, оставила на столе завтрак для матери, поехала на автобусе с пересадкой через весь город, чтобы успеть в больницу к половине шестого, и отдежурила двенадцать часов. А как только засобиралась домой, ее вызвали на первый этаж за вещами пациентки.

Внизу медсестра из приемного отделения сунула Ла-Шонде одежду миссис Шимфизл: коричневые войлочные тапочки, завернутые в бурый клетчатый халат, и необъятные белые хлопчатобумажные трусы.

— Вот. Это для миссис Шимфизл.

Ла-Шонда взяла одежду:

— Драгоценностей нет?

— Нет, это все, — бросила на ходу медсестра и поспешила принимать нового больного.

Ла-Шонда взглянула на скудные пожитки: негусто, а халат до того затаскан, будто с нищенки. Знала бы она, что трусы и вовсе попали в больницу по чистой случайности. Элнер в то утро сомневалась, стоит ли их надевать, но все-таки решила надеть — на дерево лезть как-никак.

Ла-Шонда достала из подсобки большой белый пакет с надписью «Личные вещи» и, когда сворачивала халат, нащупала в кармане что-то мягкое. Сунула руку и достала сверток из полотняной белой салфетки с вышитыми золотыми буквами: «Д. С». Внутри оказался порядочный кусок пирога. «Наверное, положила в карман перед уходом», — подумала Ла-Шонда. Она ткнула пирог пальцем — мягкий, влажный, как только что из печи. Хм, даже не успел зачерстветь. Ла-Шонда топталась на месте, гадая, что с ним делать. Миссис Шимфизл его есть не позволят — мисс Ревест, больничный диетолог, решительно против всего мучного и сладкого, — а выбросить жалко, пирог-то уж больно хорош с виду. И Ла-Шонда, достав из тумбочки пакет, сунула в него пирог, — это ведь не кража, все продукты положено выбрасывать. Вот обрадуется мама! Она, бедняжка, стала совсем плоха, почти не встает с постели. Ла-Шонда забрала ее к себе в Канзас-Сити из родного Арканзаса. Она знала, что старушке будет неуютно в тесной городской квартирке, но иначе никак. Ла-Шонда аккуратно свернула

одежду, пропахшую сдобой. Мелькнула мысль съесть пирог самой, но Ла-Шонда пересилила себя. Сложив вещи в белый пакет, Ла-Шонда отнесла их на первый этаж и отдала племяннице миссис Шимфизл.

Вечером, когда Ла-Шонда вернулась домой, мать спала в гостиной, в одной ночной рубашке, без одеяла. «За что ей такая судьба, — глядя на нее, думала Ла-Шонда, — на старости лет мучиться артритом, без страховки и без гроша за душой?» Хорошо хоть, в больнице Ла-Шонде позволили включить мать в свой полис, иначе не на что было бы покупать лекарства. Бедная мама — всю жизнь проработала в прислугах, вырастила пятерых детей, по вечерам стирала и гладила на дому и никогда не видела больше семидесяти долларов в неделю! Единственное ее утешение — церковь, но в последнее время она совсем ослабла и больше туда не ходит, а у Ла-Шонды сейчас главная забота — накормить ее, поддержать силы. Всех детей мать с малых лет водила в церковь, но судьба разбросала их по стране, они живут своей жизнью, и в церковь ходит лишь одна из сестер. Сама Ла-Шонда больше туда ни ногой. Мать твердит, что Бог милостив, да что-то не видно. Если этот, извините, Бог заставляет страдать хоть одного из своих, простите, детей — знать она не желает такого Бога!

Опустив сумки на пол, Ла-Шонда пошла на кухню, достала из шкафа тарелку, выудила из посудомоечной машины чистую вилку и вернулась в гостиную.

— Мама... — Ла-Шонда тронула мать за плечо. — Просыпайся, родная. Я тебе принесла гостинец.

Старушка открыла глаза:

— Детка! Давно пришла?

— Только что. Сильно болит?

— Не очень.

— Глянь-ка, что у меня есть.

Старушка, увидев пирог, обрадовалась:

— Ой, какая вкуснятина! И пахнет чудесно!

В четыре утра, как всегда, прозвонил будильник, Ла-Шонда через силу вылезла из постели и засобиравалась на работу. Одевшись, пошла на кухню — и не поверила глазам! На кухне горел свет, а мама возилась у плиты.

— Мамочка! — удивилась Ла-Шонда. — Что ты вскочила в такую рань?

— Я чувствую себя замечательно, вот и решила встать и приготовить тебе яичницу.

— Лекарство выпила?

— Нет еще. Что за сон я видела! Будто меня растирают сотни крохотных золотых ручек, и так мне стало хорошо! А проснулась — все тело покалывает. Не иначе как твой пирог меня взбодрил, детка. Я так давно хвораю, что успела забыть, что такое домашний пирог. А теперь ко мне вернулся вкус. Я уж подумываю испечь кукурузного хлеба, как в старые добрые времена. Что скажешь?

— Кукурузного хлеба?

— Да. А ты раздобудь-ка листовой капусты, или зелени репы, или лимской фасоли. Вот было бы кстати!

Рецепт

07:20

Через три дня Ла-Шонда по пути на работу диву давалась, до чего быстро маме полегчало. Накануне она и впрямь напекла кукурузного хлеба! Надо бы разыскать обладательницу халата и поблагодарить за чудесный пирог, что поднял маму на ноги. Хорошо бы и рецепт выпросить.

Около половины восьмого утра Ла-Шонда постучалась к Элнер в палату — старушка уже проснулась и сидела в постели.

— Миссис Шимфизл? К вам можно?

— Да-да, заходите, — отозвалась Элнер.

— Как себя чувствуете?

— Хорошо, спасибо, — сказала Элнер, присматриваясь, не прячет ли гостья за спиной шприц.

— Миссис Шимфизл, вы меня не знаете, но это я паковала ваши личные вещи.

— Простите, что паковали?

— Ваш халат и тапочки.

— Ах да. Я очень надеялась, что их не потеряют. Гадала, что с ними случилось.

— Я отдала их вашей племяннице в первый вечер, когда вас привезли. Элнер сникла.

— Все, прощай, халатик. Норма который год порывалась его на помойку снести. Ну да ладно. Поделом мне, недоглядела.

Ла-Шонда подошла поближе к кровати.

— Миссис Шимфизл, в понедельник вечером, когда я сворачивала ваш халат, я нашла в кармане кусок пирога.

У Элнер загорелись глаза.

— Ах, как хорошо! Значит, он не пропал!

— Не пропал, мадам. — Ла-Шонда оглянулась, не идет ли кто. — Продукты положено выбрасывать, но у меня рука не поднялась.

— Правда? — встрепелась Элнер, заранее предвкушая удовольствие.

— Вы только, прошу, не сердитесь, я отнесла его домой, маме. Она у меня больная, старенькая, так хотелось порадовать ее домашним пирогом.

— Понимаю. — Элнер слегка расстроилась, но тут же добавила: — Ну и на здоровье. Мне бы все равно есть не разрешили. Надеюсь, ей он

понравился.

— Еще как понравился. А наутро ей так полегчало, как никогда.

— Да уж, пирог отменный.

— Скажите, откуда он у вас? Сами пекли?

Элнер засмеялась:

— Нет, у меня никогда так вкусно не получается.

— Где же вы его взяли? Элнер посмотрела на гостью с улыбкой.

— Милая моя, если б я сказала, вы бы не поверили.

— В булочной?

— Нет, он домашний, моя подруга пекла.

— Жалость-то какая! Я надеялась рецепт узнать... маме он так понравился!

— Рецепт-то я с радостью поделюсь! Дайте мне ваш адрес, я вам его пришлю. Он у меня дома, в кулинарной книге Соседки Дороти... Ах да, один секрет: всегда проверяйте, достаточно ли жару в духовке. Дороти меня учила, что в этом секрет вкусного нежного пирога.

Ла-Шонда нацарапала на клочке бумаги свое имя и адрес и протянула Элнер.

— Спасибо вам большое, миссис Шимфизл. — Оглянувшись на дверь, она прошептала: — Только не говорите, что я унесла пирог домой, а то меня с работы выгонят. Они только и ищут повода.

— Молчу как рыба. А вы передайте маме — я очень рада, что ей полегчало.

Сразу после ухода Ла-Шонды в дверях палаты появилась медсестра в розовых перчатках. Толкая перед собой тележку, широко улыбнулась, сказала: «Доброе утро, миссис Шимфизл», и улыбка не предвещала ничего хорошего.

Домой

В ту минуту, когда медсестра ушла от Элнер, доктору Хенсону из приемного отделения принесли отчет. Он навещал Элнер по несколько раз за день, и чем лучше узнавал ее, тем больше верил в людей. С него сняли все подозрения в халатности, увольнять его не собирались, судебный процесс больнице не грозил, старушка быстро поправлялась — словом, настроение у доктора было самое радужное.

В палату он вошел, сияя улыбкой.

— С добрым утром, солнышко наше ясное!

— Здрасьте, здрасьте! — обрадовалась Элнер.

— Плохие новости. Очень жаль нам с вами расставаться, но сегодня я вас выписываю, юная леди!

— Правда? За мной приедет племянница?

— А вот и нет! Мы ей только что звонили, просили не приезжать. Здесь есть кому вас доставить домой с шиком!

Медсестры собрали вещи Элнер, посадили ее в кресло-каталку, и Бутс Кэрролл с доктором Хенсоном спустили ее на лифте на первый этаж, повезли по вестибюлю, оттуда — через большие двойные стеклянные двери на улицу. А прямо у выхода их поджидал длинный сверкающий черный лимузин. Франклин Пикстон рассказал мистеру Томасу Йорку, главе совета директоров больницы, о восставшей из мертвых старушке, и тот загорелся: «Хочу познакомиться!» И когда шофер открыл заднюю дверь, оттуда показался благообразный старик и произнес, снимая шляпу:

— Миссис Шимфизл, я Томас Йорк. Позволите ли вы мне сопроводить вас домой?

— С удовольствием, — отозвалась Элнер.

По дороге в Элмвуд-Спрингс Элнер и ее спутник коротали время за беседой, и оказалось, что мистер Йорк, в прошлом глава банка, тоже любит цыплят! Дед его разводил на ферме кур. Элнер и мистер Йорк всю дорогу увлеченно обсуждали достоинства разных пород. Подъезжая к Элмвуд-Спрингс, Элнер высунула голову в окно.

— Вот бы Мерл вышел во двор и увидал меня на лимузине! Дорогу в больницу я прозевала, зато уж обратный путь меня утешил! Я и не мечтала прокатиться на таком чуде!

На родной улице Элнер попросила шофера чуть сбавить ход, чтобы на нее полюбовались соседи. Возле дома ее поджидали Норма и почти все остальные, и даже Луиза Фрэнкс с дочкой Полли, к несказанной радости Элнер, приехали в город поздравить ее с возвращением.

Мистер Йорк поднялся на крыльцо, отведал праздничного кекса, побыл немного, а перед его уходом Кэти Колверт сделала снимок для газеты: Элнер и мистер Йорк на фоне лимузина. Помахав вслед лимузину, Элнер обернулась к Норме:

— Где старина Сонни? Как же я соскучилась по своему обормоту!

— В доме, — ответила Норма. — Я его заперла, чтобы не улизнул. Так и знала, что вы сразу захотите его увидеть.

Элнер застала Сонни на его любимом месте, на спинке дивана, схватила на руки и принялась тискать:

— Мальчик мой! Скучал без меня? — Но Сонни и виду не подал, что рад. Для приличия потерпев ласки, вывернулся и направился к блюдечку подкрепиться. Элнер засмеялась: — Ох уж эти кошки! Никогда не покажут, что на самом деле тебя любят!

Вечером все подружки из Клуба Заходящего Солнца стащили стулья к Элнер во двор. Закат выдался дивный. Вербена заметила:

— Господь поздравляет нашу Элнер с возвращением!

И Элнер радовалась, что она снова дома, пока наутро не заглянула в корзину для белья.

— Ох-ох-ох! — Элнер представить не могла, что кому-то придет в голову здесь рыться. — И что теперь?

Элнер отправилась к Руби, постучала в дверь.

— Заходи, Элнер! — крикнула Руби из кухни. — Я посуду мою.

Элнер сказала:

— Спасибо тебе еще раз, что Сонни кормила, и птиц тоже, и в доме прибралась, и все такое.

— Не за что, дорогая. Мне это труда не составило.

Элнер кивнула и как ни в чем не бывало спросила:

— Кстати, тебе ничего не попадалось в моей бельевой корзине?

— А именно? — насторожилась Руби.

— Да так... пустяки.

— Только белье. А что?

— Да так...

— Ясно.

— Ну ладно.

Руби ненавидела вранье, но они с Мэкки заключили договор. И как медсестра, и как добрая соседка Руби понимала, что это лучший выход. Старикам нельзя давать в руки оружие. Старый Хендерсон, живший на их улице, отстрелил себе полгубы, забавляясь с заряженным револьвером.

Элнер вернулась домой в тревоге. Если пистолет попал в руки Норме, жди беды.

Возвращение Лютера

17:03

В тот день, возвращаясь домой из Сиэтла, Лютер Григз думал: заметил ли кто-нибудь, что его не было на похоронах? Ах, как нехорошо, что он не успел, — но что он мог поделать? Лютер хотел сразу отправиться к себе, в объезд дома Элнер, чтобы не расстраиваться при виде ее пустого крыльца. Он решил сначала вздремнуть, вымыться, а потом зайти к миссис Уоррен, объяснить, почему не смог попрощаться с мисс Элнер, и спросить, где ее похоронили. А уж цветы на могилу он выберет самые красивые. Когда Бобби-Джо таскала его с собой в сувенирный магазин, каких только букетов там не было, рядом с рамками для фотографий! Надо купить такой же, как на могилу матери, даже еще лучше. Как-никак мисс Элнер была к нему добрее, чем родная мать. Однако на повороте в сторону Элмвуд-Спрингс Лютер опять передумал и решил все-таки проехать мимо дома мисс Элнер. Старые дома в городе то и дело сносятся, надо на него взглянуть, пока не поздно. Выехав на Первую авеню, Лютер обрадовался, что дом на месте. А не купить ли его самому? За пару лет он скопил денег... В эту самую секунду Элнер Шимфизл вышла на крыльцо с лейкой и помахала Лютеру.

— Черт бы тебя подрал, Лютер! — завопил Мерл.

Лютер на своем грузовике переехал бордюр, чуть не сбил Мерла и переломал почти все его призовые гортензии. Мерл подскочил к грузовику и давай колотить по нему зеленым пластмассовым стулом в белую полосу, но Лютер был до того ошарашен при виде живой Элнер, что даже из кабины не мог вылезти. Тем временем Элнер перешла улицу, остановилась рядом с грузовиком, угодившим в канаву возле дома Ирен Гуднайт, и подняла голову к окошку кабины.

— Эй, Лютер! Ты что творишь?

Навстречу вернувшемуся с работы Мэкки вылетела Норма с ключами

от машины:

— Сейчас такое случилось — ты не поверишь! Я как раз собиралась тебе звонить.

— В чем дело?

— Этот полоумный Лютер Григз не знал, что тетя Элнер жива, с испугу вкатил на грузовике к Мерлу во двор, переломал все его кусты и половину кустов Ирен. Им пришлось вызывать аварийку из Автомобильной ассоциации, чтобы Лютера вытащили из канавы.

— Все целы?

— Не считая кустов. Разве что еще Лютер натерпелся страху. Но лучше нам, пожалуй, проверить, все ли в порядке. Каких еще бед ждать?

Когда подоспели Норма и Мэкки, грузовик тащили на буксире через двор Ирен, ломая розовые кусты.

Рядом с Ирен стояла Кэти Колверт с фотоаппаратом.

— Черт подери! — бушевала Ирен. — Что им стоило вывезти чертов грузовик через двор Мерла? У него и так все вверх дном. Он ведь даже не член Автомобильной ассоциации! Я их вызвала, а они разносят мой двор!

Бедняга Лютер, все еще ни жив ни мертв, глотал виски на крыльце Руби. Элнер сидела рядом и приговаривала:

— Прости, что так тебя напугала, дружок. Лютер тряс головой, чуть не плача.

— Уфф! Я в мыслях вас похоронил, а тут — откуда ни возьмись — вы на крыльце! Боже... я чуть не умер.

Мэкки, оценив, что творится во дворах Мерла и Ирен, предложил обоим зайти с утра в садоводческий магазин, купить все необходимое на замену, а он, дескать, чем сможет — поможет. Затем он присоединился к Элнер и Лютеру.

Чуть позже, когда Лютер слегка опомнился и мог говорить без слез, Мэкки предложил:

— Пройдемся немножко?

— Да... Хорошо, мистер Уоррен.

— Дамы, просим прощения. — Мэкки отвел Лютера за дом и сказал тихонько: — У меня к тебе серьезный вопрос, Лютер. Это ты оставил у Элнер дома пистолет?

Лютер удивился:

— Пистолет?

— Да. Ты не бойся, я на тебя не донесу. Только скажи, оставлял ты у нее заряженный пистолет тридцать восьмого калибра?

— Нет, мистер Уоррен. Мне скрывать нечего. Я условно осужден, мне

нельзя иметь оружия. Я взял из отцовского фургона дробовик, но его забрали.

— Честно? Как перед Богом?

— Да, мистер Уоррен. Я бы никогда мисс Элнер так не подвел, ни за что на свете! Я даже на Бобби-Джо собрался жениться, потому что мисс Элнер так хотела. Мисс Элнер я очень люблю, я бы никогда ей такую свинью не подложил.

И Мэкки поверил парню.

Но если пистолет не Лютера, так чей же?

Бедный нос!

08:03

Норма проснулась уже после ухода Мэкки на работу. Зевнула, поплелась в ванную и, привычно перечитывая «С добрым утром, я ваш Господь», поймала в зеркале свое отражение. О УЖАС! Весь нос в красной сыпи! Вот и пришла беда. Вот и случилось самое страшное — у нее рак кожи. Норма опустила на пол, чтобы не упасть без чувств и не разбить голову. Кошмар. Теперь нос отрежут и она станет уродом. «Боженька, за что?!» — взвыла Норма. Юношеские угри ее миновали, в школе у нее не было ни единого прыщика. А теперь Господь ее наказывает. Норма поднялась с пола и еще раз глянула в зеркало. Сыпь никуда не делась. Наверняка не только нос отрежут, но и назначат химиотерапию. Прощайте, волосы! О-о, горе, горе! «Мужайся», — велела себе Норма. В тяжелые минуты она всегда вспоминала малютку Фриду Пушник, которая родилась без рук и без ног, и ее всю жизнь носили на подушке. Но сегодня ничего не помогало Норме. В отчаянии она записалась на прием к дерматологу и помчалась в салон красоты:

— Тотт, успокоительного, срочно! Мне, наверное, отрежут нос!

* * *

Пока дерматолог доктор Стюард изучала ее нос под лупой, Норму мутило. Врач, глядя в увеличительное стекло, спросила:

— Скажите, миссис Уоррен, вы легко краснеете?

— Что? А, да! Очень.

— Так, так, — сказала врач, а сердце у Нормы бешено колотилось. — Есть аллергия на что-нибудь?

— Разве что на китайские блюда... У меня от них щеки горят, но...

Доктор Стюард отошла вымыть руки, и Норма услышала, будто со стороны, свой собственный хриплый голос:

— У меня... рак?

Доктор Стюард посмотрела на Норму:

— Нет. У вас розацеа. Розовые угри. Часто встречаются у британцев,

ирландцев и других светлокожих людей. Вы легко краснеете, это один из признаков.

— Правда? А я всегда думала, это от застенчивости. Но отчего сыпь?!

— У вас обострение.

— Отчего?! — повторила Норма.

— Вызвать его могло что угодно... жара, солнце, волнение. Не было ли у вас в последнее время потрясений?

— Были, — со вздохом ответила Норма. — Моя тетя упала с дерева, и... ладно, не стану вдаваться в подробности. Одним словом, хватало потрясений.

Норма ехала в аптеку, пораженная открытием: оказывается, она совсем не знала себя. Считала себя застенчивой, поскольку заливалась краской от стыда или услышав неприличный анекдот, а дело-то все в чувствительной коже.

«Разволновалась из-за тети Элнер — и нос обсыпало», — думала Норма, покупая в аптеке мазь. Что ждет ее дальше — представить страшно! Заметив тонометр в углу зала, Норма хотела измерить давление — вдруг за эти дни подскочило до небес? — но одумалась. Если и подскочило, лучше не знать. Лучше просто умереть на месте, чем дрожать из-за результатов анализов, или, не приведи Господь, дожить до пересадки сердца, или влачить последние дни в инвалидной коляске. Кстати, вот и достойная причина отправить тетю Элнер в «Счастливое местечко» и поручить заботам профессионалов — тогда не придется жить в вечном страхе за нее. Нужно дождаться Пасхи, а после праздника серьезно поговорить с тетей.

— Готово, Норма, — сказала аптекарша Хэтти Смит, двоюродная сестра Роберта, покойного мужа Соседки Дороти. Хотя, если верить тете Элнер, Дороти теперь замужем за каким-то Реймондом. — Втирай понемногу, два раза в день, должно помочь.

Вслед за Нормой в аптеку заглянула Ирен Гуднайт и, протянув руки, спросила у Хэтти:

— Это веснушки или пигментные пятна от старости?

Хэтти, глянув на руки семидесятилетней Ирен, соврала:

— Веснушки, конечно.

— Веснушки так веснушки, — кивнула Ирен и ушла повеселевшая.

Хэтти упустила покупателя, но про себя подумала: «Старость и так не радость. Меньше будет знать — крепче будет спать».

Много будешь знать — скоро состаришься

06:47

Мэкки выждал несколько дней после возвращения Элнер, прежде чем завести речь о пистолете. На четвертое утро, перед работой Мэкки, они, как обычно, пили кофе на задней веранде, любовались восходом и беседовали.

— Закат вчера был чудный, Мэкки, — восхищалась Элнер. — А день-то как прибавился! Скоро можно будет сидеть на улице до половины восьмого вечера. Я и вчера только в восьмом часу ушла.

— Да, лето уже близко. — Мэкки перевел взгляд на Элнер: — Тетя Элнер, вы знаете, что у вас в бельевой корзине нашли пистолет?

— Правда? — переспросила Элнер невинным голоском.

— Вам ли не знать, верно?

Элнер провожала взглядом кравшегося по двору кота.

— Наш старичок Сонни совсем жиром заплыл, да? — попыталась она увильнуть от опасной темы. — Глянь-ка, и ходит вперевалочку, и...

— Тетя Элнер! — перебил ее Мэкки. — Вы попались, так что выкладывайте, откуда взяли. Лютер клянется, оружие не его. Чье же тогда? Дяди Уилла?

Элнер, помолчав, ответила:

— Много будешь знать, Мэкки, — скоро состаришься.

— Тетя Элнер, это не шутки. Я наврал Норме, что пистолет не настоящий, — вас покрывал.

— Спасибо, дружок.

— Всегда рад помочь. Но мне нужно знать правду. Так откуда?

— Не от Уилла, вот и все, что я могу сказать. — Элнер уставилась в потолок. — Надо бы пройтись метелкой по углам — ты только полюбуйся на эту паутину!

— То есть не скажете, откуда пистолет?

— Сказала бы, дружок, если б могла.

— Хм. Тогда вот что. Вы ничего не натворили? Никого не застрелили?

Элнер засмеялась:

— Спросил тоже! Господь с тобой!

— Ну, откуда бы он ни был, теперь ищи-свищи — я утопил чертову железку в реке. Тетя Элнер, я с вами никогда не ругался, во всем

поддерживал. Но именно потому, что я очень вас люблю, мне и не хотелось бы, чтоб вы покалечились или кто-то его нашел и застрелил вас.

Тетя Элнер страдальчески сморщилась:

— Где утопил?

— Неважно. Обещайте с сегодняшнего дня не брать в руки оружия.

— Так и быть... Обещаю.

Мэкки, устыдившись своей суровости, чмокнул тетю Элнер.

— Забыли. Идет?

— Ладно, дружок...

— Мне пора. Я вас люблю.

— И я тебя, — сказала Элнер.

В этот день она получила урок, который мало кому дано испытать на себе: после твоей смерти все твои вещи перероют, так что если тебе есть что скрывать — избавляйся, пока жив!

Элнер жалела, что нельзя рассказать Мэкки правду. Никого она, понятно, не грабила и не убивала — всего лишь скрыла улику от полиции. Некоторых мерзавцев, между прочим, прямо-таки руки чешутся пристрелить — как ту бешеную лису, на которую ее муж Уилл вышел с ружьем. Лишать жизни — дело скверное, но цыплят спасать надо, ничего не попишешь. Элнер спрашивала себя: поступила бы она так же еще раз, если пришлось бы? И всякий раз отвечала: да, несомненно. Значит, совесть ее чиста. И Реймонд ни словом об этом не обмолвился, — видно, греха на ней нет.

Салон красоты

08:45

Страсти поулеглись, Норма слегка пришла в себя и в среду утром уже сидела в салоне красоты в бигуди, слушая жалобы Тотт, все те же, что и двадцать лет назад.

— Ты не представляешь. Норма, до чего мне осточертели нытики, которые жалуются, что преступниками их сделало общество. Черта с два! Бедность — не оправдание воровству. Да я сама из нищеты выбилась — ты-то мою семью знаешь, Норма, — но ведь не выходила на улицу грабить!.. Нынче люди вовсе стыд потеряли. Хвастают направо и налево, как увиливают от налогов! А бандиты, которых ловят с поличным и показывают по телевизору, только знай себе улыбаются и машут в камеру! Они нас грабят, а их бесплатные адвокаты в обиду не дают, и соцработники сюсюкают: вы, мол, жертвы общества, за свои поступки не отвечаете. Только не говори, что эти бедняжки работу найти не могут. Работа каждому найдется — было бы желание. Дуэйн-младший возмнил, что руки пачкать — ниже его достоинства. Просиживает штаны на пособия, а мы с его сестрой вкалываем до седьмого пота. Даже папашка его, уж на что был никудышный, и тот работал. Конечно, только между запоями, зато хотя бы старался. — Тотт затянулась сигаретой без фильтра. — Бедняга Джеймс, хоть и хлебнула я с ним горя, а жаль мне, что он так кончил. В последний раз до нас с Дарлин дошли о нем вести, когда он жил в какой-то занюханной гостинице. А через пару месяцев отдал богу душу в вестибюле, перед телевизором. Вообрази: смотрел повтор викторины «Угадай цену» — и упал замертво. Жил грешно и помер смешно. Не принц Чарльз, конечно, был... но все-таки человек. И уж само собой, не слюняй. Сил моих больше нет слушать нытье и жалобы на горькую судьбу! А коль тебе повезло родиться белым, то не смей и вякнуть — за горло возьмут и обзовут расистом. Все вдруг сделались такими обидчивыми, перед каждым изволь расшаркиваться! Всюду борцы за эту... как ее там... политкорректность! Только и ищут повода придраться... Эдак нас скоро заставят требовать: «Даешь цветное Рождество!» Я уже боюсь рот раскрыть.

«Неужели?» — про себя ухмыльнулась Норма.

— Пришла ко мне как-то негритянка искать работу, — продолжала тархтеть Тотт. — Посуди сама, Норма, могу ли я кого-нибудь нанимать,

коли на зарплату Дарлин едва наскребаю? Я так и сказала, по-хорошему, а девица меня в ответ обозвала расисткой, да еще и гомофобкой. Откуда мне было знать, что она не она вовсе, а он? Помнишь, когда вся эта муть только начиналась, всем, у кого стояли черные статуи жокеев, пришлось их перекрасить в белый?

Норма кивнула. Как не помнить! Мать ее наотрез отказалась красить своего жокея, и ему отбили голову.

— Разве я виновата, что не попала в меньшинства? — не унималась Тотт. — А как же мои права? Что-то никто меня защищать не торопится. Я плачу налоги, не сижу ни у кого на шее, и кто слышал от меня хоть словечко жалобы?

«Каждую неделю слышу, и не одно», — подумала Норма, но придержала язык.

— По телевизору все уши прожужжали, какие мы, белые, мерзавцы. Скажу начистоту, Норма: кажется, я в расистку превращаюсь. Надеюсь, что все-таки нет, но было б о чем горевать. Говорят, лет через пять мы все перейдем на испанский. Раньше были черные и белые, а теперь весь мир покоричневел, стал ни то ни се. Кстати, видела Мадонну в ванне во дворе у Лопесов?

— Нет. Что за Мадонна в ванне?

Тотт рассмеялась:

— Взяли старую ванну, поставили на попа, вкопали наполовину в землю, выкрасили изнутри голубым и пристроили туда статую Пресвятой Девы.

Норма скривилась:

— И этот ужас у них перед домом?

— Да. — Тотт затаилась. — А все-таки симпатичная она, ей-богу. Мексиканцы от природы художники, этого у них не отнять. И во дворе у Лопеса чистота, любо-дорого посмотреть!

* * *

Весь день Норма думала: в чем-то Тотт права. Даже здесь, на юге Миссури, все меняется. Раньше сюда переезжали в основном шведы и немцы, сейчас же кого только не увидишь. А утром Норма заглянула к тете Элнер, так у той на весь двор орала мексиканская музыка: Элнер поймала новую радиостанцию из Поп-лар-Спрингс.

— Зачем вы это слушаете?!

— Что?

— Испанское радио.

— Испанское? А я думала, польское.

— Нет, тетя, испанское.

— Ну и неважно какое. Мне нравится. Слов я не понимаю, но музыка заводная, правда?

Спасибо от Кэти

14:18

Медбрат, донесший Гасу Шиммеру о казусе со старушкой, скрипел зубами от досады, узнав от Шиммера, что племянница миссис Шимфизл не желает подавать в суд. А он-то уж карман приготовил... Пораскинув мозгами, медбрат в итоге додумался, как подзаработать на этой истории. Позвонив приятелю, он раздобыл телефон желтой газетенки, что платит за любопытные сюжеты.

* * *

В тот день Норма забежала в супермаркет за продуктами к пасхальному ужину у тети Элнер, и, когда стояла у кассы, взгляд ее упал на газетную стойку рядом. Заголовок на первой полосе одной из газет вопил:

**МЕРТВАЯ ФЕРМЕРША ИЗ ШТАТА МИССУРИ ЧЕРЕЗ
ПЯТЬ ЧАСОВ ВОСКРЕСЛА И ЗАПЕЛА ГИМН США!**

Норма, почти теряя сознание, опустилась на пол. На счастье, в очереди за ней стояли Луиза Фрэнкс с Полли, они и подняли ее на ноги. Подоспел управляющий, Норму отвели в служебный туалет, усадили на стул, дали стакан воды. Когда к ней вернулся дар речи, Норма, стиснув Луизину руку, запричитала:

— Мы погибли! Придется уехать из страны! Пропала карьера моей дочери! — Она разрыдалась.

Луиза сходила за газетой, показала ей снимок на первой полосе, и Норма обмерла, теперь уже от счастья: с фотографии смотрела НЕ тетя Элнер!

Выслушав по телефону историю медбрата, которую тот сообщил по телефону, журналистка из бульварной газетенки, получившая задание

написать статью, решила раскопать всю подноготную. Разузнав номер местной газеты, она позвонила Кэти Колверт и посулила ей щедрую награду за помощь. Кэти, услышав сумму, с радостью согласилась и статью написать, и даже прислать фотографию старушки. Однако потом от денег отказалась, с одним условием: изменить имя героини и место действия. Журналистку из желтой газетенки мало заботили точность и истина. В конце концов, «Частный сыщик» — не «Нью-Йорк тайме», а деньги за чужой труд получить приятно. Статью Кэти написала отличную — чего стоил один рассказ старушки о том, как она попала на другую планету, где женщины все как одна похожи на Хэзер Локлир!

Так Кэти спустя много лет отблагодарила Элнер за ту тысячу долларов, а заодно спасла и Элнер, и город от нашествия зевак и полоумных. Старушка на первой полосе газеты — прабабушка Кэти Колверт по отцовской линии, Леона Фортенбери, что умерла давным-давно и, насколько знала Кэти, не воскресала.

Норма успокоилась и пошла домой, на радостях забыв в магазине сумку с продуктами. Вернуться и забрать она постеснялась.

Пасха у Элнер

Элнер и весь Элмвуд-Спрингс были счастливы, что она успела вернуться к Пасхе, и праздник удался на славу. К Элнер съехалась родня: из Калифорнии прилетели Дина с Джерри, из Сент-Луиса — Линда и Эппл. По обычаю, накануне Пасхи Элнер с Лютером покрасили две с половиной сотни яиц, а наутро до восхода солнца уже прятали их во дворе. Элнер семенила вокруг дома с золотым яичком, ломая голову, куда бы его пристроить.

Норма встала чуть свет, отнесла цветы на могилы родителей, а потом вместе с остальными отправилась к Элнер. Обычно поиск яиц начинали в полдень, но на этот раз взрослые и дети собрались пораньше и без четверти двенадцать уже ждали во дворе. Элнер вышла на крыльцо, прозвонила в старый школьный звонок, и восемьдесят ребятишек с корзинами, а с ними Полли, сорокадвухлетняя дочь Луизы, с визгом и гиканьем рассыпались по двору, а взрослые наблюдали за радостной суматохой, устроившись в дачных креслах. Недовольный Сонни, спасаясь от этой оравы, залез на дерево и просидел там целый час. Луиза Фрэнкс и Элнер смотрели, как Полли с хихиканьем бежит по двору на пару с пятилетней Эппл. Золотое яйцо нашел один из внуков Тотт, но главный приз, как всегда, достался Полли — большой плюшевый кролик, которого Элнер с Луизой вместе выбирали на прошлой неделе. Ближе к вечеру, когда дети, кроме Эппл и Полли, разошлись по домам, Мэкки и Джерри поставили во дворе под фиговым деревом раскладной стол и компания принялась за пасхальный ужин. После молитвы преподобной Сюзи Хилл все набросились на угощения. Довольная Элнер уплетала за обе щеки, запивая чаем со льдом из большого бокала.

— Нынешняя Пасха, — сказала она Дине, — одна из лучших на моей памяти. Если уж на то пошло, у меня случилась собственная маленькая Пасха, верно? Я ведь тоже, можно сказать, воскресла из мертвых. И не зря, а то бы не отведала ветчины и фаршированных яиц, что принесла Луиза. Яйца в этот раз тебе удались как никогда, Луиза! — крикнула она через стол.

Луиза Фрэнке засмеялась:

— Элнер, ты так говоришь каждый год!

Элнер отвечала:

— Значит, не даром.

Сюзи, руководитель клуба «Худеем вместе», подложив себе добавки сладкого картофеля с зефиром,插ставила:

— Здесь все так вкусно!

Элнер бросила взгляд на другой конец стола, уставленный пирогами и тортами:

— Умираю — хочу попробовать кокосового торта и лимонного пирога!

— У меня тоже слюнки текут, — призналась Сюзи.

* * *

Утром, когда Линда пришла за Эппл, ночевавшей у Элнер, Сонни прятался под диваном и не мог дожидаться, когда они уйдут: малышка затискала беднягу до полусмерти. Уже в самолете Линда заметила пятно на пальце у дочки.

— Где ты испачкала палец?

Эппл с гордостью протянула руку:

— Тетя Элнер взяла у меня отпечаток пальца. Знаешь, что другого такого нет в целом мире?

Снова влюблен

17:48

Чудесное спасение тети Элнер произвело в Мэкки настоящий душевный переворот. Если ты едва не потерял близкого человека, то начинаешь видеть жизнь в ином свете и ценить истинные чувства. После истории с тетей Элнер у Мэкки будто пелена спала с глаз. Он понял, что никогда не любил Лу всей душой, всеми помыслами, как Норму. Лу была лишь увлечением, он тешил самолюбие, гнался за мечтой. За долгие годы он сроднился с Нормой и почти забыл, что в ней — вся его жизнь. Как он мог хоть на минуту вообразить такую глупость — сбежать с чужой женщиной? Он едва не разрушил себе жизнь. Судьба ли, случай ли уберег его. И в тот день Мэкки увидел свою жену такой же прекрасной, как в восемнадцать.

— Что ты так смотришь, Мэкки? — спросила Норма, войдя в дом и сложив почту на столик в прихожей. — Не заболел?

— Нет. Я говорил, что обожаю тебя?

Норма убрала в шкаф сумочку.

— Что?

— Знаешь, что ты никогда не была краше, чем сейчас?

— Я?

— Кто же еще? Норма глянула в зеркало.

— Скажешь тоже. Седина, морщины, вся обрюзгла, а теперь еще и сыпь на носу! Я просто старуха, Мэкки.

— А для меня ты красавица. Главное — моя красавица.

— В таком случае, не вздумай менять очки. Ты стал слаб глазами. На самом деле я похожа на руины Трои.

— Что еще за руины Трои?

— Понятия не имею, но я так выгляжу.

— А по мне, ты выглядишь сногшибательно. Ты моя любимая девочка, единственная на свете, так и знай.

Норма пощупала лоб мужа:

— Мэкки, ты точно не заболел? Или что-то случилось, а ты от меня скрываешь?

— Нет.

— Тайком от меня наведлся к доктору Холдингу?

— Говорю же, я здоровее здорового. Устроим сегодня воскресенье?

— Воскресенье? Сегодня ведь... — Норма запнулась, уловив намек. — Мэкки, сегодня вторник, до воскресенья еще далеко. — И заглянула ему в глаза. — Ты вправду считаешь, что я еще ничего, или это способ затащить меня в постель?

— Норма, для меня ты самая прекрасная из женщин. А зрение у меня отличное... как тетя Элнер говорит, все-все вижу, аж до самой луны!

Норма, пристально глядя на Мэкки, помолчала.

— Знаешь что? — наконец сказала она. — Кажется, я слышу свадебные колокола... А ты?

— Какие?.. Ах да, всю звонят! — спохватился Мэкки.

— Дай-ка приму ванну. Потерпишь полчасика?

— С трудом. Но придется.

Мэкки ждал и думал: все-таки здорово быть женатым. Снова и снова влюбляешься в жену, и с каждым разом все сильнее.

* * *

Норма опустилась в пенную ванну, счастливая и успокоенная. Мэкки был для нее как открытая книга, и по его взгляду она поняла, что с Лу покончено навсегда. Мэкки ошибался — Норма все знала.

Письмо

09:18

Через несколько дней после Пасхи Элнер достала из почтового ящика письмо со штемпелем Канзас-Сити. Почерк был незнакомый. Элнер разорвала конверт и прочла записку.

Уважаемая мисис Шримфинкл! Спасибо большое за пирог и его рецепт, который вы прислали моей дочери. Очень вкусно. Тереза Мак-Уильямс.

Надо же так перевернуть фамилию! Усмехнувшись, Элнер села писать ответ.

Дорогая миссис Мак-Уильямс! Рада, что Вам понравился пирог. Будете когда-нибудь в наших краях — заходите в гости. Ваша Элнер Ш.

Сюрприз для Линды

18:31

Прошло несколько месяцев. Линда готовила ужин себе и Эппл, когда зазвонил телефон. Брать трубку Линде совершенно не хотелось: в это время обычно звонят телефонные торговцы, навязывают свой товар. Однако телефон не умолкал.

— Линда Уоррен? — раздался в трубке мужской голос.

— Да.

— Из телефонной компании?

— Да.

— Не знаю, помните ли вы меня, давно было дело. Я — Брайан Лан, невропатолог. Мы познакомились в палате у вашей тети, в больнице Канзас-Сити.

— Помню, помню. Добрый вечер.

— Как ее здоровье?

— Замечательно.

— Вы уж простите, что я вам звоню вот так, ни с того ни с сего, но меня перевели в Сент-Луис, и... Позвольте пригласить вас пообедать... или поужинать... или сходить куда-нибудь. Согласны?

— Да, с удовольствием.

Они договорились на пятницу. Линда повесила трубку, постояла в задумчивости, охваченная непонятной радостью. Как же не помнить! При знакомстве ей пришло в голову: какой славный, вот бы показать ему Эппл! Среди ее знакомых китайцев он самый симпатичный. Интересно, знает он про ее дочку-китайку?

Доктор Лан, конечно, знал — со слов Элнер. А увидев Линду, он подумал, что в жизни не встречал такой красавицы.

«Папа для Эппл! Вот было бы чудесно!» — мелькнула мысль у Линды.

Брайан Лан не сразу покинул телефонную кабинку в аэропорту. «Интересно, нравлюсь я ей? Хоть чуть-чуть?» — думал он.

Их мысли определенно перекликались.

Линда: *Он мне с первого взгляда понравился.*

Брайан: *Узнать бы, где она живет, и снять квартирку поблизости.*

Линда: *Надо к пятнице похудеть на полтора килограмма. (Задача не из легких, ведь уже четверг.)*

Брайан: Она меня просто очаровала.

Линда: Не спеши радоваться, это всего лишь ужин.

Брайан: Я так долго искал; вдруг это судьба? Быть может, нам суждено было встретиться?

В дверь кабинки нетерпеливо стукнули:

— Вы скоро?

— Простите, — пробормотал доктор, схватил сумку и вышел наружу. Сент-луисский аэропорт вдруг показался ему таким красивым! Июнь был в полном цвету.

«Надо же! — подумал доктор. — Кажется, я теряю голову».

В путь!

05:00

У Элнер созрел план. Отпрашиваться у Нормы — себе дороже, лучше просто оставить на двери записку.

Норма, я уехала на свадьбу к Лютеру и Бобби-Джо. Когда вернусь, позвоню. Целую, тетя Элнер.

Ближе к полудню Норма нашла записку и кинулась звонить Мэкки.

— Мэкки! Тетя Элнер укатила к Лютеру на свадьбу. Ты знал, куда она собралась?

— Что-то такое она упоминала.

— А мне почему не сказала?

— Не хотела тебя волновать.

— Куда они поехали?

Мэкки усмехнулся:

— В Долливуд.

— В Долливуд! Да это у черта на куличках, в Теннеси! Старушке девяноста лет от роду трястись до самого Теннеси на грузовике! Куда ты смотрел?!

В то утро Лютер и Бобби-Джо заехали за Элнер и втроем отправились в Теннеси. Бобби-Джо всегда мечтала об июньской свадьбе, а Элнер — о путешествии в Долливуд, и Лютер решил убить двух зайцев: обвенчаться в тамошней церквушке.

На другой день Бобби-Джо, счастливая новобрачная, в шортах и маечке, сжимала в руках свидетельство о браке и букет — поздравление от церкви — и смотрела, как Лютер и Элнер катаются на самых больших американских горках в парке. Вечером, на свадебном ужине в кафе, Элнер сияла от счастья, уплетая печенку с луком.

— Я так за вас рада, не знаю, куда деваться от счастья.

Официанту, спросившему, нужен ли десерт, новоиспеченный муж ответил: «Ужин без десерта — что кошка без хвоста». Бобби-Джо нашла его ответ верхом остроумия.

Через несколько дней Элнер вернулась домой и первым делом набрала

телефон Нормы. Как и следовало ожидать, та с ходу набросилась на нее с упреками:

— Тетя Элнер! Что это вы выдумали?! В ваши-то годы прыгать в грузовик и тащиться в Теннеси? В такую даль!

Элнер отвечала:

— Захотелось — и все. В мои-то годы когда еще выпадет случай побывать в Долливуде? Я и решила: поеду, пока дорога мне в радость, верно?

Норма настаивает

16:32

На другой день Норма ехала к тете Элнер, исполненная решимости настоять на своем раз и навсегда, но тетя Элнер, не дав ей рта раскрыть, спросила с порога:

— Как по-твоему, Норма, в рекламе пиццалок-сигнализаций снималась обычная женщина или артистка?

— В какой рекламе?

— «Я упала и не могу встать!»

— Само собой, артистка.

— А с виду не скажешь. Чья-нибудь родственница?

— Чья?

— Тех, кто делает пиццалки. Чья-нибудь мама или бабушка, как думаешь?

— Почему бы и нет? Кстати, о родственниках: мне нужно с вами поговорить. И прошу, выслушайте меня и не перебивайте.

«Ох-ох-ох», — вздохнула про себя Элнер. Чужало ее сердце, что разговор предстоит не из приятных.

Норма застала Мэкки на кухне: дожидаясь ее возвращения, он жевал сырны палочки с перцем и сельдереем.

— Ну как? — поинтересовался Мэкки.

Норма со вздохом положила сумочку и подошла к раковине, чтобы вымыть руки.

— Слово в слово, как ты говорил. Ни в какую. О доме престарелых не может быть и речи.

— Насильно ее не погонишь, Норма. Каждый хочет сам о себе заботиться, пока может. Вот когда придет время...

Норма перебила:

— И когда оно придет? Мэкки, если ты рухнул с дерева, тебе привиделась Джинджер Роджерс и крапчатые белки, а потом ты сбежал в

Долливуд, — по-моему, время пришло, разве нет?

— Я-то тебя понимаю, но для нее ничего нет хуже, чем перебраться в такое место.

— Не знаю, что такого ужасного в Центре ухода за престарелыми. Лично я жду не дождусь, когда за мной будут ухаживать люди, которые в этом знают толк. Чем раньше я туда переберусь, тем лучше. Неудивительно, что простые люди завидуют звездам: приятно же, когда тебе прислуживают, потакают всем твоим капризам, — чего еще желать?

— А вот и неправда. Тебе бы не понравилось, что за тебя все решают.

— Ошибаешься. И вообще — что ты об этом знаешь? Тебя всю жизнь обслуживали. Сначала мама, потом я. Когда ты там окажешься, просто разницы не заметишь. Говорю тебе, Мэкки, еще немного — я сама отправлюсь в «Счастливое местечко», и начнется у вас с тетей Элнер свободная жизнь.

Мэкки возразил:

— И все же Центр ухода — тот же дом престарелых, только название красивое.

— Подумаешь — дом престарелых. Ну и что такого? Тетя Элнер и есть старый человек, хоть мы и не знаем ее возраста благодаря маминым фокусам.

Снова в Канзас-Сити

22:48

С Уинстона Спрага наконец сбили спесь. И ладно бы достойный противник, так нет же — какой-то старый ботинок! Адвокат не сводил глаз с ботинка для гольфа и задавался вопросом, что мучил его вот уже не одну неделю: «Откуда старушка знала про ботинок на крыше, черт бы его побрал?» Франклин Пикстон считал, что разумное объяснение рано или поздно найдется, однако Уинстон, не разделяя его уверенности, провел собственное небольшое расследование. Много часов рылся он в старых архивах больницы и выяснил, что когда-то давно, до того как построили новый корпус и отделение травматологии, крыша старого здания служила вертолетной площадкой. С 1963-го по 1986-й в больницу доставили на вертолетах более девятисот восьмидесяти больных с сердечными приступами, из них триста восемь привезли прямо с полей для гольфа (которых в округе немало), плюс еще шестерых игроков, пострадавших от молний. Кто-нибудь из игроков, когда его спешно перетаскивали с вертолета на каталку, вполне мог потерять ботинок. Остается вопрос: как мог ботинок попасться на глаза девятидесятилетней старушке?

Норма сдается

11:14

Не добившись от тети Элнер согласия переехать в «Счастливое местечко», Норма на следующий день позвонила семейному доктору. Тотт всю жизнь на успокоительном — может, стоит попробовать?

— Доктор Холдинг! Не могли бы вы мне прописать что-нибудь от нервов?

— А что случилось, миссис Уоррен?

— Пару месяцев назад меня замучила сыпь на носу. Дерматолог сказала — это все нервы.

— Понятно. Что ж, жду вас у себя.

— Нет! Сейчас никак — я сама не своя. Если и вправду серьезно больна, даже знать не хочу.

— Все равно приходите, просто поговорим.

Доктор Холдинг был давно знаком с Нормой и успел ее изучить: стоит лишь заикнуться об анализах — и на прием ее не заманишь. Более мнительной пациентки ему не попадалось за все годы работы.

* * *

На другой день Норма сидела в кабинете доктора Холдинга, отодвинувшись от него на почтительное расстояние. Пусть он и заверил, что анализы не понадобятся, Норма все равно дрожала от страха.

Доктор смотрел на нее поверх очков.

— Итак, сыпь и выпадение волос. Еще что-нибудь вас беспокоит?

— Нет.

— Все так же ходите пешком по полчаса в день?

— Да. То есть... стараюсь. Раньше ходила пешком до универмага и дважды в неделю гуляла с Ирен Гуднайт и преподобной Сюзи, пасторшей, но уже давненько не выбиралась.

— Ясно. Гулять надо обязательно. Как вы обычно проводите день?

— Встаю, делаю уборку, стираю, навещаю подруг.

— На свежем воздухе чем-нибудь занимаетесь?

— Кроме церкви и клуба «Худеем вместе»? Пожалуй, нет.

— Увлекаетесь чем-нибудь?

— Ничем особенным. Стряпаю, занимаюсь хозяйством и пытаюсь присматривать за тетей Элнер.

— Что ж... Я выпишу вам снотворное, но сдается мне, все беды ваши от избытка свободного времени. Когда нечем занять руки, задействуют нервы. Вы на работу устроиться не думали?

— В каком смысле?

— Вы работали когда-нибудь?

— Нет, только по дому. Как-то пошла в блинную официанткой, но мне так не понравилось, что я через день сбежала.

— Я понял. Вам стоит подумать о работе, к примеру, на неполный день.

— В мои-то годы? И кем мне идти работать?

— Даже не знаю. Что-нибудь для души. Что вы любите делать?

По дороге на автостоянку Норма повторяла: «Что-нибудь для души? Разве что открыть свой магазин косметики „Мерл Норман“. Хотя бы для того, чтобы они не поменяли состав крема».

Норма отыскивала свою машину, и взгляд ее упал на наклейку на заднем крыле: «Дом на продажу увижу — сразу торможу!» И Норму осенило. Недвижимость! Вот уж для души так для души. Каждые выходные они с Ирен Гуднайт обходили все выставленные на продажу дома. И еще она никогда не пропускала передачу «Ищем дом» на канале «Дом и сад». Ее подруга Беверли Кортрайт даже приглашала Норму в напарницы по продаже недвижимости.

Так радостно на душе у Нормы не было с тех самых пор, как Линда привезла из Китая крошку Эппл.

Норма поехала через весь город в контору Беверли, затормозила у входа, вошла внутрь.

Из глубины коридора показалась Беверли с охапкой рекламных проспектов.

— Норма? Привет, как дела?

— Неплохо. Слушай, ты серьезно считаешь, что мне стоит заняться недвижимостью?

— Конечно, а что?

— Просто я об этом подумываю.

— Ну-ка, садись, потолкуем.

Клуб заходящего солнца

21:02

В тот вечер после захода солнца все разошлись по домам, только Тотт и Элнер все сидели во дворе, вспоминая старые добрые времена.

— Помнишь кленовый сироп в жестянках-домиках? — спросила Элнер.

— Еще бы! — отозвалась Тотт. — А помнишь трехцветные кокосовые карамельки, бело-розово-голубые? А черный хлеб в баночках? Черт подери! Я такая старуха, что училась читать по книжицам про Дика и Джейн. Теперь Дик и Джейн одна дорога, в дом престарелых... за компанию с Нэнси Дрю и братцами Роверами. А Сиротке Энни, должно быть, за сотню перевалило.

Элнер заглянула ей в глаза:

— Слушай, Тотт... я тебя спросить хотела... Ты о чем-нибудь жалеешь в жизни? Тотт изумленно вытаращилась на нее:

— Жалею? Это я-то? Кроме папаши-алкоголика и чокнутой мамы? Да не считая того, что выскочила замуж за Джеймса Вутена, олуха, каких свет не видывал, родила двух уродов, вышла замуж за другого, а он возьми и протяни ноги в разгар медового месяца? Больше ни о чем не жалею! А что?

Элнер засмеялась:

— Нет, милая, я о том, что ты мечтала сделать, да так и не сделала. Я вот думала, мне уже не попасть в Долливуд, и жалела об этом, но представился случай — я и поехала, так что жалеть больше не о чем, можно и умереть спокойно.

— Ну а мне поздно мечтать, — вздохнула Тотт, отхлебнув пива. — Мой поезд давным-давно ушел.

— Полно, Тотт. Лучше поздно, чем никогда. Взгляни на Норму — под старость взялась за новое дело.

— Не нужно мне нового дела. Я и старым-то сыта по горло, к чему мне еще новое?

— Знаешь, Тотт, скажу тебе по секрету, когда повстречаешься со смертью, начинаешь по-другому видеть жизнь. Надо жить и радоваться и делать то, что хочется, а то будет поздно. Попомни мои слова.

— Я бы с удовольствием, да только нет у меня никакой мечты.

— Наверняка есть, Тотт. Ты к себе прислушайся — найдется и у тебя мечта.

— Только не мужчина мечты, это уж точно! Тебе-то повезло. Твой Уилл был душа-человек и от тебя без ума, всякий видел. А мой Джеймс был просто без ума.

Первые шаги

15:28

Беверли Кортрайт и Норма колесили по окрестностям в поисках домов на продажу, и милях в двадцати к югу от города Беверли высмотрела прибитую к забору самодельную табличку: «ПРОДАЕТСЯ ДОМ». У нее загорелись глаза, она лихо развернула машину и подрулила к забору. В конце длинной подъездной дорожки, среди красавиц-сосен, приютился хорошенький, опрятный кирпичный домик. Вот так удача! Дом, должно быть, поступил в продажу всего несколько дней назад, ведь он еще не появился в каталогах недвижимости. Беверли пробежала их глазами по утрам, как игрок — программу скачек. О каждом доме она знала все до мельчайших подробностей и обычно умудрялась увидеть его раньше других агентов. Каталоги она читала ни свет ни заря, и сегодняшний день был не исключение. Норма по неопытности стеснялась врываться в чужие дома — в отличие от Беверли. Норма и глазом моргнуть не успела, а Беверли уже затормозила у парадного входа и запустила руку в объемистую сумку, нащупывая рулетку и фотоаппарат. С сумкой она не расставалась: если где-то дом выставят на продажу, надо быть во всеоружии.

— Пойдем осмотрим дом, Норма, — скомандовала она, выходя из автомобиля.

— А прилично ли вламываться без приглашения? — засомневалась Норма, нехотя вылезая из машины.

— Я считаю, кто смел, тот и съел! — Беверли поднялась на крыльцо и нажала на кнопку звонка. — Скоро сама убедишься, что в нашем деле церемониям не место.

Беверли снова позвонила в дверь, заглянула в окно.

— А вот и хозяин!

Дверь открыл старик; из глубины дома доносился шум телевизора — шел футбол.

— Вам кого?

Беверли просияла неотразимой профессиональной улыбкой, извиняющейся и дружелюбной.

— Здравствуйте! Я Беверли Кортрайт, а это моя подруга Норма. Простите, что беспокоим в выходной, но хотелось бы взглянуть на ваш дом. Я только что сказала Норме, что такого прелестного дома в жизни не

видела! Просто загляденье! Если позволите, мы зайдем и посмотрим, всего на пару минут, обещаю.

Хозяин замялся:

— У нас не прибрано... и хозяйки нет.

Однако напористая Беверли уже шагнула за порог.

— Ах, не беспокойтесь, дело привычное, мы просто посмотрим планировку и сделаем пару снимков.

Хозяин нехотя согласился:

— Что ж, коли так, заходите.

— Ах, спасибо огромное. Смотрите матч, на нас не отвлекайтесь, — махнула рукой Беверли по пути в кухню.

— Показать вам, где что?

— Нет, спасибо.

Настоящий мастер своего дела, Беверли вместе с Нормой за десять минут облазила весь дом и сфотографировала все комнаты. Обмерив вторую спальню, Беверли продиктовала Норме: «Двенадцать на десять, небольшая кладовка, стену можно снести». Спустив воду в унитазе, проверив краны и душ, она заметила: «Напор хороший, но плитка безобразная». Шагая по комнатам, Беверли бросала на ходу: «Панели под дерево ужасные. Оригинальные раздвижные окна. Полы добротные. Кухня требует ремонта». Перед уходом Беверли заглянула в комнатку, где в кожаном кресле сидел хозяин.

— Мы закончили, осталось лишь несколько вопросов.

Хозяин приглушил звук телевизора:

— Да, пожалуйста.

— У вас биотуалет или канализация?

— Биотуалет.

— Когда был построен дом?

— В пятьдесят восьмом.

— Площадь участка?

— Около двух с половиной гектаров.

— Не знаете, можно ли разделить его на два?

— Нет, мадам, не знаю.

— Что ж, спасибо большое. Ах, минуточку, чуть не забыла главное: сколько вы просите?

Хозяин озадаченно сдвинул брови:

— За что?

— За дом.

— Дом не продается.

Пришел черед Беверли удивляться.

— Уже продали?

— Нет.

— Зачем же тогда табличка?

— Какая табличка?

— На заборе.

Старик недоуменно пожал плечами:

— Уважаемая, на табличке написано: «Продается дог».

Выезжая со двора, подружки присмотрелись к табличке. И впрямь, «Продается дог».

Норма готова была сквозь землю провалиться.

— Бедный старик... Должно быть, принял нас за сумасшедших: по всему дому бегают, в кладовки заглядывают, всюду нос суют, воду в унитазах спускают, ящики на кухне выдвигают. Наше счастье, что он не вызвал полицию.

Беверли оправдывалась:

— Меня одолела профессиональная горячка, всюду чуются дома на продажу. Но взгляни на это с другой стороны, Норма: теперь у него есть моя карточка, и, если он когда-нибудь надумает продавать дом, мы обойдем всех конкурентов.

— Все равно ужасно стыдно, бедный хозяин! Такой вежливый...

— Ему-то проще быть вежливым, он же не агент по недвижимости! Знаешь поговорку, Норма? Старые риелторы не умирают, а превращаются в недвижимость. Нравится? Сама придумала!

Словом, Норма постигала новое дело с азов.

В гостях у Элнер

12:48

Миссис Мак-Уильямс, мать Ла-Шонды, несколько месяцев переписывалась с Элнер, и однажды Ла-Шонда привезла ее в гости в Элмвуд-Спрингс. Когда они подъехали к дому Элнер, та поджидала их на крыльце.

— С приездом, миссис Мак-Уильяме! — сказала Элнер маленькой чернокожей старушке, что спешила к ней по тротуару: на лице белозубая улыбка, в руках — карамельный пирог в большой черно-белой шляпной коробке.

— Выбралась наконец-то к вам! — отозвалась гостя. — Еще и пирог испекла.

Элнер и гости славно посидели и втроем уплели весь пирог, почти такой же вкусный, как у Дороти.

Позже, устроившись с Элнер и дочерью на крыльце, миссис Мак-Уильяме сказала:

— Как я рада с вами встретиться! Завтра уезжаю домой, в Арканзас, но перед отъездом хотелось повидаться с таким чудесным кулинаром.

— Я тоже рада, что вы приехали. Нам, деревенским, нужно держаться друг друга. Нынешняя молодежь-то разве знает, что значит вставать с птицами, верно?

— Что правда, то правда... Им лишь бы слушать хип-хоп да гонять на машинах с ночи до зари. — Миссис Мак-Уильяме глянула на дочь. — Буду скучать по моей девочке, но все равно очень хочется домой.

Ла-Шонда пообещала:

— Я буду к тебе приезжать, мамуля.

— Вот и хорошо.

Миссис Мак-Уильямс оглядела двор.

— Чудное у вас фиговое дерево, миссис Шимфизл.

Элнер улыбнулась:

— Загляденье, правда?

На прощанье миссис Мак-Уильямс сказала:

— Хорошо бы еще с вами свидеться.

— Свидимся непременно, — пообещала Элнер.

Начало карьеры

11:08

Спустя полгода, когда Норма сдала экзамен и получила лицензию агента по недвижимости, Беверли попросила у нее фотографию для рекламной брошюры. Через несколько дней Норма принесла подруге снимок, сделанный в студии в универмаге «Уолмарт». Она снялась в черной водолазке и ярко-красном пиджаке со значком на лацкане.

Норме казалось, что вид у нее очень деловой, но Беверли осталась недовольна:

— Неплохо, но нужна не просто фотография, а с изюминкой — чтобы ты выделялась из серой массы, привлекала внимание.

Сама Беверли сфотографировалась в нарядной широкополой шляпе, с двумя ручными хорьками, Джоанной и Мелиссой, и приписала девиз: «Вынюхиваем для вас жилье».

Норме ничего не приходило в голову. «Фантазии у меня не больше, чем у посудомоечной машины», — жаловалась она Мэкки, листая каталог в поисках подходящей задумки для рекламного снимка. Некоторые агенты снимались с телефонной трубкой у уха или в обнимку с собакой, один — с виолончелью, еще один — на фоне старинного автомобиля, а некто Уэйд — перед старинным замком. Возможно, в Диснейленде. Именно этот снимок и натолкнул Норму на нужную мысль. На завтра, в том же красном пиджаке, она поехала к тете Элнер и сфотографировалась у нее во дворе, рядом со скворечником, что смастерил Лютер.

НУЖЕН ДОМ? ЗВОНИТЕ НОРМЕ!

Тотт выкладывает всю правду

09:40

В среду у Нормы дел было неспорно, но она все-таки добралась до салона красоты и приготовилась слушать очередное выступление Тотт.

— Говорю тебе, Норма, телевизор невозможно смотреть! В фильмах сплошной секс и насилие. Понимаю, за что во всем мире нас не любят: думают, все американцы — звери.

— Пожалуй, — кивнула Норма.

— Где фильмы про хороших людей, хотелось бы знать? Немножко ругани — не страшно, я и сама люблю крепкое словцо, но сейчас что ни картина, то через слово похабщина. Я не ханжа, чего нет, того нет, два раза замужем была, но во что нынче превратились фильмы о любви? «Здрасьте, как дела, перепихнемся?» А то и без «здрасьте» обходятся. Даже в передачах о природе показывают, как звери сношаются, — а кто эти передачи снимает? Ясное дело, мужчины, кто ж еще? Садись с внуками у телевизора — и нате, реклама «виагры»! Вот чего нам как раз не хватало для полного счастья — толпы кобелей с членами наизготовку! Смотреть тошно. А потом объявляют на весь мир: если эрекция длится дольше пяти часов, обратитесь к врачу. Представляешь? Милая будет картинка, если такое чудо заявится в больницу! Отнимают у врачей время на всякие глупости! Расстрелять бы идиота, что выдумал эти пилюли, — и ведь наверняка их мужчина выдумал! На планете скоро уже ступить некуда будет от народу, а они еще таблетки изобретают. У них одно на уме. Изобретали бы лучше средство против рака и других болезней, а секс оставили в покое. Не будите спящую собаку, как говорится. Если б мой муж — неважно, который по счету, — вздумал попробовать эту гадость, выгнала б его поганой метлой!

Тотт до того разбушевалась, что ненароком кольнула Норму шпилькой.

— Говорят, везде сплошь разврат, все вокруг бандиты, и если дальше так дело пойдет, скоро мы снова будем жить в джунглях, с кольцами в носу, и питаться человечиной. Я уже подумываю перебраться в охраняемую резиденцию и завести револьвер. Варвары на пороге.

— Ах, Тотт, — вздохнула Норма, — прекращай ночи напролет слушать страшилки по радио. Только растравляешь себя, и ничего больше.

— Это не страшилки, а правда!

— По-моему, если не можешь сказать ничего хорошего, лучше молчать. Тотт поймала взгляд Нормы в зеркале.

— Я старалась быть хорошей, а что в награду? Больная спина, несчастный брак, двое неблагодарных детей, еще и нервный срыв в придачу. Счастье, что я не работаю на телефоне доверия для самоубийц. На душе у меня так скверно, что я бы всем велела: стреляйтесь на здоровье!

* * *

Неделя шла за неделей, и мало-помалу Норма поняла, что болтовня Тотт в салоне красоты ее только расстраивает. На новой работе ей и без того приходилось нелегко, и каждое утро она смотрела в зеркало с ужасом — не дай бог, опять сыпь на носу. В конце концов, собрав волю в кулак, Норма отправилась к Тотт домой.

Вошла и сказала:

— Тотт, нам нужно поговорить. Мы знаем друг друга с детства, я тебя очень люблю, но... видишь ли, в чем дело: повышенная тревожность.

— Эка невидаль! — отозвалась Тотт. — В наше время только дурак ни о чем не тревожится. Пей успокоительное да время от времени опрокидывай стаканчик виски, как я, и забудешь про нервы.

Норма отвечала:

— Время сейчас и впрямь беспокойное, ты права. Однако я пытаюсь с собой справиться без лекарств. И без выпивки.

— Что так?

— Стараюсь исключить из своей жизни все вредное. Словом, как ни тяжело мне, причесываться я у тебя больше не буду.

У Тотт от изумления округлились глаза:

— Почему?!

— Я уйму сил трачу, чтобы настроиться на хорошее, а посижу у тебя — и все насмарку, опять вся на взводе. Думаю, ты не осознаешь, Тотт, что ты тяжелый человек. От твоих разговоров у меня вечно настроение портится.

— Полно тебе, Норма, это же просто болтовня, не принимай близко к сердцу.

— Понимаю, но ничего не могу поделать. Ты тут ни при чем, дело во мне. Слишком уж я впечатлительная.

Норма ушла в слезах, а Тотт будто к полу приросла. Впервые в жизни

она потеряла клиентку и была потрясена до глубины души.

Несколько дней Норма терзалась: правильно ли она поступила? Безусловно, ей будет не хватать Тотт. Трудно представить, что ее будет причесывать кто-то другой, а о поисках нового мастера и думать не хочется. Во Флориде Норме очень тяжело жилось без своего парикмахера; на целых два года ее волосы будто осиротели.

Через неделю, в среду, Норма сидела на кухне, поглядывая на часы и гадая, подыскала ли Тотт другую клиентку? Кто сидит сейчас в кресле в бигуди? А в салоне красоты тосковала в уголке Тотт, уставившись на пустое кресло. Легче на Луну улететь, чем пригласить вместо Нормы кого-то еще! В конце концов Тотт не выдержала и отправилась к Норме домой с шампунем и бигуди в большой сумке. Норма, слегка помятая, открыла дверь и очень удивилась, увидев Тотт на пороге.

Тотт начала:

— Милочка, я пришла извиниться и, если ты согласна меня не бросать, обещаю с этого дня говорить только о хорошем. Думала я над твоими словами и поняла, что ты права. Сама не знаю, откуда у меня привычка ругать всех почем зря, но буду отучаться. Можно войти?

— Конечно, заходи! — воскликнула счастливая Норма.

— Уф! — вздохнула Тотт. — Я просто с ума сходила при мысли, что кто-то другой будет тебе красить волосы. Как представляю, что ты станешь ходить в «Суперстрижки», — сердце кровью обливается: там ни тебя не знают, ни твои волосы.

Тотт вымыла Норме голову в раковине на кухне, накрутила, сделала прическу, и на душе у нее полегчало.

На прощанье Тотт предложила:

— А давай на следующей неделе покрасим тебе волосы чуть светлее? Хочу попробовать новую краску, если ты не против.

— Тебе виднее, Тотт, — отвечала Норма.

От радости она была на все согласна — хоть в зеленый цвет выкраситься! Две сделки с недвижимостью удались. Тотт вернулась. В мире вновь воцарился порядок.

Славный котище

08:40

Раз в год, в один и тот же день, Мэкки отвозил Сонни к ветеринару на осмотр и прививки. В то утро тетя Элнер поджидала Мэкки в гостиной, а Сонни уже томился в клетке-переноске. Тетя Элнер встретила Мэкки словами:

— До чего ж он на меня зол! Знает, куда его везут, и шипит.

Мэкки поднял клетку.

— Как же вы его изловили?

— Перехитрила: открыла банку корма, а едва он начал есть, набросила на него полотенце.

Мэкки заглянул в клетку, и Сонни был ему явно не рад.

— Увидимся, тетя Элнер! — попрощался Мэкки, унося кота.

— Привет доктору Шоу!

После обеда, когда Мэкки привез кота назад, тетя Элнер встречала его на крыльце, радуясь возвращению своего любимца.

— Ну как?

Мэкки вручил ей Сонни:

— Отлично. Год можно не волноваться.

— Не кусался?

— При мне — нет.

— Ну и хорошо. Говорят, ему даже таблетку дать — дело нелегкое.

На другое утро на кухне у Нормы, где она писала отчет о состоянии старого дома Уотли, зазвонил телефон. Норма взяла трубку.

— Норма, — как всегда без предисловий начала тетя Элнер, — скажи Мэкки, пусть приедет и отвезет кота обратно к доктору Шоу.

— А что случилось?

— Это не мой кот.

— То есть как — не ваш?

— Не мой. Славный котище, но не мой.

— С чего вы взяли?

— Да по всему видно. Своего кота из тысячи узнаешь, Норма.

— Да он не в себе после похода к врачу. Через денек-другой оправится, вот увидите.

— Говорю же, Норма, кот не мой! Мордочка пушистей, чем у Сонни, и

характер другой.

— Тетя, родная, доктор Шоу лечил Сонни много лет, ему ли не знать этого кота. И с какой стати он подменил бы кота?

— Может, случайно перепутал? Не знаю, в чем тут дело, но это не Сонни.

Норма тут же позвонила Мэкки на работу:

— Тетя Элнер решила, будто вчера ты вместо Сонни привез чужого кота.

— Как это — чужого?

— Да вот так. Ей взбрело в голову, что это не Сонни.

— Что за фантазия?

— Ума не приложу, Мэкки. Поезжай-ка да поговори с ней.

— Ты звонила доктору Шоу? Может, кота и в самом деле перепутали?

— Мэкки, ты же его видел, разве это не Сонни?

— Для меня все рыжие коты, так сказать, на одно лицо, я их не различаю.

Сгорая от стыда, Норма все же заставила себя позвонить ветеринару.

Доктор Шоу стриг коготки хорьку Беверли, и на звонок в приемную ответила его жена.

— Эбби? Это Норма. Заранее прошу прощения, у меня к вам глупейший вопрос. Кроме Сонни, вчера других рыжих котов вам не привозили?

— Кроме кота миссис Шимфизл?

— Да-да.

— Если мне память не изменяет, рыжих больше не было. А в чем дело?

— Тетя убеждена, что кот чужой.

— Гм... Сейчас проверю, но я вчера никуда не уходила и других рыжих котов не припомню. Минуточку... Нет. Больше ни одного рыжего кота.

— Тетя Элнер, я только что говорила с Эбби. Вам вернули вашего Сонни, других рыжих котов им вообще не привозили.

— Не знаю, что и сказать. Кот не мой. Жаль, у животных нет отпечатков пальцев — я б тебе доказала. Говорю же, славный котище, но не

мой.

— Ну и что теперь?

— Оставлю его у себя — а что еще делать? Я к нему уже привыкла. Надеюсь, новый хозяин не обижает Сонни.

«Странно! — удивлялась Норма. — Когда тете Элнер в самом деле подменили кота, она ровным счетом ничего не заподозрила, а сейчас своего родного Сонни не узнает. Вот и ломай голову, в чем причина».

Что-то не так

06:30

Случай с котом должен был бы насторожить Норму и Мэкки, но Мэкки лишь посмеялся, а Норма вот уже год была вся в делах, и эта история вскоре забылась. Однако с начала марта они стали замечать, что тетя Элнер хуже слышит и частенько не узнает людей. Чем дальше, тем чаще называла она Норму Идой, а Мэкки — Лютером. Были и другие тревожные сигналы. Элнер звонила по три-четыре раза на дню, пересказывая одно и то же; потом перестала узнавать места, ей чудилось, будто она снова на ферме. Спустя еще несколько недель Мэкки забежал к ней выпить кофе, вошел в кухню и увидел, что плита включена, а сама тетя Элнер куда-то пропала. Не найдя ее и у соседки Руби, он вышел в поле позади дома, — там блуждала тетя Элнер, одинокая и потерянная. Увидев Мэкки, она сказала: «Сарай куда-то делся, мне скотину пора кормить, а я никак не найду сарай». Мэкки понял: что-то не так. Когда он рассказал Норме об утреннем происшествии, та всплеснула руками: «Нельзя ей больше жить одной, Мэкки. Чего доброго, спалит дом. Придется все же отправить в „Счастливое местечко“, для ее же блага, пока не покалечилась». Мэкки скрепя сердце согласился: время пришло. Они поехали в «Счастливое местечко» договариваться, и, пока шли к кабинету главы пансиона, у Мэкки защемило сердце. На дверях комнат висели фотографии их обитателей, чтобы те не заблудились. Перед Мэкки одно за другим возникали лица людей, у которых тоже была молодость. Тоска берет, как подумаешь, что умнейшей женщине вроде тети Элнер придется здесь доживать свой век. Зато хотя бы комнату для нее выбрали с красивым видом. Ей понравится. Домой возвращались молча, потом Мэкки спросил:

— Кто скажет?

Норма задумалась.

— Лучше ты, Мэкки. Тебя она скорее послушается.

Утром, поднимаясь на крыльцо знакомого дома, Мэкки думал, что

легче руку себе отрубить, чем сказать тете Элнер правду. К счастью, у старушки в тот день голова была ясная.

Мэки дождался, пока они с тетей Элнер устроились на задней веранде, и начал:

— Тетя Элнер, вы ведь знаете, мы с Нормой вас очень любим...

— Я вас тоже, — отозвалась Элнер.

— Но иногда приходится поступать не так, как хочется, а... — Мэки запнулся, не находя слов. — На первый взгляд кажется... а на самом деле... Видите ли, Норма волнуется, что вы живете одна, и считает, что вам лучше перебраться туда, где вы будете под постоянным присмотром.

Элнер обвела взглядом двор, но промолчала. Мэки тоже молчал, на душе было скверно. Элнер перевела глаза на него.

— По-твоему, Мэки, мне надо туда переехать?

Мэки глубоко вздохнул.

— Да.

— Ладно, — кивнула Элнер. — Тебе видней.

После долгого молчания Элнер спросила:

— Можно взять с собой Сонни?

— К сожалению, нет... Там не разрешают держать животных.

— Понятно. Говорила же я, славный котище, но не мой. Вы его пристройте в хорошие руки, обещаешь?

— Непременно, тетя Элнер.

— Когда мне уезжать?

— А вам как хотелось бы?

— Можно подождать до Пасхи?

До Пасхи оставались считанные недели, и Мэки кивнул:

— Конечно.

Сборы

09:30

Вскоре Мэкки и Норма помогли Элнер собрать то небольшое, что она хотела взять с собой: стеклянное пресс-папье с Эмпайр-стейт-бил-динг, несколько фотографий Уилла и малышки Эппл и журнальную вырезку с танцующими мышами. Почти все остальное Элнер раздала: многое досталось соседям, а дверные ручки с бульдожьими головами — Луизе Фрэнкс, которая на них насмотреться не могла.

Пасха прошла, настал и день переезда Элнер. Мэкки проснулся с тяжелым сердцем, и Норма, даже понимая, что они поступают так для блага тети Элнер, тоже страдала. С ними ехала Руби, чтобы помочь Элнер устроиться, и все равно на душе у Мэкки будто камень лежал. Согласие Элнер на переезд поразило и Мэкки, и Норму: до чего же безропотно она покорила судьбе. Куда легче было бы, если б она противилась, но Элнер шла им навстречу, старалась не доста вить хлопот, и Мэкки мучился еще сильнее. Он брился, а Норма набирала ванну, когда зазвонил телефон.

— Наверное, тетя Элнер. Мэкки, скажи ей, что мы приедем к десяти.

Мэкки вытер лицо, зашел в спальню, снял трубку.

Норма закрыла кран. Не слыша Мэкки, крикнула:

— Милый, это она? Ответа не было.

— Мэкки!

Мэкки, сидя на кровати, улыбнулся про себя: «Что ж, сбылась мечта нашей бабушки». Он поднялся и пошел в ванную сказать Норме, что в «Счастливое местечко» Элнер везти не придется.

Никто, кроме Элнер, не знал, что исполнилось ее самое заветное желание, которое вот уже столько лет она каждый вечер загадывала на первую звезду.

Звонила Руби из дома Элнер.

Элнер умерла во сне, в своей постели.

Последнее «прости»

День спустя Кэти Колверт напечатала в газете тот самый некролог, что Элнер прочла в больнице и одобрила. Кэти рада была, что Элнер довелось его увидеть. Изменить пришлось только дату.

* * *

Вербена Уилер позвонила на радио Бад и Джею, чтобы сообщить о смерти Элнер Шимфизл. Бад вежливо выслушал, ответил: «Благодарю за звонок, миссис Уилер», но объявление давать не спешил. «Подожду недельку, на всякий случай», — сказал он Джею.

* * *

Норма исполнила данное тете обещание, и через несколько недель, согласно последней воле Элнер, прах ее был на закате развеян позади дома, в присутствии родных и Лютера Григза. Оглянувшись, Норма увидела, что весь город собрался проститься с Элнер. Всем будет ее не хватать.

А через пару месяцев Лютер и Бобби-Джо купили дом Элнер, в придачу с Сонни. Соседи поначалу ужасались, что полдвора будет занимать грузовик, но беспокоились они напрасно: Бобби-Джо уговорила Лютера продать грузовик. Лютер начал работать с Мэкки в магазине «Все для дома», в отделе автозапчастей, и продавец из него получился неплохой. Через девять месяцев у Лютера и Бобби-Джо родилась дочка, назвали ее Элнер-Джейн Григз. Сонни был недоволен, что в доме появилась малышка, и его можно понять: дети быстро подрастают — и тогда держись!

Семейная Библия

14:18

В год смерти Элнер зима выдалась одной из самых холодных за всю историю штата. Как-то весной Норме позвонил мистер Рудольф, главный садовник Клуба садоводов, и сообщил нерадостную весть.

Дом, где выросла Норма, по сей день считался самым красивым в Элмвуд-Спрингс. Отец Нормы был банкиром, и Ида убедила его построить дом, приличествующий его высокому положению, сама наняла столичного архитектора, и тот воздвиг внушительный особняк из красного кирпича. Однако после смерти мужа Ида переехала в Поплар-Спрингс, а дом передала местному клубу садоводов. Обиженной Норме, мечтавшей о доме — не для себя и Мэкки, а для Линды, — Ида объяснила, что лишь клуб садоводов сможет обеспечить достойное будущее ее самшिताм. Шли годы, уцелели и дом и сад, в том числе Идины «уроды-самшиты», как между собой называли их Норма с отцом. Бывали времена, когда обоим казалось, что маме самшиты дороже них. И вот теперь самшिताм, увы, настал конец. Они не выдержали январских морозов; все до единого пришлось выкопать, а взамен посадить кустарники помельче, «ужасный питтоспорум», как называла его Ида. Норма порадовалась про себя, что мама этого не увидит, ей бы такого горя не пережить.

Через несколько дней в дверь дома Нормы постучали. На пороге стоял мистер Рудольф.

— Миссис Уоррен, мальчишки копались в саду и нашли вот это. Мы открыли — похоже, это принадлежало вашей семье. Вот я и принес вам.

Тронув шляпу, он протянул Норме большую пластмассовую коробку без крышки; внутри лежала толстая черная книга, небрежно завернутая во фланель и полиэтилен. Поблагодарив садовника, Норма вернулась в гостиную и вынула книгу. Старинную Библию семьи Накл-Нотт, принадлежавшую когда-то ее бабушке с дедушкой. У Нормы дрожали руки, когда она открыла Библию и увидела имена.

НОТТ

Генри Клэй — родился 9 ноября 1883, умер в 1942

Нэнси Накл — родилась 18 июля 1881, умерла в 1919

ДЕТИ

Элнер Джейн — родилась 28 июля 1910

Герта Мэри — родилась 11 марта 1912

Ида Мэй — родилась 22 мая 19

Год рождения матери был вымаран, Ида унесла эту тайну в могилу. Зато Норма узнала, что тетя Элнер прожила на свете без малого девяносто шесть лет. «Ничего себе! — подумала Норма. — С такими долгожителями в роду совсем не поздно начинать новое дело».

Старая Библия Накл-Ноттов оказалась не единственной семейной тайной. У Элнер Шимфизл тоже был секрет, и теперь, когда она умерла, лишь один человек на свете точно знал, что, где и когда случилось.

Что случилось

Луизе Фрэнкс, подруге и соседке Элнер по ферме, жизнь выпала нелегкая. Много лет она трудилась не разгибая спины и своего первого и единственного ребенка родила уже в зрелые годы. Диагноз Полли — синдром Дауна — стал для Луизы тяжелым ударом, а для мужа оказался непосильной ношей. Как-то утром, примерно через год, Луиза проснулась в пустой постели. Муж исчез, оставив Луизе с дочерью ферму, несколько тысяч долларов в банке — и только. У Луизы и Полли никого больше на свете не было. Хотя Полли, к счастью, росла смирным ребенком и могла часами сосредоточенно возить карандашом по страницам книжек-раскрасок, Луиза старалась не оставлять дочь одну, даже когда той исполнилось двенадцать. Но в тот роковой день Полли так увлеченно раскрашивала новую книжку про Каспера Доброе Привидение, что Луиза подумала: ничего страшного, если Полли недолго побудет без нее, а она съездит в город. Девочка спокойная, слушается маму и обещала не выходить из кухни до ее возвращения. Погожим осенним днем Луиза вышла во двор, предупредила работника, рубившего дрова, что уезжает за покупками, и поручила присмотреть за домом. — Хорошо, мэм. — Работник приподнял шляпу.

Как и раньше, на других фермах, он ждал своего часа не одну неделю, и вот наконец случай представился. Он исподлобья следил за отъезжавшей Луизой, а едва машина скрылась из виду, швырнул на землю топор и пошел в дом за девчонкой. «Уродина, конечно, — думал он. — И постарше будет тех малявок, на прочих фермах, зато ума не хватит пожаловаться». Да у него уже и вещи собраны; мамаша вернется — его и след простыл. Он поднялся на крыльцо и распахнул дверь кухни. Полли рисовала, сидя за столом. «Иди-ка сюда, крошка, — прохрипел он, расстегивая ширинку. — Глянь, что у меня есть».

Луиза, подъехав к дому, удивилась, что во дворе нет ни готовой поленницы, ни работника, а зайдя на кухню, тотчас поняла: случилась беда. Кругом разгром, все вверх дном, стулья поломаны, тарелки перебиты,

всюду черепки. Полли по-прежнему сидела за столом, покачиваясь взад-вперед, и рисовала — только с головы до ног мокрая и вся в синяках. Луиза вскрикнула, выронила сумки, бросилась к дочери: «Что стряслось?» Сначала Полли лишь бормотала: «Больно, мама», но потом указала на дальний угол. Луиза оглянулась — о ужас! На полу возле раковины сидел мужчина без брюк, с ведром на голове. Обезумевшая Луиза схватила Полли в охапку, утащила в спальню и заперлась с ней там. Она даже на помощь позвать не могла: единственный в доме телефон остался на кухне. Прижав к себе дочь, Луиза застыла на кровати, не смея шелохнуться, и молилась, чтобы бандит, очнувшись, не выломал дверь.

А вскоре к дому, ни сном ни духом не ведая о случившемся, подъехала Элнер Шимфизл, ближайшая соседка и добрая подруга Луизы. Она везла в церковь еще горячие ореховые пироги и завернула угостить Луизу и Полли. Элнер вылезла из грузовичка, отворила дверь на кухню, крикнула: «Эй, девочки! У меня для вас...» — и застыла как вкопанная. На полу сидел полуголый мужчина с ведром на голове.

— Боже праведный! — Элнер уронила пирог. — Что здесь творится? Луиза, Луиза!

Подруга услышала ее.

— Элнер! Помоги, помоги мне!

Элнер кинулась мимо незнакомца в спальню. Луиза впустила ее, и Элнер увидела, что лицо у Полли в крови. Она помогла Луизе отвести девочку в ванную и промыть ссадины на лбу и губе, а потом как могла постаралась успокоить Луизу.

— Как это все вышло? Кто там сидит без штанов?

— Не знаю.

— Откуда у него ведро на голове?

— Не знаю, — в отчаянии твердила Луиза. — Когда я вошла, он уже вот так сидел... Это все из-за меня, не надо было оставлять ее одну.

Элнер, рассудив, как действовать, велела:

— Побудь тут. Я сейчас.

— Не ходи! — вскрикнула Луиза. — Он тебя убьет!

— Я до него доберусь первой, — мрачно пообещала Элнер. — Как представляю, что он сотворил...

Поискав глазами что-нибудь потяжелее, Элнер схватила лампу.

— Запри за мной дверь, — приказала она и двинулась на кухню, готовая к бою.

Полуголый бандит оставался недвижим, но Элнер решила не рисковать — вдруг он лишь затаился и сейчас набросится на нее? Элнер

прихватила со стола и скалку. Вооруженная скалкой и лампой, осторожно приблизилась к незнакомцу — тот не шелохнулся. Элнер ткнула его носком туфли, он завалился на бок, да так и остался лежать с ведром на голове. Убедившись, что ей ничего не грозит, Элнер стащила ведро с головы мертвеца и узнала работника Луизы. Немудрено, что Полли нахлобучила на него ведро: зрелище было не из приятных. Элнер сдернула с кухонного стола скатерть — нечего смотреть на голого мужчину, что живого, что мертвого, прикрыла его и вернулась в спальню. Полли, видно, здорово дралась: ее не изнасиловали, отделалась синяками да царапинами. Пока Луиза укладывала дочь в постель, с куклой в обнимку, Элнер сказала ровным голосом:

— Я подожду на кухне. Приходи, когда она уснет.

Луиза опасливо проскользнула на кухню, все еще не в силах унять дрожь. Элнер за столом как ни в чем не бывало пила кофе со своим же ореховым пирогом.

— Он еще здесь?

— А куда он денется? — Элнер кивком указала на тело, прикрытое красно-белой скатертью. — Наша Полли, может, умишком и не вышла, зато стреляет без промаха, уж ты мне поверь. Попала негодяю точнехонько между глаз.

— Чем... попала?

— Кстати, это твой работник.

Луиза глянула на покрытое скатертью тело.

— Он... мертв?

— Да. Видимо, навел на нее пистолет, а она как-то умудрилась его выхватить. — Элнер кивнула на лежавшее рядом с ней на столе оружие. — Я нашла его на полу под раковиной.

Луиза уставилась на пистолет и с трудом выдавила:

— Это мой. Этот... человек застрелился?

— Вряд ли он пустил пулю себе в лоб, зашвырнул пистолет в угол и напялил на голову ведро.

— Кто же его застрелил?

Элнер ответила:

— Полли. Больше вроде бы некому.

— А как к ней попал пистолет?

— Не знаю. Где ты его хранила?

— Здесь. — Луиза открыла дверь чулана, где тоже царил хаос: жестяные банки вперемешку с осколками стеклянных. — На второй полке,

за фасолью.

Элнер заглянула в разоренную кладовую.

— Должно быть, девочка пыталась тут спрятаться, а эта штука упала с полки. Полли подобрала и спустила курок. Наверное, приняла его за игрушечный.

— Какой ужас... Надо срочно вызвать полицию!

— Можем и вызвать, — спокойно согласилась Элнер. — Только сперва давай поразмыслим, а уж потом будем действовать.

— А как же он?

— За него не беспокойся. Никуда не убежит.

Элнер тоже вошла в чулан, плотно закрыла дверь и продолжила:

— А теперь слушай, Луиза, вот что я думаю. У него пуля между глаз. Кое-кто может счесть это убийством.

— Убийством?! — воскликнула Луиза и, спохватившись, тут же понизила голос: — Он ведь пытался ее изнасиловать. Это самозащита, несчастный случай. Полли не хотела его убивать.

— Неважно, самозащита или нет, у полиции будет много вопросов, и дело может кончиться судебным процессом, который попадет в газеты. Не нужно втягивать бедняжку Полли в этот кошмар, ее напугают до смерти. А она ведь даже не понимает, что случилось.

— Верно, для нее это будет мучение. — Луиза ломала руки. — Вот что, я возьму вину на себя! Вошла, застала его на месте преступления — и застрелила.

— Луиза, милая, подумай хорошенько. Опять же, свидетелей нет, а это плохо — уж я-то знаю, насмотрелась на истории вроде этой в фильмах про Перри Мейсона. Вдруг что-то пойдет не так? Кто будет заботиться о Полли всю ее оставшуюся жизнь? Ты ведь не хочешь, чтобы она попала в тот жуткий дом инвалидов? Не забыла нашу поездку? Там же сущий кошмар творится!

— Да уж... Я обещала Полли, что никогда ее туда не отдам.

— Вспомни еще, через что вам пришлось пройти, чтобы ее разрешили оставить дома. Боюсь, если узнают, что Полли застрелила человека, ее у тебя отберут и засадят туда на всю жизнь.

Луиза разрыдалась.

— Что же делать?!

Элнер приоткрыла дверь, глянула в щелочку на тело под красно-белой клетчатой скатертью и сказала подруге:

— Вообще-то я считаю, что приличных похорон достоин каждый... но тот, кто пытался изнасиловать больного ребенка, — дело другое.

— Элнер! Я совсем запуталась!

— Вот и слушай меня. О том, что здесь произошло, знаем только мы с тобой — Полли-то ничего не сможет рассказать. Кстати, кто он такой, этот твой работник?

— По-моему, просто бродяга, перекаати-поле. Я и фамилии-то его не знаю.

Элнер снова взглянула на мертвеца.

— Оно и к лучшему — вряд ли его хватятся. К тому же Полли наверняка не первая.

— На что ты намекаешь? — ахнула Луиза. Элнер решительно закрыла дверь.

Спустя двадцать минут, когда подруги вышли из кладовой, у них был готов план.

После захода солнца — Полли по-прежнему крепко спала — Элнер и Луиза взялись за дело.

Минут через десять Луиза вернулась на кухню со всеми пожитками батрака в вещевом мешке.

— Все собрала? — спросила Элнер.

Луиза молча кивнула.

Элнер подхватила мертвеца под мышки и, поднатужившись, перевалила на плечи, как мешок.

— Открой дверь, Луиза.

— Как же ты одна его дотащишь? Я помогу!

— Я в деревне выросла, к тяжестим привыкла. Лучше открой дверь... и достань лопату.

Луиза оглянулась на стол:

— Пистолет зароем вместе с ним?

— Ни в коем случае. Если его все-таки найдут, твоего пистолета не должно быть рядом. Оставь пока. Я придумаю, куда его деть.

Элнер свалила тело в кузов грузовика, и они отвезли его на самую окраину владений Луизы, где и вырыли яму. Элнер перетащила труп через борт грузовика, спихнула вниз и вместе с Луизой засыпала могилу землей.

— А если нас поймают? — вдруг испугалась Луиза. — Что, если его станут искать?

— Если и станут, скажешь — ушел. О том, что ушел он ногами вперед, говорить необязательно.

На обратном пути Элнер сказала:

— Пообещай мне кое-что, Луиза.

— Да?

— Смотри, кого берешь на работу. На словах-то все паиньки, а на деле вон что выходит с чужаками.

* * *

Как говаривал Уилл, муж Элнер, «думай что хочешь, но иногда удача на твоей стороне». Выстрела на отдаленной ферме Фрэнксов никто не слышал — разве что охотники, стрелявшие перепелок в полях за две мили оттуда. Никто не хватился работника, допустившего роковой просчет: он пытался затащить Полли в спальню. Господь обидел Полли умом, но не послушанием, а в тот день мать строго-настрого наказала ей не выходить из кухни. Девочка и не вышла. Как ни пытался преступник вытащить ее оттуда, Полли противилась изо всех сил. Ей просто-напросто повезло, что в пылу борьбы в чулане оружие упало ей под ноги. Бедняжка Полли, не понимая разницы между настоящим пистолетом и игрушечным, спустила курок. На ее счастье, убитого никто не любил и даже не пытался искать.

Ночью Элнер помогла Луизе навести порядок в доме, а пистолет спрятала у себя в курятнике. Если тело все-таки найдут, решила Элнер, она сама позвонит в полицию, возьмет вину на себя и предъявит орудие убийства. Попасть за решетку никому не хочется, но она была готова даже на тюрьму, лишь бы бедняжку Полли оставили дома с матерью. К тому времени Элнер уже овдовела и жила вдвоем с Сонни, а коту, что ни говори, одному куда легче, чем Полли без мамы. Через несколько лет, когда Элнер продала ферму, пистолет она забрала в свой новый дом.

Отголоски

Ничего на свете не делается зря. Так сказали Элнер Шимфизл, и ее падение с дерева имело самые разнообразные последствия, хотя ей самой и не довелось о них узнать.

Через несколько лет Полли Фрэнкс умерла от сердечной недостаточности. После смерти дочери Луиза Фрэнкс за большие деньги продала свою ферму в десять акров застройщику, а сделку оформляла Норма. Землю Луиза продала всю, кроме клочка в пол-акра на самом краю угодий. Норме это показалось странным, поскольку Луиза не собиралась сюда возвращаться, но Луиза объяснила: «Здесь похоронена моя любимая собака, я не хочу, чтобы эту землю перекопали». Переехав в город, Луиза на вырученные деньги открыла школу для детей-инвалидов и назвала в честь Элнер Шимфизл.

* * *

После знакомства с Элнер доктор Боб Хенсон стал по-иному смотреть на людей, и работа теперь приносила ему намного больше радости.

Волею судьбы, годом позже адвокат-вымогатель Гас Шиммер упал без сознания прямо в зале суда: обширный инфаркт. Его срочно увезли в больницу Каравэй, где доктор Хенсон три с лишним часа боролся за его жизнь. Тот самый доктор Хенсон, на которого он подал бы в суд, если бы Норма согласилась.

Франклин Пикстон был недоволен, узнав, что доктор Хенсон спас Шиммеру жизнь в разгар судебного процесса против больницы. «Где же халатность, когда она вправду нужна?» — возмущался он. Однако Франклин зря опасался Гаса Шиммера. После того как доктор Хенсон спас ему жизнь, Гас поклялся перед Богом никогда больше не судиться с больницами и врачами. Гас стал другим человеком, и его шпион навсегда исчез из больницы Каравэй.

Медбрат-доносчик, из-за которого Бутс Кэрролл, подругу Руби, понизили в должности, наконец доигрался, обозвав не ту женщину. Миссис Бетти Стивенс, сказочно богатая и щедрая вдова — ее покойный муж изобрел «Джонни», один из лучших наполнителей для кошачьих туалетов, — готовилась к операции на желчном пузыре и услышала ненароком, как медбрат за глаза назвал ее «дряхлой богатой сукой». Поскольку она пожертвовала больнице миллионы и была в тесной дружбе с миссис Пикстон, медбрата уволили без выходного пособия, а Бутс снова назначили старшей медсестрой. Миссис Бетти Стивенс не обиделась бы ни на «богатую», ни на «суку». «Дряхлая» — вот что стало последней каплей. Ей всего-то шестьдесят четыре, и выглядит она превосходно!

* * *

С тех пор как адвокат Уинстон Спраг нашел на крыше ботинок, он уже не был тем надутым всезнайкой, «самовлюбленным щенком», как его называли. Он перестал считать себя умнее всех на свете. Для иных это несчастье, для Уинстона же обернулось великой удачей. Его давняя любовь, девушка, которая поднимала его на смех и уверяла, что скорее выйдет замуж за первого встречного, чем за Спрага, столкнулась с ним в кругу друзей и заметила, что он переменился. Уинстон сидел один, задумчиво глядя вдаль. Девушка подошла, спросила, как дела, и услышала в ответ, что он недавно бросил работу и собирается на две недели в ашрам.^[8]

«В ашрам? Вот так новость! — подумала она. — А он, пожалуй, интересней, чем кажется...» И не ушла, а села рядом.

Через полгода, согласившись стать его женой, она сказала: «Уинстон, не знаю, в чем дело, но ты будто другим человеком стал». И слова ее прозвучали как одобрение.

Уинстон не рассказал любимой о находке, перевернувшей его жизнь, но через несколько дней, после занятия йогой, поехал через весь город в сувенирный магазин с бурым бумажным пакетом под мышкой и спросил у продавца:

— Вы покрываете бронзой обувь?

— Да, — ответил продавец. — Детскую.
Уинстон достал из пакета ботинок для гольфа и выложил на прилавок.
— А это?
Продавец глянул на ботинок:
— Покрыть это бронзой? Один ботинок, без пары?
— Возьметесь?
— Пожалуй. Вам с табличкой?
Уинстон задумался.
— Да. Напишите: «Ботинок на крыше».
— «Ботинок на крыше»? — переспросил продавец.
— Точно, — улыбнулся Уинстон. — Это шутка для друзей.

* * *

Не у одного Уинстона роман закончился свадьбой. Двадцать второго июня в Церкви единства Элмвуд-Спрингс преподобная Сюзи Хилл объявила доктора Брайана Лана и Линду Уоррен мужем и женой. Пришла на свадьбу даже Вербена Уилер, хотя и клялась, что ноги ее не будет в «новомодной церкви-самоделке».

Но что самое замечательное — апрельская акция Линды «Заведи котенка» имела такой успех, что ее подхватили другие фирмы, и каждый день по всей стране тысячи кошек обретали хозяев, даже не подозревая, что своим счастьем обязаны Элнер Шимфизл, которая однажды апрельским утром упала с дерева.

Снова Пасха

08:28

Пытливость и аккуратность Нормы сослужили ей хорошую службу, и вскоре агентство недвижимости «Кортрайт» превратилось в агентство «Кортрайт и Уоррен», чему Норма была несказанно рада. Что же до остального, не было больше в ее жизни ни знаков свыше, ни откровений, ни чудес, и Норма уже отчаялась ждать, пока четыре года спустя вновь не наступила Пасха.

Норма пришла на кладбище положить лилии на могилы родителей, как у нее было заведено, и едва сдерживала отвращение при виде искусственных цветов, пестревших чуть ли не на всех могилах. Обратный путь ее лежал мимо участка семьи Смит, где была похоронена Соседка Дороти, и Норма, сама не зная почему, остановилась и прочла имена на большом памятнике, а прочитав, ахнула.

Дороти Энн Смит
Любимая мама
1894–1976

Роберт Реймонд Смит
Дорогой отец
1892–1977

Реймонд?! Оказывается, мужа Соседки Дороти звали Роберт Реймонд! Крохотная искорка надежды, уже почти угасшая, затеплилась вновь, и Норма с улыбкой подняла глаза в синеву неба. А день был чудесный!

Утром в следующее воскресенье Мэкки совершенно неожиданно сказал Норме: «Схожу-ка, пожалуй, и я в церковь». Знать не зная, с чего бы такие перемены, Норма была счастлива. К тому же воскресную проповедь

Сюзи выбрала на тему: «В сомнении честном больше веры, чем в половине вероучений (Лорд Альфред Теннисон)».

По всеобщему признанию, проповедь Сюзи очень удалась.

Ухожу в туземцы!

Если обращение Мэкки в веру стало сюрпризом, то еще больший сюрприз ждал всех в мае следующего года.

Вербена позвонила Руби:

— Не поверишь, что учудила наша Тотт!

— Господи помилуй... ну? — Руби приготовилась услышать дурные вести.

— Я только что с ней говорила... присядь, не то упадешь... Тотт подалась в туземцы!

— Что?!

— В одну ночь стала заправской туземкой! Сама, мол, не знает, что на нее нашло, но едва она попала в Вайкики и добралась до номера, тут же сбросила все до последней нитки, напялила гавайское платье, сунула за ухо цветок и сделала нам всем ручкой. Домой она больше не вернется.

— Что за ерунда? Какая из белой женщины туземка?

— Она и сама раньше так думала, а теперь на нее снизошло откровение. Тотт ведь и на Гавайи-то лететь не хотела, но как только спустилась с трапа — вмиг преобразилась! Говорит, в прошлой жизни была, наверное, гавайской принцессой, потому что от счастья порхает как птичка и чувствует себя как дома.

— И чем она там занимается?

— В том-то и дело, что ничем... день-деньской слоняется по пляжу, берет уроки гавайских танцев... Зато голос — веселый-превеселый.

— Совсем не похоже на Тотт.

— Точно... Уж не завела ли она там дружка?

— А она не намекала?

— Нет, но легко догадаться, верно? Уж не гаваец ли?

Руби вздохнула:

— Все может быть, Вербена. Мир перевернулся с ног на голову — не удивлюсь, если она не дружка завела, а подружку гавайскую.

— Надеюсь, хоть мажется кремом от загара, а то, чего доброго, заработает рак под тамошним-то солнцем.

— Верно. Вот отрежут ей кусок носа — станет не до туземных радостей.

— А ей все нипочем. Говорит, пенсию заработала — и на том спасибо.

— Кого угодно могу представить дикарем, только не Тотт.

— И я. Чем дольше живу, тем больше удивляюсь людям. Не знаешь, что они выкинут через минуту.

Итак, вопреки девизу на плакате в салоне красоты (*Старые парикмахеры на пенсию не уходят, они выпадают из жизни, как волосы с головы*), Тотт все-таки удалилась от дел. Помня совет Элнер, она каждый день проживала как последний. И в этот вечер, сидя на веранде, радуясь теплему ветерку и потягивая пина-коладу, она взглянула на свою новую любовь, сидевшую рядом, и ей припомнились старые киножурналы о путешествиях, что показывали когда-то в кинотеатрах.

Тотт прикрыла глаза, и ей послышался тихий гавайский напев и протяжный мужской голос: «И вот над прекрасным пляжем Вайкики снова садится золотое солнце, а мы говорим всем вам „алоха“ и до свидания... до новых встреч».

Эпилог

Элнер Джейн Шимфизл вышла из знакомого лифта и ступила в тот же коридор. Ее встречали улыбающиеся Дороти и Реймонд, и Элнер была несказанно рада увидеть их вновь, но у самых дверей вдруг остановилась.

— На этот раз всерьез? — шепотом спросила она у Дороти. — Обратного билета нет?

Дороти засмеялась:

— Нет, милая, теперь всерьез.

— Проходите же, все вас заждались! — Реймонд улыбнулся.

Распахнулась большая дверь, а за нею... целая толпа! Родители и сестры Элнер, многочисленная родня, которую Элнер знала только по старым семейным фотографиям, а позади всех ей улыбались и махали Джинджер Роджерс и Томас Эдисон. И наконец, Элнер увидела его. В середине первого ряда стоял ее муж, Уилл! Он шагнул к ней с широкой улыбкой. Раскрыл объятия:

— Долго ты пропадала!

Элнер бросилась навстречу и поняла, что вернулась домой.

Рецепты

Райский карамельный пирог Соседки Дороти

Нагрейте духовку до 175 градусов
1 $\frac{3}{4}$ ст. просеянной муки пропустите через сито с 1 ст. коричневого сахара.

Добавьте: $\frac{1}{2}$ ст. размягченного сливочного масла

2 яйца

$\frac{1}{2}$ ст. молока

$\frac{1}{2}$ ч. л. соли

1 $\frac{3}{4}$ ч. л. пекарного порошка

1 ч. л. ванили

Взбивайте 3 минуты. Выпекайте в смазанной жиром форме 30 минут.

КАРАМЕЛЬНАЯ ГЛАЗУРЬ

2 ст. л. муки

$\frac{1}{2}$ ст. молока

$\frac{1}{2}$ ст. коричневого сахара

$\frac{1}{2}$ ст. сахарной пудры

1 ч. л. ванилина

$\frac{1}{4}$ ст. размягченного сливочного масла

$\frac{1}{4}$ ст. размягченного маргарина

$\frac{1}{4}$ ч. л. соли

Смешайте муку и молоко. Варите на слабом огне, пока не загустеет. Охладите. Соедините сахар, ванилин и сахарную пудру с маслом и маргарином. Взбейте в густую пену. Посолите. Влейте в охлажденное молоко с мукой. Смешайте. Взбейте до консистенции взбитых сливок.

Кукурузный хлеб миссис Мак-Уильямс

4 ст. кукурузной муки

2 ч. л. соды

2 ч. л. соли

4 взбитых яйца

4 ст. пахты

½ ст. жира, вытопленного из бекона

Духовку нагрейте до 230 градусов. Сухие продукты смешайте, в середине смеси сделайте углубление. Яйца, пахту и жир от бекона хорошо перемешайте, добавьте в кукурузную смесь, замесите тесто без комков. Глубокую чугунную кастрюлю хорошо смажьте, раскалите в духовке. В горячую кастрюлю выложите тесто; выпекайте 35–45 минут, до румяной корочки, готовность проверьте ножом. На 6-10 порций.

Фаршированные яйца, рецепт Луизы Фрэнкс

12 яиц, сваренных вкрутую

150 г пастеризованного сыра невшатель с оливками или перцем

2 ст. л. майонеза

2 ст. л. рубленых маринованных огурцов

2 ст. л. рубленого лука

½ ч. л. соли

Очистите яйца, разрежьте в длину пополам. Желтки раздавите, смешайте с плавленым сыром и майонезом. Добавьте остальные продукты. Начините белки.

Кекс Ирен Гуднайт

1 пакет желтой смеси для кекса

1 пакет смеси для ванильного пудинга

¾ ст. растительного масла

¾ ст. воды

4 яйца

¼ ст. сахара

½ ст. измельченных орехов

Порошок для кекса, порошок для пудинга, масло, воду и яйца соедините в миске. Взбивайте миксером на средней скорости 8 минут. Орехи смешайте с сахаром. Половину смеси высыпьте в хорошо смазанную круглую форму с дыркой. Выложите в форму половину теста. Посыпьте остатками ореховой смеси, сверху выложите вторую половину теста. Выпекайте 50 минут при температуре 175 градусов.

Печень с луком, рецепт тети Элнер

450 г говяжьей или телячьей печени перец мука
¼ ст. плюс 2 ст. л. сливочного масла или маргарина
2 большие луковицы, очищенные и тонко нарезанные
2 ст. л. муки
¾ ст. плюс 2 ст. л. мясного бульона
¾ ст. сметаны (по желанию)

Печень посолите, поперчите, обваляйте в муке. Обжарьте в глубокой сковороде на растопленном сливочном масле до светло-коричневого цвета. Выложите печень из сковороды.

На той же сковороде растопите ¼ ст. сливочного масла на среднем огне. Лук обжарьте до мягкости и золотистого цвета. Посыпьте мукой, хорошо перемешайте и тушите 1 минуту, непрерывно помешивая. Влейте мясной бульон; доведите до кипения и густоты, постоянно помешивая. Добавьте печень; тушите 10 минут на слабом огне под крышкой. Снимите с огня; выложите печень на блюдо. К соусу добавьте сметану, полейте печень. Подавать с рисом или горячей лапшой в масле. На 4 порции.

Фасолевая запеканка на поминки, рецепт Ирен Гуднайт

300 г неразбавленного грибного супа-пюре
½ ст. молока
4 ½ ст. вареной стручковой фасоли, нарезанной кусочками
½ ст. рубленого миндаля, слегка обжаренного (по желанию)
1 ст. измельченного соленого печенья
1 ½ ст. (170 г) тертого сыра чеддер

Прогрейте духовку до 175 градусов. Суп смешайте с молоком. Выложите половину стручковой фасоли в смазанную неглубокую форму для выпечки, залейте половиной супа; сверху высыпьте половину миндаля, печенье и 1 стакан тертого сыра. Повторите в той же последовательности: слой фасоли, миндаль, суп, печенье. Выпекайте в открытой форме 25 минут; сверху высыпьте оставшиеся полстакана сыра и поставьте в духовку еще на 5 минут. На 6 порций.

Острый сыр, рецепт Нормы

3 ст. (350 г) тертого мягкого сыра чеддер

1 ст. майонеза

2 ст. л. мелко нарубленного лука

2-3 ч. л. вустерского соуса (по желанию)

щепотка красного перца

2 банки (250 г) маринованного стручкового перца

Все продукты, кроме стручкового перца, измельчите в кухонном комбайне. Стручковый перец добавьте в последнюю очередь. Храните в холодильнике, в закрытой банке.

Ореховый пирог тети Элнер

½ ст. растопленного сливочного масла или маргарина

1 ст. прессованного коричневого сахара

1 ст. светлого кукурузного сиропа

4 взбитых яйца

2 ч. л. ванильного экстракта

1/3 ч. л. соли

1 сырая форма из теста

1,5 ст. орехов pekan

Нагрейте духовку до 160 градусов. Масло, сахар и кукурузный сироп смешайте в небольшой кастрюле и нагревайте на среднем огне, пока не растает масло и не растворится сахар. Слегка охладите. Яйца с ванилью и солью взбейте венчиком, постепенно вливайте сахарную смесь, продолжая взбивать. Выложите в форму из теста, посыпьте орехами. Выпекайте 50–55 минут. Подавать можно и горячим, и охлажденным.

Об авторе

Писательская карьера Фэнни Флэгг началась с телевидения, где она работала над сценариями для телепередач. Но первый успех к ней пришел на актерском поприще. После фильма «Пять легких пьес», где она сыграла с Джеком Николсоном, будущей знаменитой писательнице стали дружно пророчить звездную актерскую карьеру. Но Фэнни Флэгг сделала выбор в пользу литературы, хотя и продолжала сниматься в кино и играть в театре. Ее партнерами по сцене и съемочной площадке были такие звезды, как Джек Николсон, Мелани Гриффит, Джефф Бриджесс, Салли Филд. Дебют Фэнни Флэгг в литературе получился не менее успешным. Ее первый роман «Дэйзи Фэй и волшебник» занимал первое место в списке бестселлеров «Нью-Йорк Тайме» десять недель, что для дебюта невероятно. А второй роман, «Жареные зеленые помидоры в кафе „Полустанок“» стал не просто международным бестселлером, но был высоко оценен литературными мэтрами. По книге сняли фильм, который теперь считается классикой американского кинематографа. Сценарий фильма, написанный, конечно же, самой Фэнни Флэгг, получил Премию Гильдии сценаристов и был номинирован на «Оскар».

notes

Примечания

Марта Стюарт — бывшая телеведущая, ныне медиамагнат, обогатившаяся на своих талантах домохозяйки. — *Здесь и далее примеч. перев.*

Эрнест Кунитц — персонаж романа Фэнни Флэгг «Прогулка по радуге», дирижер школьного ансамбля.

Г. Лонгфелло. «Дождливый день». Перевод С. Черфаса.

«Долливуд» — парк развлечений в штате Теннесси (США), его владелица — Долли Партон, певица кантри.

Окра (бамия, гомбо) — экзотический овощ, недозрелые плоды растения семейства мальв. Окра очень популярна в индийской кухне, где ее обжаривают со специями и лимонным соком, луком, добавляют в различные соусы, кукурузный хлеб, печенье.

«Христианская наука» — религиозная система, разработанная в США Мэри Эдди Бейкер (1821–1910); опирается на Библию, а также на учение о духовном врачевании.

Джон Филипп Соуза (1854–1932) — американский композитор и дирижер, прозванный Королем марша.

Уединенная обитель, жилище людей, посвятивших себя религиозной жизни (место, в котором учитель живет вместе со своими учениками в Колорадо.